

рождество по-графски. репортаж из ясной поляны

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ОГОНЕК
01-02 / 4676-4677 / ЯНВАРЬ 2001 / ISSN 0131-0097

В ЭТОМ НОМЕРЕ

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ

БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ

ПОТОМКИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

КИНОЗВЕЗДА ОЛЬГА БУДИНА

АСТРОЛОГ ЗАРАЕВ

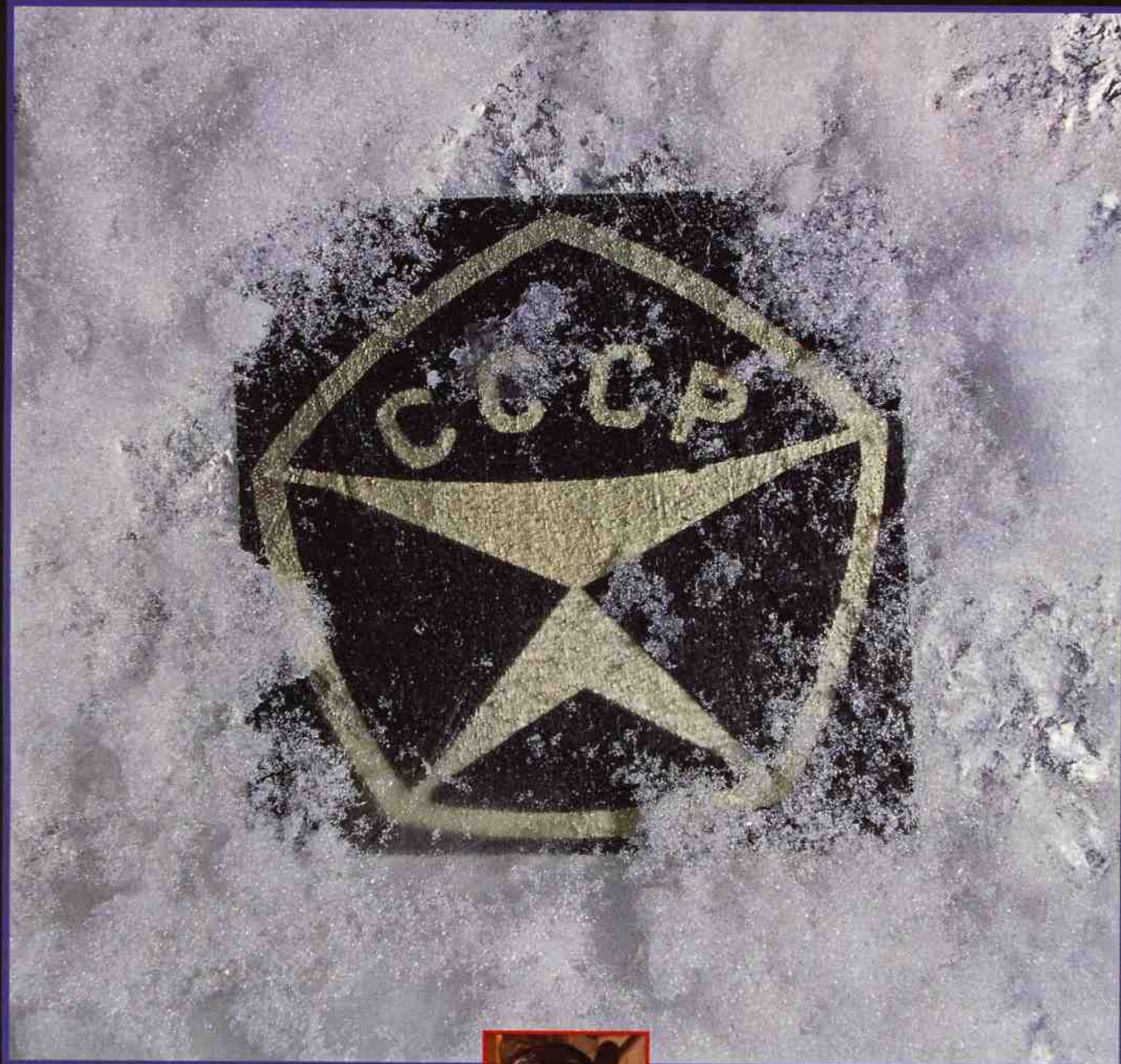
ИСКУССТВОВЕД ЧЕГОДАЕВА

ЧЕЛОВЕК-ТЕАТР ГРИШКОВЕЦ

МЕРИЛИН МЭНСОН

Самая большая тайна

Новое тысячелетие еще не новая эра. она наступит в 2002 году

Советская символика — большая проблема постсоветского общества. Большая страна привыкла к серпу, молоту, связке колосьев и красным звездам. Многие поколения под красным флагом совершали подвиги, преступления, умирали за него или против. Скромный Знак качества — сущая ерунда на фоне тех баталий, которые развернулись сегодня. Страна жаждет символики. Мы не хотим жить и умирать просто так, без всякого смысла, как западные мещане, буржуи и обыватели. И неважно, что старая символика была по большей части заимствована у масонов, да и кто об этом знает. Народ не хочет жить без руля и без ветрил. Народ желает иметь национальную идею. И чтобы она поднимала всех в шесть утра, как мы привыкли. А потом бы мы сели за стол и выпили бы кофейный напиток «Ма-

рия» со Знаком качества, и съели бы по куску прекрасного нашего хлеба из канадской муки (без Знака качества) с куском колбасы. Пусть колбаса тоже будет наша отечественная, не из ихних бешеных коров, а из наших родных буренок. Нашего советского качества. Советское — значит отличное. И ведь было же качество! Ботинки носили по двадцать лет, костюмы от отца к сыну переходили. Вещи служили десятилетиями, жизнями. Станки с начала века и до сегодняшнего дня служат. Трактора, самолеты, подводные лодки. У других давно уже все изнашивается, изламывается, в металлолом, в утиль уйдет, а у нас служат вещи со Знаком качества до последнего вздоха, до последнего взлета. Так со всем своим экипажем на дно и уходят, героически погибают, совершенно не изнашившись. Со Знаком качества.

Выходит с 21 декабря 1899 года
№ 1-2 (4676-4677) январь 2001Главный редактор: Николай ЧЕРНОВ
Заместитель главного редактора:
Борис МИНАЕВ, Сергей КОЗЛОВИЧ
Главный художник: Михаил РЕШЕТЬКО
Ведущий художник номера
Павел БАРАНИНСКИЙ
Обложка: Андрей БИТОВ,
Олег БУХАРКОВ, Дмитрий БЫКОВ,
Борис ГОРЮН, Владимир МЕЛИКАРАМОВ,
Евгений ПОЛИОВПринимая главного редактора: 257-3928
Ответственный секретарь:
Павел ПИРЬЯКОВ
Секретариат (257-32-98): Людмила МОУТУН,
Елена ЧЕРКОВА
Отделы:
Спецпроект (257-38-40):
Александр ПИКОНИЙ (редактор отдела),
Андрей БОЛДАЧЕНКО, Саша ГИВАНСКИЙ,
Кирилл КОЛПИН
Человек и общество (250-46-98, 257-33-07):
Михаил ПОДПЕВ (редактор отдела),
Елена КУДРИЦЕВА, Наталья ФЕДКОВА
Культура (251-03-50): Елена КУЗЬМЕНКО
(редактор отдела), Наталья ДЮЖЕНКО,
Наталья ДЮЖЕНКО, Ольга ЛУНЬКОВА
Детские проекты (251-89-83):
Наталья ЧУМАКОВА (редактор отдела),
Кирилл ЖУРЕНКОВ, Юлия КОЛЕСОВА
Письма (257-36-69): Зоя КОЛОТОВА
(координатор отдела)
Фотоиллюстрации (257-32-49):
Наталья УДАЧЕВА (координатор отдела),
Виктор ВЕРБА
Пресса МЕЛНИКОВА, Маргарита
ФЕДОРОВА, Фотография: Александр ДЖО,
Юрий ФЕСТИЛОВ, Марк ШТЕЙНБОК,
Лин ШЕРТЕНБЕРГ
Художники: Павел БАРАНИНСКИЙ,
Наталья ВАСИЛЬЕВА, Глеб КАПУСТИН
Бюро проверки: Юлия ВАСИЛЬЕВА,
Мария ДОМИТШЕНКО
Корректор: Елена ГУДКОВА,
Наталья ПЕРЕСЫЛОВА, Елена ЯКУБЧИК
Бюро производства:
Светлана АКИМОВА (зав. бюро производства),
Елена ГЛУХОВСКАЯ,
Марина САВОСТЬЯНОВА,
Наталья ЯКУШЕНКО
Служба технической поддержки:
Дмитрий КОМАТЕВ, Сергей КАЛЧЕВ
Группа репродукции:
Александр ЗДАНОВИЧ, Виктория ШАБАНА
Набор: Надежда ПИВАНОВА
Собственные корреспонденты:
Борис ВАСИЛЬЕВ (8922) 93-09-89
Крымск: Зоя МИЛЮХИНА (3912) 43-06-61
Москва: Павел НИКОЛЬСКИЙ (8852) 25-62-55
Лондон: Светлана ДЮЖЕНКОАдрес: 127994, ГСП-4, А-15, Москва,
Бумажный проезд, 14.
Телефон для справок (095) 250-22-30.
Телефон (095) 943-00-70. Telexmail 112349
«Огонек». Internet: <http://www.ogonek.ru/ogonek>
Учредитель и издатель журнала
(ОАО) «Издательство «Огонек-пресс»».
Журнал зарегистрирован Государственным
Комитетом по печати РФ 10.08.2000
за № 77-5187.
ООО «Издательство «Огонек-пресс»»
Информационный директор БАЛБАХОВ Ю.В.
Директор по распространению 257-39-51,
943-00-70 (факс).
Отдел рекламы: 250-15-33, 250-56-88 (факс).
Региональные и коммерческие
программы. Тел./факс: 250-24-21.
Отдел PR, рекламные проекты
Наталья ШВЕДОВА (координация отдела)
257-32-40.
Дизайн, цветоделение, изготовление фотографий —
340 «Журик» «Огонек». Тел.: 257-31-23,
250-24-21.
Служба поддержки и размещения рекламы
журнала: в сети Интернет осуществляется
340 «Журик». <http://www.ogonek.ru>
Телефон коммерческой службы: 207-75-56.
Публикация осуществляется при информировании
поддержки рекламы: ИТАР-ТАСС, REUTERS.
Номер подается в печать 11.01.01.
Цена свободная.
Тираж: 50 000 экз.
Отпечатано в типографии 340 «Алмаз-пресс»
Материалы, помеченные знаком СД,
публикуются на правах рекламы.
Мнение редакции не обязательно совпадает
с мнением авторов журналов.
Перепечатка материалов — только с разрешения
редакции.© «ОГОНЕК» 2001
На обложке фото Юрия ЖЕЛУДЕВА,
стилист Наталья ГОЛУБЬ

г л а с н а р о г а

№ 48 / декабрь 2000

«А В НАШЕМ ВЕКЕ...»

В подборке «С Новым веком...!» проиллюстрирована заметка из «Петербургской газеты» (январь 1901 г.), некая гражданка жаловалась, наступил новый век, а все ходит хмурое.

А мы с вами, что, изменились за сто лет? Я прочитала множество предновогодних журналов и газет и нигде не нашла простой детской радости ожидания нового века. Нельзя входить с такими настроениями в новое столетие. Вы же сами написали: как встретили новый век, так его и проводили! И тут же с тоской пишете, что мировая технологическая эволюция испортит нам жизнь окончательно и что вообще человечество катится к упадку. Мне грустно провожать свой век. Но мне радостно встречать новый. Многие будут поговаривать: «А вот в нашем веке...» Быть может, и все смогут воплотиться в условиях нового столетия. Но радость охватывает, что судьба дала мне возможность пожить сразу в двух, как я искренне убеждена, лучших столетиях в истории человечества.

Е.А. БРАТОВА, 1921 г.р., Москва

№ 41 / ноябрь 2000

ОНИ ВЫЖИВАЮТ

Основная мысль статьи Бориса Минина «Свобода выбора» та, что се-

годняшние беспризорники становятся таковыми из любви и свободы. Все, оказывается, просто...

Какую такую свободу беспризорники ищут на улице? Может быть, стоит пойти на Казанской вокзал ближе к полуночи, спросить у беспризорников. Таких сейчас, в январе, найти несложно. А потом попробовать их в приют устроить. Заодно узнать, что привозят в Москву не больше десятка, все они переполнены до предела, принимают туда по направлению местных властей, а ребенка-немосквича вообще нигде нискогда не возьмет, и даже приемник-распределитель (теперь он называется Центр временной изоляции несовершеннолетних преступников) для бездомных детей закрыт, пока они не совершат преступления. В таких условиях да не любить свободу! Да разлюбил все бездомные дети свободу, что же мы с ними будем делать? Привозят не хватает, назад, в родную семью, отправляют? Так надо с семьей работать, а в России нет ни одной организации, серьезно занимающейся профилактикой бродяжничества в проблемных семьях. По детдомам всех рассовать? Так ведь и там, знаете ли...

Вы вправе возражать, что это разные вещи. Одно дело — присаживать ее грязными подвалами и вокзалами, другое — взгляд со стороны, своего рода философия бродяжничества. Тут я не соглашусь. Я не вижу абсолютно никакой философской идеи у детей улицы. Более того, даже малый намерен мысль сделать из них поколение молодых бунтарей считаю недальновидным. Вас не пугает стремление общественного сознания подвести философскую базу под любые, в том числе даже откровенно отрицательные, деяния общества? Я боюсь, что ваша мысль упадет на подготовленную почву.

Да, свобода — это выбор. Между чем выбирает сегодняшний беспризорник? Между побоями дома и побоями на улице, между голодом там и голодом здесь, между равнодушием родителей и бездушием общества? В чем его свобода? В том, что всем наплевать на его будущее? Вы уверены, что он ВЫБИРАЕТ?

Я давно занимаюсь социальной педагогикой, общалась с детьми, которые убегают из дома или интерната. То, что они обладают сильным характером и независимостью, миф. Большинство из них плывут по течению, не умеют принимать решения. Поэтому их так легко эксплуатировать взрослым негодьям. Они не ВЫБИРАЮТ, они ВЫЖИВАЮТ. Сможем ли мы почувствовать разницу? Без этого все слова о любви беспризорника к свободе — это упоение общества свободой от всякой ответственности.

Наталья СТЕПАНОВА, кандидат фил. наук,
литературный редактор и авторизованный
депутат думы «А-человек»

ШУМ БРЯНСКОГО ЛЕСА

Пишет вам ваша читательница почти с пятидесятилетним стажем. Начали мы в семье получать «Огонек» в 1953 году, так совпало, что в этот год журнал возглавил Анатолий Владимирович Софронов. Мы жили тогда в Брянске, и я написала ему, известному поэту-фронтовику, письмо в редакцию с благодарностью за стихи «Шумел сурово Брянский лес». Мой дядя был в партизанах и рассказывал, как к ним прилетал молодой красивый военный корреспондент, если не ошибаюсь, от газеты «Известия» по фамилии Софронов. И вот потом появилась песня о брянских партизанах, которая стала гимном нашего города. Рассказ дяди я и изложила в письме. И через некоторое время получила ответ, в котором Анатолий Софронов описал, как под шум сосен пили они из железной кружки по кругу за победу.

И вот с 53-го года я уже не расстаюсь ни с «Огоньком», ни с творчеством его главного редактора. Думаю, что творчество Анатолия Владимировича вы хорошо знаете, особенно песни, которые стали народными. Уверена, вы помните и о том, что в январе этого года ему исполнилось бы девяносто лет. Но я хочу, чтобы вы знали, что есть в нашей огромной стране читатели, которые тоже помнят об этом. Н.П. ДОРОШЕНКО, Санкт-Петербург

№ 42 / ноябрь 2000

ЧУДЕСА В ОЗЕРЕ

После вашей статьи о динозаврах и всяких чудесах я все-таки решил вам написать. И вот о чем. В Республике Коми есть Прилузский район, где расположено озеро Черное. По площади оно небольшое, но очень глубокое. Местные жители утверждают, что в озере есть подводные пещеры, где живет какое-то чудовище, иногда оно выходит из озера. Его якобы неоднократно видели. Я разговаривал с одним из очевидцев. Это очень серьезный человек, один из ответственных работников правоохранительных органов республики. Мистификацию с его стороны полностью исключаю. Рассказал он об этом только мне. На вопрос, почему он молчит, ответил: «Не хочу, чтобы надо мной смеялись». Именно поэтому я не называю его фамилии. В детстве он вместе с другими ребятами видел на озере нечто вроде крокодила. Они очень испугались и убежали. Но, повторю, неоднократно чудовище видели и другие, в том числе взрослые.

Уверю, что не наврал ни слова, и очень надеюсь, что моя информация представит для кого-нибудь интерес. Д.В. ГРИШАНОВ, Москва

Внимание! Дорогие друзья! Следующий номер «Огонька» (№ 3 — 4) будет двойным и выйдет на печати 22 января 2001 года. Просим обратить внимание на правильное написание нашего адреса: «Огонек», Бумажный проезд, 14, Москва, А-15, ГСП-4, 127994. Как видите, адрес остался прежним, изменился только индекс. Ждем ваших писем!

д е т с к и й л е п е м

«ЧТО ТЫ ЖДЕШЬ ОТ НОВОГО ВЕКА?» —
спросили мы детей

АНДРЕЙ, 9 ЛЕТ:

«Хотелось бы, конечно, чтоб люди летать научились, но никто изобрести этого не сможет. В новом веке вообще ничего не изменится, если честно».

ХАЯЛ, 14 ЛЕТ:

«Моя жизнь изменится к лучшему в новом веке! Я буду играть в футбол, потому что это мое любимое занятие! Люди будут делать только то, что хотят, а войн не будет...»

КАТЯ, 14 ЛЕТ:

«Я жду, что в новом веке всем дадут большую зарплату, еще излучат изобретения, и проплатят свою большую зарплату никто в новом веке не будет...»

НАСТЯ, 15 ЛЕТ:

«Будет все только самое хорошее, а злые дела навсегда исчезнут, потому что люди станут добрее, все будут богатые, никому денег не нужно будет... Денег вообще не будет в новом веке!»

ТАНЯ, 12 ЛЕТ:

«Очень бы хотелось, чтоб люди летать наконец научились и дышать под водой. Скорее всего всех и научат. И в школе мы будем проходить это!»

ДАВИД, 15 ЛЕТ:

«Новые технологии жду, а какие точно — понятия не имею. Наверное, новую бытовую технику изобретут, и мы все будем жить лучше...»

В НОМЕРЕ

10 ПОСТОРОННЕЕ ЛИЦО

В РОССИИ ВЫЯВЛЕН ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ онкологического заболевания, по симптомам схожий с тем, от которого уже умерли несколько солдат НАТО, участвовавших в войне на Балканах. Игорь Долгий, старший сержантконтрактник из Ярославля, тоже служил на Балканах.

14 НА РОЖДЕСТВО К ТОЛСТОМУ

«ПОЧЕМУ В РОССИИ ОДНИМ ВЗГЛЯДОМ МОЖНО УВИДЕТЬ СРАЗУ ВСЬ МИР?» — задумался Борис Минаев, приехав в Ясную Поляну. И сам себе ответил: «Не знаю». Надо сказать, что в поисках ответа на этот вопрос ему пришлось выпить за все основные произведения Льва Николаевича.

23 ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ

НА САПОГАХ ЗАРАЕВА

Наш самый «научный» астролог Александр Зараев, чьи календари и брошюры о влиянии звезд на судьбу продаются в каждой электричке, объясняет, почему реформы в России никогда не идут по плану, а двигаются по принципу молнии — быстро, ярко, красиво и криво.

28 ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ:

«Я ОТНОШУСЬ К ЛЮДЯМ, КАК К ЧЕРНЫМ ЯЩИКАМ...»

По мнению экспертов, он стабильно держится в третьем десятке ведущих политиков, де-юре политиком не являясь. Впрочем, из его беседы с Александром Никоновым стало ясно, что политиком Павловский все-таки занимается — вместо тех, кто должен был бы ею заниматься, но не умеет.

«Я БЫ СЪЕЛА ШИЛОВА С БОЛЬШИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ!...» —

ПРИЗНАЛАСЬ ИСКУССТВОВЕД МАРИЯ ЧЕГОДАЕВА

И рассказала нашему корреспонденту Владу Васюхину о своих взаимоотношениях с некоторыми именитыми художниками и о своем к ним отношении, а заодно и о том, в какие картины следует или не следует вкладывать деньги.

ОГОНЁК

НАСТРОЕНИЕ НЕДЕЛИ

Слушайте «Настроение недели» на Радио-1 — «Доброе радио», УКВ 68,3, каждое воскресенье в 18.30

СЕРТИФИКАЦИЯ (ИЗВЕСТИЯ), СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»

Утро нового века

Утро

на старом Нового века

Саша
ИВАНСКИЙ

... **К**ак будто это было где-то в поле, что ли. Я. И какая-то странная красивая девушка, символизирующая, ясное дело, новый век. С короткими серыми волосами, с неисчезающей улыбкой. Мне, понятное дело, хочется девушку поцеловать, обнять и всякое такое, а она на меня смотрит с милым укором, качает пальцем указательным перед моим расплывающимся взглядом и говорит, мол, так не положено. Так же она говорит: «У тебя есть дела и поважней, смотри, главное — не проспай ничего важного». А потом супербабщища куда-то скрывается, а я по утреннему ползу за ней бегу босиком. Я ее уже и не вижу, если быть до конца честным, а только чувствую жуткий холод в пятках от утреннего снега и повторяю, как какой-то загипнотизированный болван, что главное — не проспать чего-то важного.

В девять утра 1 января 2001 года я резко пробудился от холода в ногах: сползло одеяло. И тут же вспомнил: начался новый век! В доме, конечно, все мило спали, всем было пофигу это значительное событие, но я при такой ответственной мысли заснуть никак не мог. Я, по правде сказать, ждал чего-то такого экстраординарного, даже комнату, кутаясь в толстое теплое одеяло, всю оглядел в поисках очевидных признаков пришедшего накануне нового столетия. Признаков не нашел, за окном стояла хмурая январская погода. Тогда я залез с головой под свое толстое теплое одеяло, закрыл там глаза и страстно прошептал: «Новый век пришел!» Потом резко вскочил и решил проведать, чем жизнь в прошлом маргинальном и упадническом столетии отличается от жизни современной, прогрессивной и оптимистичной — от жизни XXI века. Я заглянул в спальню родителей и с ужасом осознал, что для них, как и для погоды, жизнь ничуть не изменилась — они, как и каждый год, старательно отсыпались после празднования Нового года. Сестричка моя тоже дрыхла. В доме стояла полнейшая тишина. В этой тишине прогрессивная часть человечества в одних трусах вдохновенно, но на цыпочках, чтоб не разбудить остальных, бродила по родному дому и думала: как же, блин, хорошо, что случается новый век!

Я пошел на кухню и стал заниматься своим любимым постновогодним делом. Такой ритуал повторяется, по правде сказать, из года в год (и новый век здесь ни при чем): я прихожу с утра пораньше к холодильнику и быстро, пока все спят, съедаю самое вкусное из оставшегося с новогоднего стола. Таким образом прогрессивному человечеству досталось все самое лучшее. Я подогрел картошку жареную с курицей тушеной, съел селедку под шубой, попил всех безалкогольных напитков и остался вполне доволен.

Потом я быстро оделся и вышел проведать родной нестоличный город в состоянии нового века. Город маргинально спал и нисколько не разделял моих восхищенных чувств. Следы нового века стояли повсеместно: недопитая бутылка шампанского или водки, слегка потропанная елка и пивные крышечки.

Вдруг я шестым чувством почувствовал, что кто-то на меня пялится. Оглянулся и увидел алкоголика на скамейке. Последний находился в состоянии полусна и на мои радостные поздравления относительно нового века лишь что-то промычал. «Недолго вам, алкоголикам, осталось», — философски заметил я сам себе, с жалостью поглядывая на мужика. — В новом веке алкоголизм как явление, безусловно, искореняется!»

Я зашел в пивной бар, но там, кроме полусонных продавщиц, которых в новом веке по старой традиции заставляют пахать за прилавками круглосуточно, никого не было. Полусонным продавщицам было, очевидно, не до нового века, им хотелось по старинке в теплую кровать к мужу. Я захотел было их ободрить, подхожу и говорю, мол, мне сегодня приснилось, будто какая-то символическая офигительно красивая бабщица сказала, что главное — не проспать! Продавщицы зыркнули на меня из-за прилавка мутными глазами и хмуро промолвили по-деловому, что они на рабочем месте никогда не спят.

Покатался на троллейбусе. В этот ранний час нового века я был совершенно одинок, так что даже поговорил относительно нового века с обыкновенно ненавистной мне кондукторшей. Кондукторша, как и продавщицы в магазине, тоже была сонная. Ее тоже заставили работать всю ночь, она даже в торжественный миг встречи нового века была в троллейбусе. Я прогрессивно проинтервьюировал кондукторшу. Вот что она мне рассказала по этому поводу: «В троллейбусе в тот момент никого не было. Ну, я и подумала, что можно слегка соснуть, пока никто не видит. А Генка, водитель то есть, так мне и говорит, иди сюда, мол, сейчас Новый год будет! Генка специально свои часы точно поставил, чтоб знать наверняка, когда Новый год наступит.

Ну, стоим мы около кабины его, считаем до двенадцати, потом пожали друг другу руки и — дальше на работу! Впервые я встретила Новый год на рабочем месте!»

На троллейбусе я не просто так катался, на троллейбусе я ехал к своим друзьям, которые справляли новый век в своей шумной и слегка маргинальной компании. Вот, думаю, где я по-настоящему найду себе единомышленников по части нового века! Единомышленников я, честно говоря, там особо не нашел, так как все отсыпались после бурного праздника, кроме одной девушки по имени, как выяснилось, Катя. Я как увидел Катю, так сразу офигел: именно она убегала от меня в символическом сне нового века!

— Катюш, а я тебя сегодня во сне видел. Во сне и влюбился!

А она улыбается и думает наверняка, что я шучу. Тогда я серьезно так прочихаюсь, распрямляю плечи, провожу рукой по неприглаженным волосам и низким полубасом, который вроде должен действовать на людей убеждающе, повторяю:

— Кать, а я серьезно. Приснилась ты мне. В первом сне нового века. Не просто так это.

Катя на это долго смеялась, а потом подытожила:

— Да, — говорит, — любовь — это тебе не шишки, мягко говоря, тырить!

Мы здорово с ней посмеялись по этому поводу. Потом гуляли по холодному утреннему городу и болтали всякую чепуху. Я ей даже стихи читал Пушкина про любовь, которые учил еще ко вступительным экзаменам. Она сказала, чтоб я не трюндил ей всякий вздор, а так как говорить мне было больше не о чем, то я стал рассказывать ей о том, чего я ждал и не дождался от нового века.

В последний день уходящего века я думал совершенно серьезно проститься со всеми недоразумениями двадцатого столетия, но с ужасом обнаружил на следующий день, что большинство из них остались. Мама все так же откармливала меня силой, словно на убой, папа все так же кричал на маму, а сестра все так же недоверчиво смотрела на мир. И тогда до меня стало постепенно доходить, что новый век сам по себе, в общем-то, ничего такого особо важного не значит. Новый век приобретает смысл, лишь когда появляются люди нового века. Люди нового мышления и новой формации.

Я все это бодро и радостно рассказывал моей любимой Катюше, а она серьезно слушала и постепенно проникалась ко мне уважением, так как говорил я очень складно, порой вставляя в свою речь деэпричастные обороты. Потом спросила:

— А откуда вообще весь этот оптимизм? Может, в новом веке взорвется просто атомная бомба, и все мы, прогрессивные, умрем, как лохи чилийские...

— Нет, — бодро отвечал я. — В новом веке такого не будет. В новом веке просто люди станут добрей и им незачем будет придумывать новые атомные бомбы!

Катя в ответ на это довольно-таки презрительно оглядела меня с ног до головы, что меня на самом деле нисколько не смутило, потому что настоящие убеждения куда важнее даже самой клеветы бабщиц!

Если трезво взглянуть на ход развития человечества, то нельзя на пороге нового столетия не быть оптимистом. Возьмем, скажем, восемнадцатый век. До него люди только лишь занимались производением продуктов для выживания и с каждым новым веком лишь совершенствовались эти продукты. В девятнадцатом веке человечество осваивает наконец средства производства, начинает строить заводы и производить себе питание, так что ближе к концу столетия количества продуктов в принципе уже достаточно для всех жителей.

Не всем, правда, достается. В двадцатом веке люди придумывают коммуникации для того, чтобы потом придумать мировой рынок сбыта. К концу двадцатого века проблема удовлетворения людьми естественных физических человеческих потребностей решена. В двадцать первый век прогрессивное человечество впервые в своей истории входит с совершенно иными, немислимыми до того, потребностями. Если раньше все прежде всего хотели просто не умереть с голоду, то теперь всем нужна доброта в общении!

Наладив коммуникации между собой, имея возможность пообщаться с человеком в любой точке планеты, человечество теперь позаботится лишь о том, чтобы сделать это глобальное общение для себя приятней! Другими словами, в новом веке люди станут добрей, и это не пустые слова, а медицинский факт!

Когда я радостный, девушкам приятно на меня смотреть. И я боковым зрением замечаю, что Катюша восхищенно улыбается и вся изнутри светится здоровьем. Я вдохновенно распахиваю свою куртку и подставляю свое простуженное горло свежему утреннему холоду. Я делаю походку веселой и непринужденной.

Потому что это — мой век.

поставщик высококачественных нефтепродуктов на российский рынок и в страны ближнего зарубежья. По вопросам поставок обращаться: тел. (095) 777-31-49, факс (095) 777-31-50

ОГОНЕК

ПАНОРАМА

100 лет с «Огоньком»

паника недели

▲ ВСЕХ ПОБЕДИЛ СЛАВА!

Дорогие друзья! Более двух лет вы вырезали купоны нашего юбилейного конкурса «100 лет с «Огоньком». Спасибо всем! Из ваших писем мы знаем, с каким трудом удавалось доставать очередной номер «Огонька» где-то на Чукотке или в маленькой деревушке Красноярского края — пропустить нельзя, такковы условия. Огромное спасибо, дорогие читатели! За верность, за поддержку, за участие в конкурсе.

В канун нового века тысячи ваших толстенных конвертов с купонами, присланные из самых разных уголков России, из Японии, Венгрии, Америки, Канады и даже из Австралии, участвовали в розыгрыше нашего главного приза. А приз, как вы помните, — семейная поездка в любую точку земного шара.

Кто же стал счастливицом? Вот он перед вами — победитель конкурса Вячеслав Михайлович МЕЩЕРЯКОВ из города Королева Московской области. Ему 35 лет, работает Слава в производственном отделе издательства ОАО «Любимая книга». Он с женой и ребенком поехал в Австрию кататься на лыжах.

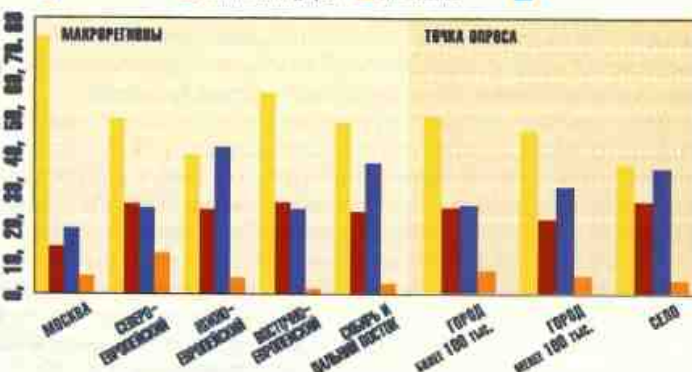

▲ КОНЕЦ США?

«Огонек» уже не раз писал о том, что США стоят на пороге экономического спада. Теперь это подтверждается и авторитетными американскими экспертами, и косвенными признаками. Так, по правительственным данным, число жителей Соединенных Штатов, решивших воспользоваться пособием по безработице, в предновогоднюю неделю достигло рекордно высокого уровня за последние три года. К тому же наблюдаются явный спад в сфере услуг и падение прибыли американских универмагов. Аналитики прогнозируют падение роста экономики с 5% до 1—2%. Федеральная резервная система США, по идее, должна приложить усилия к активизации экономики, но, как заявляет видный экономист Джеймс Глассман, она вряд ли сумеет изменить ситуацию на ближайшее полугодие.

вопрос недели

■ ПРИСПОСОБИЛИСЬ ■ ПРИСПОСОБИЛСЯ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ ■ НИКОГДА НЕ СМОЖЕМ ПРИСПОСОБИТЬСЯ ■ ЗАГРУДИЛИСЬ ОТВЕТЫ

▲ ВЕТЕР С СЕВЕРА

Реформам в России уже десять лет, и конца им не видно. Приспосабливаемся ли? По данным ВЦИОМ, ветер перемен дует с севера и застревает, как правило, в Москве и на Уральском хребте, там больше всего приспособившихся — более половины. Лишь краешком этот благодатный циклон задел Сибирь и Дальний Восток, а вот на юг он, скорее всего, и не доберется — так считают почти сорок процентов жителей русского юга.

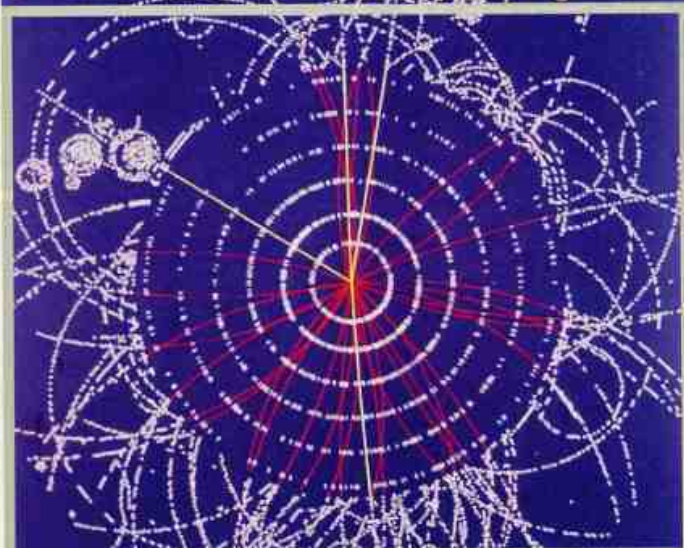
Лучше всех приспособились средний класс и богачи — более половины, но и среди них есть аутсайдеры. Бедные два процента богатых!

ОТКРЫТА ШКОЛА ДЛЯ САМОУБИЙЦ

Довольно эксцентрично пытаются решить проблему эвтаназии в солнечной Австралии. Австралийский доктор Филипп Нитшке открыл здесь школу для будущих самоубийц. Своим студентам он преподает, как быстро и безболезненно покончить с жизнью в случае неизлечимой болезни или нечеловеческих страданий. Учащиеся изучают всевозможные лекарственные вещества и требуемые для прерывания жизни дозы. Большинство студентов доктора чуть старше 60 лет. Всего их шесть человек, и ни один из них не желает покинуть учебное заведение. «Пока мы еще управляем своими судьбами, — говорят они, — нужно учиться находить выход из возможной мучительной ситуации».

БОЛЬШАЯ НАУКА

МЕГАГИБЕЛЬ НАНОЧЕЛОВЕЧЕСТВА

По авторитетным прогнозам одного из ведущих мировых специалистов в области нанотехнологий американца Э. Дрекслера, скоро эти самые технологии достигнут такой степени развития, что созданные с их помощью системы механизмов смогут самовоспроизводиться без непосредственного участия людей. Причем им не понадобятся ни редкостные ресурсы, ни большая энергия. Или, например, как заявляют исследователи из IBM Research, с помощью нанотехнологий можно будет более чем в сотню раз повысить плотность записи информации в магнитных средах. А то и соединить органическое с неорганическим, приспособить ДНК к конструированию чипов или практиковать построение уникальных материалов из так называемых искусственных атомов. Правда, это может означать и новые виды оружия, и бесконтрольное самовоспроизведение наномеханизмов, и бог знает что еще. Известные и уважаемые люди, соприкасающиеся с вопросами футурологии, как, к примеру, Билл Джой в статье для журнала Wired или далай-лама в своем труде «Этика для нового тысячелетия», уже давно, но безрезультатно бьют тревогу. Человечество со средней современной скоростью 33 600 бит в секунду уверенно несется к собственной высокотехнологичной гибели.

ШАПОВАЛОВА ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

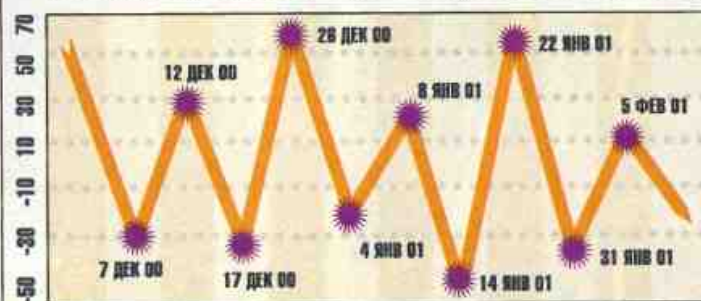
Несмотря на насмешки специалистов, прогнозы старшего научного сотрудника Гидрометцентра кандидата физико-математических наук Нины Сергеевны Шаповаловой («Огонек» №№ 8, 9, 41) продолжают успешно сбываться. Так, в полном соответствии с намеченным графиком, 26 декабря рухнули в районе острова Врангеля, не долетев до орбиты, аж шесть спутников. Да простит нас читатель за горький сарказм, но мы еще в начале года опубликовали график, в котором этот день был обозначен как день наибольшего энергетического всплеска, и если наши ракетчики нас не послушали, то мы не виноваты. А между тем точно такая же ситуация уже случалась 15 июля и 19 января. Правда, 19-го пострадали не мы, а американцы, неудачно назначившие на эту дату испытание своей СОИ-овой системы. Но те еще могли не знать про графики Нины Сергеевны, поэтому им такая неосторожность простительна, а вот нашим. Ну что ж, видимо, дважды наступать на одни и те же грабли — это у нас в крови.

Как говорят, «предупрежденный наполовину спасен», но только наполовину, в остальном он должен выбирать сам. Хорошо еще, что с чукотскими детьми, отправившимися в тундру на вездеходах в ночь 21 ноября, все обошлось нормально, но вот альпинистам, пытавшимся покорить вулкан 18 декабря, уже помочь не сможет никто.

Вот сейчас все удивляются, почему в Европе снега нет, а в Сибири рекордные морозы. А ведь все очень просто. Европа предельно энергонасыщена. Кроме огромного количества электроприборов, которые сами по себе являются мощными источниками электромагнитного излучения, есть еще и миллионы мобильных телефонов, каждый из которых является довольно мощной передающей установкой. Странно было бы думать, что такая ситуация никак не откликнется на окружающей природе. Под воздействием такой силы энергии антициклоны, которые отвечают за доставку к земной поверхности верхних, холодных и ионизированных, а значит и энергозаряженных слоев воздуха, просто не могут закрутиться. Их заряды под воздействием мощного электромагнитного поля пропадают, не доходя до земли, и процесс заканчивается, только начавшись.

Но холода у нас все-таки еще будут. По словам Нины Сергеевны, с девятого января по пятнадцатое начнут закручиваться новые антициклоны, которые должны, наконец, немного подморозить Западную Европу. Потом будет довольно высокий пик двадцать второго января, после которого тоже должно похолодать. А вот февраль должен быть теплым месяцем.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ВРАЩЕНИЯ ЗЕМЛИ

Самый тяжелый день января — это тоже двадцать второе число. Это день очень большого энергетического всплеска. Хотя такие всплески более опасны для развитых стран типа США или Германии, но и у нас от него тоже страдают и люди и аппаратура. В этот день не рекомендуется запускать сложные в техническом отношении проекты. Кроме того, этот день очень опасен для пожилых людей и для людей, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями. Изношенный организм может просто не выдержать большого прилива энергии. А вот февраль обещает быть довольно ровным. Если спады, то неглубокие, если пики, то невысокие. В общем, ничего страшного. Общая картинка идет на спад, и если прошлый год был годом высокой энергетической активности, то в этом будут преобладать спады.

И еще раз повторим: графики госпожи Шаповаловой ни в коем случае не догма и не гадание на кофейной гуще. Это именно руководство к действию. И если у кого-то двадцать второго января обанкротится фирма, просим ни нас, ни на Нину Сергеевну не пенять.

СПУСКАЙТЕСЬ В МЕТРО!

«Метро» — единственный по-западному правильный мюзикл, идущий в Москве. Такой, на котором уже побывали и Борис Ельцин, и Владимир Путин, и Юрий Лужков, и Валентина Матвиенко. Это, конечно, из-за преемственности его постановки в нашей столице, как и на Бродвее, осуществили режиссер и хореограф Януш Юзефович и композитор Януш Стожоса. За национальные особенности отдавались авторы русской версии Юрий Яценко и Галина Полиди. Но основная особенность мюзикла даже не в этом. Главное, что звезды «Метро» — отобранные по конкурсу молодые и талантливые люди — играют самих себя, они рассказывают истории своей жизни.

ЛИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ

Шестого международного кинофестиваля, открывшегося 13 января в Москве в Центральном доме кинематографистов, своеобразное название — «Лики любви». Своеобразная, но волнующая тема — любовь, соответственно. Наконец, своеобразные 17 фильмов, которые еще не были в российском кинопрокате. Из спецпрограмм фестиваля — подборка кинокартин из Венгрии, Китая, Греции и других далеких стран на тему «XX век. Тоталитарный роман» от киноведа Сергея Лаврентьева, доступная зрителям кинотеатров «Родан», «Мир Кинотавра», «Америка-Синема» и Дома кинематографистов. Да и жюри своеобразное. В президентах — супруги Марина Зудина и Олег Табаков.

РОДОМ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

Накануне нового века праздновало юбилей старинное литературное рок-кабаре «Кардиограмма». 20 лет назад его основал литератор Алексей Дилунов — ему удалось возродить стародавнюю московскую традицию салонного общения, где каждый, обнаруживший в себе творческий порыв, мог выйти к микрофону. Эта традиция сохранилась и сейчас: на юбилейном вечере выступали и обнимали друг друга поэты, барды, журналисты. И мы, огоньковцы, там были, мед-пиво пили. Поздравляем вас, родившихся в подполье!

ПОСТОРОННИ

Игорь рассказал, что еще в самом начале службы среди десантников прошел разговор, что якобы Слатину американцы «бомбили ураном». Но он тогда не придавал этому значения. И никогда бы и не вспомнил о том разговоре, если бы по ТВ не показали заболевших лейкемией военнослужащих из НАТО

ЕЕ ЛИЦО

Павел НИКИТИН собкор «ОГОНЬКА»

Трагедия. У группы военнослужащих из Италии и Франции, участвовавших в операции НАТО против Сербии, обнаружен рак крови, лейкомия. Несколько военных уже умерли. В очередь на тот свет стоят те, кто пока еще жив. Они выступают по ТВ. В глазах облысевших бедолаг неподдельный ужас и недоуменный вопрос: «Янки, что вы наделали?!» Европа не сомневается, что несчастные стали жертвами применения США в войне с Сербией бомб и снарядов, оснащенных для эффективности обедненным ураном.

В Европе шум. Звучат требования возместить ущерб, нанесенный пострадавшим, а заодно и запретить опасное оружие.

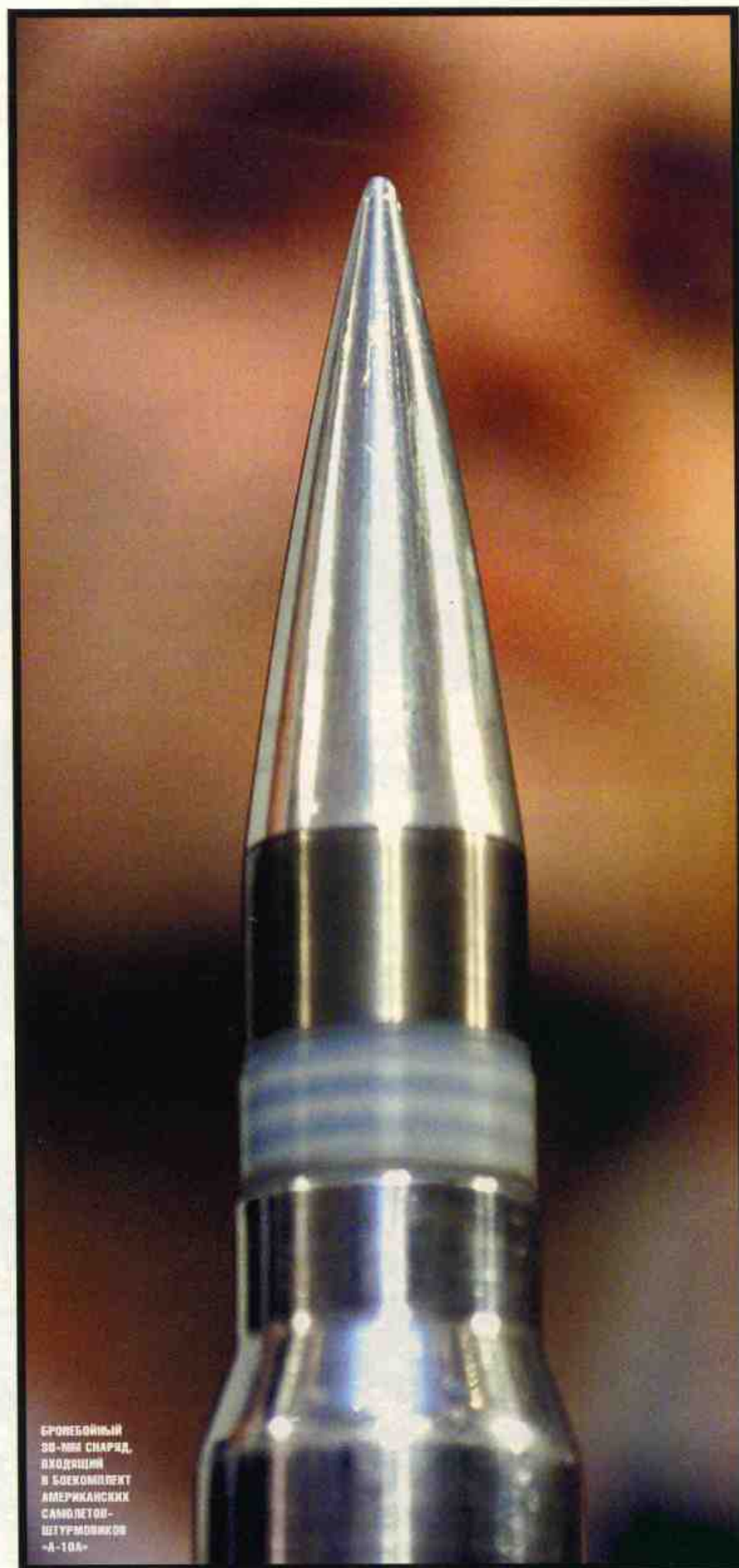
Не меньше слышно голосов, утверждающих, что весь этот шум — блеф. Что никаких реальных доказательств вредности бомб и снарядов у паникеров нет, а все заболевания — случайные совпадения, вон у русских — никто не заболел. Честно скажу, я тоже так считал, пока случай не свел меня с ярославцем, старшим сержантом Игорем Долгим.

Вот он сидит передо мной. С виду вполне здоров, только тускловато-грустные глаза внимательному взгляду укажут: с парнем что-то неладно. И походка, которой он вошел в комнату, чуть подпрыгивающая — тоже. Игорь показывает мне заверенную круглой фиолетовой печатью медицинскую справку: у совсем еще молодого человека тяжелое заболевание крови, которое, как и лейкомия, относится к разряду онкологических. Игорь подцепил свою болячку там же, где и солдаты НАТО, на Балканах.

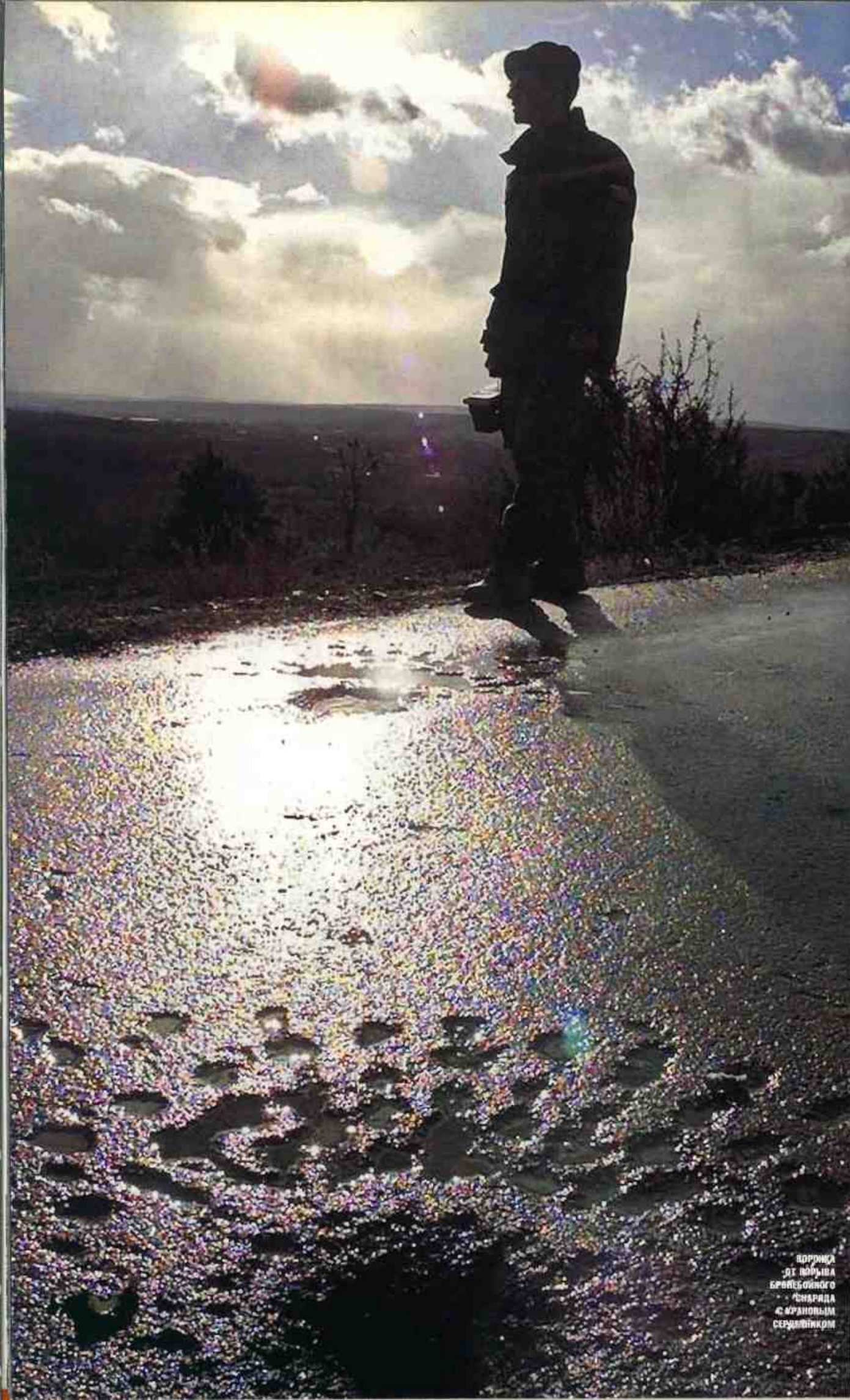
Слатина. Название этого небольшого сербского аэродрома выскочило на первые полосы всех мировых газет после того, как Слатиной после окончания воздушной операции НАТО неожиданно завладели неведомо откуда взявшиеся российские десантники. Пока в НАТО размышляли, что делать с незваными гостями, на аэродром с неба сыпалось подкрепление. Россия расширяла захваченный плацдарм. Среди тех, кого забросили на Слатину, был и старший сержант, контрактник, «дикий гусь» из Ярославля Игорь Долгий.

На войну, в «дикие гуси», Игорь подался, поскольку оказался у разбитого корыта. Хозяин фирмы, в которой работал Игорь, сбежал, прихватив с собой всю заработанную коллективом наличность.

Оставшемуся без работы Игорю кто-то сказал, что военкоматы начинают набор солдат для службы в Сербии. И, дескать, деньги тем, с кем заключат контракт, будут платить немалые. Каждому в месяц — по тысяче баксов! Игоря ноги сами понесли в военкомат. Он меч-

БРОНЕПРОБНЫЙ
30-ММ СНАРЯД,
ВХОДЯЩИЙ
В СОСТАВ КОМПЛЕКТА
АМЕРИКАНСКИХ
САМОЛЕТОВ-
ШТУРМОВИКОВ
«А-10А»

ВОРОНИКА
ДТ ПОРЫВА
БРОНЕСОЙНОГО
СНАРЯДА
С МЯДОНЬМ
СЕРДЦЕВИКОМ

тал купить машину, и служба на Балканах могла ему подарить ключи от автомобиля.

Конкурс был огромен. Больше, чем в самые престижные вузы. Из пяти тысяч человек, претендовавших на места в подразделении, которому предстояло вылететь на Балканы, испытания выдержали лишь триста. Игорь Долгий оказался среди «солдат удачи».

Он отличался отменным здоровьем. Кочергу вполне мог скрутить. При росте 186 весил 88 кг. Но не только физические данные и отменное здоровье помогли Долгому попасть на Слатину. У него была редкая военная специальность — повар.

Когда Игоря призвали на срочную службу, он и не думал идти в повара. Дома шарахался от кухонной плиты, и, когда в армии вдруг объявили, что направляют его служить на кухню, растерялся. Счел нужным сообщить, что кроме яичницы ничего готовить не умеет, на что старшина, отбиравший среди новобранцев поваров, ответил: «Не велика наука, научим».

Все шесть месяцев в «учебке» Игоря учили варить только щи да кашу. И еще компот. Вот и все, что, оказывается, должен уметь готовить солдатский повар. Дело вроде действительно нехитрое, но попробуй все это сварить на походной кухне! Да еще посреди поля. И не на газе, а на вонючей солярке!

Служба везде служба, решил Долгий. И послушно обучился всему, чему учили. И даже очень неплохо. Кучу благодарностей и значков из армии привез. Но как вернулся на гражданку, так к плите не подходил. Если только для того, чтобы иногда, когда маме недосуг, гречку сварить — вот и все. Не думал, что жизнь заставит вновь покрутиться у армейских котлов!

На Слатине день для старшего сержанта Игоря Долгого и его поварской команды начинался с 4 утра. Надо было накормить тех, кто нес службу на блокпостах, кто заступал в караул, саперов, радистов и еще много-много кого. Даже собак-минеров.

— Работали по сменам, — вспоминает Игорь. — Уставали так, что, когда выпадало свободное время, спали до самого вечера, пропуская даже обед.

Служба шла своим чередом. Сходились с иностранцами. С англичанами по выходным в футбол гоняли. А когда первую зарплату валютной получили, жизнь и вовсе бодрее потекла.

Если глядеть правде в глаза, то полученные доллары не только поднимали воинский дух, но и принесли заношивую заботу: где хранить валюту? Как сделать, чтобы нечаянно не обронить, не посеять заработанное на чужбине?

Проблему разрешил какой-то смекалистый десантник. Причем легко. Сшил кошелек из куска брезента, снабдив его петлей из кожи. Бумажник надевался на шею, пропускаясь под нательную рубашку и плотно прикреплялся к груди «липучкой», срезанной с бронежилета. Валюта не бултыхалась при беге, то есть не мешала исполнению воинских обязанностей и, что не менее важно, позволяла ограниченному контингенту российских войск по ночам спокойно, не вздрагивая, предаваться сну: укрывать деньги при таком способе хранения практически было невозможно.

Кто-то считал дни до окончания контракта, а Игорь прикидывал, сколько еще нужно прослужить, чтобы хватило на маленькую «Тойоту». Но не сложилось. Не повезло. 18 января 2000 го-

да Игоря загнобило. Простыл, решил он. И ничего не нашел в том удивительного. Все время из холода в тепло, все время на сквознячке.

Станным было только то, что выданный в медсанчасти аспирин не помогал. Температура упорно держалась у отметки 40 градусов. Игоря повезли в Приштину, в стационарный военный госпиталь. Но и там врачи ничем не смогли помочь. Им удавалось сбивать температуру всего лишь на час, не более. А потом она вновь подскакивала до прежних высот.

Через две недели находящегося в жару Долгого отправили на Большую землю.

— В самолет тебя несли на носилках или ты шел сам? — поинтересовался я.

— Шел сам, хотя носилки были рядом, — ответил Игорь и зябко поежился, видать, вспомнив о температурном пожаре, который горел тогда у него внутри.

В Москве его некоторое время продержали в каком-то госпитале, а потом перебросили в госпиталь им. Бурденко, в отделение гематологии, занимающееся заболеваниями крови. Только там, наконец, удалось сбить температуру.

— Но общее мое состояние продолжало ухудшаться, — рассказывает Игорь. — Увеличивались в размерах печень и селезенка. Причем очень резко. Меня буквально раздуло. Я представлял из себя жуткую картину, похудел на 20 килограммов и пожелтел до такой степени, что думал: все, конец! Но курс химиотерапии вернул меня к жизни. Правда, я полностью облысел. Врачи успокоили, сказали, что волосы со временем отрастут. И точно: через тройку месяцев у меня вновь появилась шевелюра. Стал незаметно прибавлять и в весе.

Я поинтересовался у Игоря, в чем врачи видели причину болезни.

— Все врачи как один в первую очередь спрашивали меня, не подвергался ли я радиации, — ответил он.

— И что ты им отвечал?

— Говорил, что не знаю.

— Но каждому, кто служил на Балканах, положен был индивидуальный дозиметр. Неужели ты не поглядывал хотя бы изредка на прибор, фиксирующий радиацию?

— У меня дозиметра не было. И у других я их не видел. Да и кто бы мог подумать, что они там понадобятся!

Игорь рассказал, что да, еще в самом начале службы среди десантников прошел разговор, что якобы Слатину американцы «бомбили ураном». Но он тогда не придал этому значения. И никогда бы и не вспомнил о том разговоре, если бы по ТВ не показали заболевших лейкемией военнослужащих из НАТО.

Вспомнилась увиденная в первый день картина военного аэродрома. Целехонья взлетная полоса. Зато все кругом разбито. Здания. Укрытия. Больше всего воронок было на холме, под которым находились ангары сербских самолетов. Американцы хотели пробить бетонные перекрытия, чтобы разбить технику. Бомб и снарядов не жалели. Причем самого крупного калибра. Свидетельством тому была неразорвавшаяся бомба весом более тонны. Она застряла на 10-метровой глубине. Русские саперы решили взорвать ее. Забросали бомбу мешками с песком, чтоб остановить движение осколков. Когда сработал тол, рвануло так, что комья земли разлетелись на полкилометра.

Может, это была бомба с урановым наконечником? Может, воронки, что были на холме, все от взрывов подобных зарядов? Если так, то солдатская столовая как раз находилась в урановом эпицентре: ведь она располагалась на склоне холма, который беспощадно долбили американцы. Если другие десантники приходили в столовую на короткое время, пообедать, не более, то Игорь, здесь дневал и ночевал: командование разместило кашеваров для жилья в одной из комнат столовой. С другой стороны, кроме Игоря все остальные кашевары здоровы.

Ярославские врачи, которые наблюдают за Игорем, затрудняются дать ответ на вопрос, заболел ли Долгий от применения США «урановых снарядов». У них нет под рукой достаточной информации. В частности, о том, была ли в районе Слатины повышенная радиация.

Родители же Игоря, в первую очередь его отец Алексей Степанович, уверены, что сын пострадал от урана. Еще в марте прошлого года он узнал из «Красной звезды» о том, что США на Балканах широко использовали боеприпасы, начиненные ураном. И даже показал эту статью в госпитале Бурденко врачам. Еще до скандала, разразившегося на Западе, старший Долгий понял, откуда может дуть ветер.

Родители очень переживают за Игоря, они в растерянности, не знают, что и делать. Отец прочитал в какой-то медицинской энциклопедии, что хорошего ждать им не следует. Мать даже отказалась глядеть в эту страшную книгу. Она уповавет на Бога, просит Игоря молиться и сама молится за него. Вся квартира Долгих в иконах. Отец, в прошлом милиционер, не верит в Бога, считает, что надо надеяться только на себя, свои силы, волю, соблюдать режим, и ворчит на сына, если тот задержится с друзьями.

В конце января, то есть уже на следующей неделе, Игоря ожидает операция по пересадке костного мозга — всего третья подобная операция в Ярославле. Опыта у ярославских врачей маловато, страшновато отцу за Игоря. Он бы хотел, чтобы сына оперировали опытные врачи из госпиталя Бурденко. Но военная медицина считает Игоря уже чужим. Выписали в конце прошлого лета из госпиталя, сообщив тридцатилетнему сержанту: «Вы, Долгий, уволены из армии по состоянию здоровья. Теперь вам следует лечиться по месту жительства».

Не платит Игорю и пенсии, хотя еще с осени прошлого года он — официальный военный пенсионер. Не получил Игорь и положенных страховых, хотя в его военном билете черным по белому записано: «приобрел заболевание во время несения воинской службы».

Единственное светлое пятно в этой грустной истории — сам Игорь Долгий. Случившееся не ожесточило, не озлобило его. Он, как и до болезни, открыт, приветлив. Стареется быть, как и прежде, красивым и добрым.

Отец, поддерживая сына, недавно продал свою старенькую «семерку», выручку отдал Игорю, чтоб тот добавил своих «зеленых» и купил-таки себе машину. И вот теперь Игорь развезжает по Ярославлю на «девятке». Веселит душу быстрый ездой, чтоб меньше думать о приближающейся операции.

И пусть ездит! И после операции тоже. И как можно дольше! «Девятка» у Игоря хотя и не новенькая, но, если за ней следить по-хозяйски, на его век вполне хватит.

Ярославль

КОСОВО — ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЙКА ЕВРОПЫ

Так называемый обедненный уран — это лишь капля в море экологических нечистот, «слитых» за время военных действий в Югославии в биосферу Балканского полуострова.

Продолжавшиеся более 11 недель бомбардировки военных и гражданских объектов привели, по оценкам зарубежных специалистов, к беспрецедентному загрязнению воздушного бассейна, почвы, водных потоков и подземных вод токсичными веществами. В результате бомбардировок нефтехранилищ, нефтеперерабатывающих и химических заводов в окружающую среду попали большое количество нефти, нефтепродуктов, продуктов их горения, а также опасных, вредных,

взрывоопасных и легковоспламеняющихся веществ, имеющих длительное вредное канцерогенное и мутагенное воздействие.

Не исключена и опасность ощутимых глобальных климатических изменений вследствие значительных выбросов в атмосферу сажи и углекислого газа. При массовых пожарах велика также опасность загрязнения окружающей среды продуктами неполного горения (диоксином, диоксиноподобными соединениями, бензопиреном), которые по своей токсичности могут во много раз превосходить продукты самих химических производств. Так, токсичность диоксида во много раз превосходит токсичность боевых ОВ, цианидов, стрихнина и даже яда кураре. Однако основная опасность этих соединений заключается в их способности накапливаться в окружающей среде и живых организмах. Диоксин даже в малых концентрациях вызывает подавление иммунной системы. В более высоких концентрациях он обуславливает самоотравление организма и тяжелые наследственные заболевания, что оказывает длительное негативное влияние не только на генофонд населения, но и биоты в целом, то есть всего животного и растительного мира. Бензопирен, также образующийся при низкотемпературном горении нефтепродуктов (например, при возгорании производственных цехов на нефтеперерабатывающих заводах и нефтехранилищах), является сильнейшим канцерогеном.

Целенаправленная бомбардировка ВВС стран НАТО экологически опасных объектов и все возрастающие масштабы поражения окружающей среды свидетельствуют о том, что так называемые локальные военные действия переходят нередко в фазу масштабной экологической войны. Парадокс ситуации заключается в том, что в военной акции НАТО принимали прямое участие или одобрительно к ней относились некоторые ближайшие соседи Югославии, хотя очевидно, что экологические катастрофы не знают границ и территории этих стран в той же мере подвержены негативным результатам военной деятельности, как и самой Югославии. В СМИ неоднократно указывалось, что уничтожение нефтеперерабатывающих заводов и нефтехранилищ привело к разливам нефти и попаданию ее в водные артерии Юго-Восточной Европы, в том числе и Дунай. Образовавшиеся канцерогенные загрязнения по водотокм распространились на территорию других сопредельных государств (Румынию, Болгарию, Украину). Между тем западные СМИ как-то упускали из вида, что при бомбардировке и ракетных ударах по городам Югославии также разрушались и очистные сооружения и коммуникации, что создало реальную угрозу возникновения и распространения опасных эпидемий, особенно в местах скопления беженцев, лишенных электро- и водоснабжения. Распространение безвредных токсинов биологического и абиологического происхождения в результате трансграничного переноса по воздуху может затронуть не только все страны Европы, но и государства Ближнего Востока и Северной Африки. Примером такого неблагоприятного развития событий может служить авария на Чернобыльской АЭС, когда выпадением опасных радионуклидов были охвачены территории многих государств — от Европы до Японии. Кстати, в 15 км от центра Белграда размещены два исследовательских ядерных реактора, в Словении расположена АЭС, в пределах 300 — 600 км от зоны боевых действий на территориях Болгарии, Венгрии и Румынии оказались три действующие АЭС, а в Италии — четыре. Последние, правда, были остановлены, но накопили в так называемой промышленности немало расщепляющихся материалов. Факты ошибочных ракетных ударов по территориям сопредельных с Югославией государств, а также сообщения об отклонении бомб, ракет и артиллерийских снарядов от заданных целей и поражения ими гражданских объектов, включая жилые районы, свидетельствовали о реальной опасности разрушения ядерных объектов с глобальными катастрофическими последствиями.

К счастью, прямого попадания в АЭС не было зафиксировано. И все же радиационное загрязнение местности имело место. Бронированный сердечник входящих в боекомплект американских самолетов-штурмовиков «А-10А», а также крылатых ракет «Томагавк» 30-мм снарядов изготовлен из сплавов обедненного урана-238 (фактически — из радиоактивных отходов ядерного топлива). Уровень радиоактивности сердечника составляет около 3,4 милликюри. С его поверхности излучается около 1 тыс. альфа-частиц и 36 тыс. бета-частиц в секунду. Масса снаряда составляет около 400 г, при этом масса радиоактивного сердечника — около 300 г. На местности, подвергшейся ударам самолетов «А-10А», определяются участки с уровнем радиоактивного излучения порядка 10 миллирентген в час, что в 1000 раз превышает уровень естественного (природного) фона. Напомним для сравнения, что естественный радиационный фон Москвы не превышает 20 микрорентген (то есть 0,02 миллирентгена) в час.

Александр ВАСИЛЬЕВ

З М О М Ы

НА

рождество

КТО ЛЕЖИТ

СЕМЬЯ ГРАФА ТОЛСТОГО ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА,
ДИРЕКТОРА ЯСНОПОЛЯНСКОГО МУЗЕЯ: МАМА,
ЖЕНА, ДЕТИ, САМ ГРАФ. 7 ЯНВАРЯ 2001 ГОДА

1 Борис МИНАЕВ
Александр БАСАЛАЕВ
(фото)

1 января заболел младший ребенок, Санька. Я уехал в Переделкино, а третьего позвонил домой. Выяснилось, что и старший уже лежит с температурой тридцать девять. «Ну все, — обреченно подумал я, — ни в какую Ясную Поляну мы не едем. Будем дружно болеть семьей все каникулы». Но отчего-то такая светлая перспектива Аську не устроила, и четвертого мы со скоростью спецназа разбросали детей по бабушкам, а в семнадцать часов стояли на перроне Курского вокзала у электропоезда-экспресса улучшенного содержания (не помню, как он точно называется) и нервно ожидали остальную компанию. Четыре билета (кроме Саши и Мити, заболели еще двое из тех, кто собирался ехать) сдать не успели, осталось нас всего девять, и вот мы уже садимся, и вот проводница в расклепанном коротком пальто (немного странном для форменной одежды) открывает перед нами двери светлого и чистого вагона.

Никогда еще не ездил в такой электричке! Ковровая дорожка, буфет, телевизор. Правда, и тут свои трудности, потому что, как только я начал наливать, тут же возникли милиционеры. Но поразительно, что и они оказались какого-то улучшенного содержания.

— Открыто пить вообще-то запрещается, ребята. Вы бы как-нибудь того...

Но не выпить в такой ситуации было практически невозможно. Я законопослушно поставил бутылку за занавесочку и осторожно наполнил наши пластиковые емкости.

— Ну что. За «Войну и мир»! — сказал я тихо.
И мы поехали.

...Обсуждая в редакции перед Новым годом свои планы, мы натолкнулись на некоторое непонимание коллег.

— А вы что там будете делать, в этой Ясной Поляне? — спрашивал меня руководитель отдела спецпроектов Никонов Александр Петрович.

Я было пытался ему объяснить пару раз, что ничего плохого мы там делать не будем: ну там, гулять, ходить в гости к Толстому, наслаждаться роскошью человеческого общения, но было видно, что ему нужен более конкретный ответ. И тогда я сказал прямо и просто:

— Водку будем пить, как всегда!

Он посмотрел на меня жалостливо и промолчал.

Как выяснилось впоследствии, я не соврал дотошному Никонову. И хотя были для этого у нас и объективные и субъективные причины, нас это, конечно, не оправдывает. Тем не менее, пытаясь разобрать ворох воспоминаний, накопившихся за эти три дня, я все время вспоминал этот глупый разговор и пытался столь же просто и ясно ответить уже не Никонову, а себе — что мы там делали, для чего ездили? Водку, понятное дело, можно и в Москве пить.

И понимал, что односложно даже сам себе ответить на этот вопрос не могу. Ну действительно, на горных лыжах мы не катались, даже на обычных не катались тоже, и на санках не катались, и на сноубордах, и даже на лошадях

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ
ДЕРЕВО БЕДНЫХ ВОЗЛЕ
ТЕРРАСЫ ЯСНОПОЛЯНСКОГО
ДОМА, С КОЛОКОЛЬЧИКОМ
ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ
И ПРОСИТЕЛЕЙ:
СПЕВА — В НАШИ ДНИ
С ВЛАДИМИРОМ ТОЛСТЫМ,
СПРАВА — В НАШИ ДНИ
С ЛЬВОН НИКОЛАЕВИЧЕМ
ТОЛСТЫМ, ПИСАТЕЛЕМ
И МЫСЛИТЕЛЕМ

«Почему в России одним взглядом можно увидеть сразу весь мир?» — задумался я. И сам себе ответил: «Не знаю»

(что было, кстати, запланировано) не катались тоже. Не скажу также, чтобы мы часто посещали различные корчмы, трактиры, рестораны и кафе, наслаждаясь комфортом и изысканной кухней, что тоже непременно входит в программу цивилизованного зимнего отдыха. Хотя, что уж там греха таить, одно такое посещение у нас все-таки было, есть такое чудесное кафе «Воронка» на шоссе Москва — Орел, но ведь это было скорее неожиданностью, чем ожидаемой программой.

...Отдых, тем не менее, состоялся. Но это, как говорится, дело частное, обсуждать его на страницах журнала вовсе не обязательно. Тем не менее причины, заставляющие меня приоткрыть завесу над некоторыми нашими индивидуальными и где-то даже интимными впечатлениями, все-таки имеются.

Иначе так никогда и не ответить мне на вопрос: а что же мы делали-то три дня в этой Ясной Поляне?

А ответить надо. Чувствую — надо!

Кстати, еще стоя на перроне перед экспрессом удивительно-содержания, мы обсуждали свои самые страшные впечатления от встречи Нового года, века и так далее. Для меня самым страшным впечатлением было то, как мы пытались войти в метро в начале двенадцатого, в то время как весь остальной русский народ пытался из него выйти. Для Левы самым страшным впечатлением был просмотр по телевизору фильма Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник».

— Ну хорошо, а любовная линия? — горячился я, зачем-то защищая Михалкова.

— Ну что любовная линия?!

— Ну влюбился в иностранку! Типичная история!

— Да при чем тут влюбился в иностранку?! Там все ненатурально! Весь этот русский патриотизм! Вся эта придуманная Россия! Вся эта прятничная Масленица, все эти искусственные хлопья снега, эти леденцовые кадеты. Ну бред!

— Ну бред, — отчего-то загрустил я, хотя Михалкова мне было совершенно при этом не жалко.

Мы вышли в Туле уже в темноте. Густая толпа топала с экспресса на привокзальную площадь. Тем не менее в конце перрона, как и было запланировано, стояла симпатичная девушка Таня с темно-зеленой табличкой «Yasnaya Polyana».

Таня загрузила нас в микроавтобус с другой гордой надписью на борту — «Ассоциация музеев России». По дороге (по нашей просьбе) Таня завезла нас в красивый супермаркет с большим, и я бы даже сказал огромным, выбором товаров и продуктов широкого потребления, и уже часу в десятом мы попали по месту нашего назначения — в профилакторий «Синтетик», который принадлежит знаменитому Щегинскому заводу «Химволокно» и по счастливой случайности находится в получасе ходьбы от музея-усадьбы Льва Толстого.

В «Синтетике» нас сразу поразили три вещи.

Первое — крайне низкая температура в номерах в сочетании с очень хорошей новой мебелью. (Правда, диваны, за редким исключением, не раскладывались и было совершенно непонятно, как можно было жить в номере люкс с двумя полубольными детьми.)

Второе — то, что практически весь профилакторий был заполнен представителями еврейского детского лагеря, которые активно готовились к встрече шабада (субботы). Они разучивали еврейские песни, танцевали еврейские танцы под группу «Руки вверх» («Думала-думала-думала-ла!») и красиво бегали по коридору. Все эти еврейские дети, дяди, тети, бабушки и дедушки были не из Израиля и не из Москвы, а из Тулы.

И третье — почему-то были неожиданные трудности с электрическими розетками. Половина из них совсем не работала. Приглашенный нами для конфиденциальной встречи электрик сказал с большим чувством:

— Стыдно, ребята! Мне лично очень стыдно! Но тут, понимаете, какая вещь произошла — перед вами отдыхали рабочие с завода, и вот результат!

Собравшись за ужином (на ужин была курица), мы весело обсуждали, что же делают с розетками умелые рабочие руки: то ли разбирают от безделья, то ли, напротив, как-то усовершенствуют. Пока не догадались, что умные рабочие просто привезли с собой электронагревательные приборы — и вот результат!

После ужина мы вышли погулять и вдруг увидели падающий хлопьями снег.

— А ты говоришь — Михалков-Михалков! — толкнул я в бок Леву. И он промолчал.

Было темно, но почему-то абсолютно все видно. Были видны недостроенные коттеджи местной знати, были видны красные огоньки на елке возле профилактория, были видны фундаментальные гаражи местной трудовой интеллигенции, были видны овраги, и леса за оврагами, и светящееся серое небо, и рыхлые сугробы, и прозрачные березы, и все-все-все.

«Почему в России одним взглядом можно увидеть сразу весь мир?» — задумался я. И сам себе ответил: «Не знаю».

Надо сказать, что к этому моменту мы уже выпили за все основные произведения Льва Толстого.

— Нет, за «После бала» пить еще рано! — говорил я. — И вообще это мрачный рассказ, он нам не подходит. Протелесные наказания.

— Тогда за «Жучку»! — сказала Аня.

— Это что такое, «Жучка»? — не поверил я. — Может, «Муму»?

— Еще за «Азбуку» можно! За все буквы! — предлагали более рациональные женщины.

А снег падал. Так тихо-тихо. «Что же будет завтра?» — с изумлением подумал я.

Собравшись на завтрак (на завтрак была рыба, причем не просто, а огромные куски жареной горбуши, которые вчера на ужине были вторым блюдом), мы стали обсуждать программу дня. Потом появилась девушка Таня, которая спросила нас, поедем ли мы в «Ясную Поляну» или пойдем пешком.

— Пешком! Пешком! — закричали мы хором.

Скромно собрав с нас деньги, Таня спросила, какие еще у нас есть вопросы и пожелания. Самый мужественный из нас, Сережа (для которого вопрос с раскладыванием дивана и электрическими розетками стоял наиболее актуально), поинтересовался, что же будет, если он захочет уехать раньше и хотя бы часть денег вернуть себе.

— А вы тогда мне позвоните, и мы с вами обсудим этот вопрос, — честно ответила Таня.

Мы осуждающе посмотрели на Сережу, и он смутился.

— Да ладно, это я так. Чего вы. Пошли в музей, — сказал он, и мы пошли.

Мы шли гуськом через овраг, через поле, через лес, через линию электропередач, потом мы зашли в деревню и стали наслаждаться ее традиционно русским видом: домиками с синими ставнями (домики, вопреки обыкновению, здесь не деревянные, а белые каменные мазанки), собачками-жучками, которые деловито бегут по главной и единственной улице (жучки здесь, вопреки обыкновению, маленькие, мохнатые и симпатичные), настоящим бревенчатым колодезем и настоящим деревенским Домом культуры в полуразрушенном состоянии.

Впрочем, не все здесь было так уж традиционно, если честно.

Деревня Ясная Поляна оказалась по-настоящему живой и, я бы сказал, здоровой. Некоторые дома так просто приятно удивляли своим экстерьером. А трехэтажное новенькое здание вообще поразило какой-то непонятной чистотой и уютом, отпечатанным на фасаде, как честность на физиономии первоклассника.

— Администрация, что ли? — недоумевали мы.

Но местные жители ответили: нет, никакая не администрация. А детский сад. Построен на средства музея.

— Ничего себе! Детский сад! — недоумевали мы. — В Москве и то Лужков таких детских садов не строит.

Описывать свои впечатления от Дома-музея Льва Толстого я, пожалуй, не стану. Как выяснилось, все в нашей компании, кроме детей, в этом доме-музее уже были. Из этой простой социологической выборки я для себя сде-

Я долго думал: в чем главное впечатление от Ясной Поляны? И понял: нас мало, а Толстых всегда было много

лал вывод, что каждый интеллигентный московский подросток в Ясной Поляне когда-то побывал. Получалось, по этой выборке, что интеллигентным московским подростком я никогда не был.

Но думать было особенно некогда: мы начали искать Толстого!

Мы ходили и всех спрашивали:

— Скажите, а где здесь хозяин музея, вернее, его директор Владимир Ильич Толстой?

И сотрудники музея вежливо нам отвечали:

— Здесь где-то! Только что вот был!

Но нигде «здесь» Толстого не было: ни на конюшне, ни у «деревя бедных», ни на Чепыжах, ни у могилы Льва Николаевича над оврагом, ни в доме Волконских, ни в хозяйских постройках, ни в огромном яблоневом саду, ни на катке, где чинно катались на коньках деревенские.

Для тех, кто не знает: Владимир Ильич Толстой, нынешний директор музея, — прямой потомок Льва Николаевича, а в недавнем прошлом простой московский журналист, которого некоторые из нас хорошо знали по работе в журнале «Студенческий меридиан». Не скроем, мы рассчитывали, что Володя Толстой нам тут все покажет, расскажет и так далее. Но вот беда — Толстого найти было ну никак невозможно!

Наконец, набегавшись, мы устали и сели в доме Волконских на первом этаже возле рояля пить чай. В этой комнате с нароченной елкой было так здорово, чисто и светло, что мы как-то вдруг все успокоились.

— Понимаете, — доверительно сказала нам сотрудница, чрезвычайно милая и симпатичная (причем, как я уже успел заметить, немилых и несимпатичных сотрудников в музее практически нет, других, видимо, просто не держат), — понимаете, у него сейчас столько гостей! Столько! Вообще ужас! Все же на Рождество приезжают! И дети из Англии приехали от первого брака, и брат с семьей, и друзья, и родственники. Опять же праздник у нас, надо подготовиться. Тихий ужас. Так что вы уж его простите.

— А как он вообще-то, нынешний Толстой? — с подковерной вышкой спросили мы.

— Ну как вам сказать, — честно задумалась милая сотрудница. — Если правду сказать, то очень хорошо! Очень старается! Вот детский сад нам построил, пожалуйста. Это ведь результат?

— Да про детский сад мы знаем! — почти что хором сказали мы. — Вы нам вот что скажите: вы его сразу полюбили? Или сначала были недовольные?

— Да были, конечно. Были такие, что даже писали. Но потом разобрались. И полюбили.

— А что писали-то?

— Ну, что молодой. В музейном деле не понимает. Боялись, что будет все делать только себе на пользу.

— А оказалось?

— А оказалось... Ну вот смотрите. Сейчас у нас работают четыреста шестьдесят пять человек. А было девяносто пять. Это о чем-то говорит?

— Это где же они работают? Яблоки, что ли, убирают?

— Да нет, что вы! Ведь у нас же теперь издательский дом! Книжная лавка! Художественные мастерские! Галерея! Это только в Туле. А еще у нас теперь будет филиал в Николе-Вяземском. Плохо только, что приезжающим жать негде. Мы два года боролись за старый дом отдыха. Чтобы нам его отдали. И только нам его отдали, он взял и от старости развалился. Прямо рухнул, и все.

— Никто хоть не погиб?

— Да, слава Богу, нет. Там один рабочий увидел, как трещина по стене идет, побежал, всех предупредил. Ой, а что это я вам все рассказываю, рассказываю. А вы потом возьмете и все по телевизору передадите. Что-то у вас лица больно знакомые.

Мы продолжали оставлять Володе Толстому записки и посылать телефонные сообщения. Но, честно говоря, острой необходимости в этой встрече я лично уже не испытывал. Мне вдруг стало казаться, что хотя Владимира Ильича мы так и не нашли (хотя чего тут искать, вся деревня — одна улица), зато Лев Николаевич Толстой давно уже с нами! Прямо с самой электрички!

Ощущение это увеличивалось с каждым шагом. И с каждым днем. Мы обсуждали Толстого всюду.

Мы обсуждали его, например, в кафе «Воронка».

— Ну не может нормальный человек сто тридцать два раза переписывать повесть «Хаджи-Мурат»! — говорила Фая.

— Естественно, не может! Это же был прямо монстр какой-то. Оттого она с ним и боролась! Ну как с ним можно не бороться, если у него в конце жизни крыша поехала! — горячился я.

Накрывшись простынями, мы продолжали разговор в сауне профилактория (услугами которой пользовались буквально каждый вечер):

— Нет, ну а как у нее могла не поехать крыша? — говорила Фая. — Тринадцать детей! Из них пять умерло в младенчестве!

— Кстати, а почему они умерли-то?

— Я читала, они там какую-то собачью болезнь подхватили.

— Да ничего не собачью! Быстротекущая скарлатина, отек горла.

— И при этом! Она и переписывала, и фотографировала! И кормила вегетарианскими обедами!

— Настоящая писательская жена! Первая настоящая писательская жена! — в запале кричал я, поправляя простыню.

— Не первая, а первая и последняя! Все, я пошел греться! Кто со мной? — кричал Лева.

Все эти разговоры я вам передаю, конечно, в отрывках.

Но и из этих отрывков их основное направление понятно: мы обсуждали не стиль Толстого (Лева, например, сразу сказал, что писал Толстой ужасно, и тогда мы решили не обсуждать больше эту тему, чтобы не ругаться), и не его философию (а чего тут обсуждать, скажите на милость), а чисто конкретно его жизнь. Спорили о том, почему ясная полянская жизнь кажется таким маленьким и простым, даже бедным, и где вообще там жили дети.

Рассуждали о семейном их быте, о том, почему дети Толстого, настолько им ушибленные, всю жизнь продолжали хранить верность и любовь, больше того, всю жизнь старались жить, как сам Толстой. Испортили ли он жизнь своим детям или дал нечто такое, чего забыть они потом никогда не могли. Или и то и другое вместе.

Впрочем, нет, это я уже свои мысли пересказываю, а главной из них была такая: вот нас мало, а Толстых всегда было очень много! Сейчас постараюсь ее объяснить.

Утром второго дня мы отправились на погост возле местной церкви, где похоронены ясная полянские Толстые.

Похоронен здесь и Илья Толстой, отец Володи, профессор-русист, когда-то поставивший мне на журфаке двойку, человек в Москве известный, по-своему знаменитый.

И там, переходя от одного белого креста к другому, разбираясь в отчествах, я вдруг подумал: оттого и было в их доме столько болезней, хлопот, неурядиц, что жизнь этой семьи была дико полнокровной. Кто-то из нас пошутил: это была не уточенная, а утолщенная аристократия. Точно!

Толстые всегда жили огромной семьей, не теряя при этом родственные связи. И живут также и сейчас, хотя для многих сегодня родной язык не русский — шведский, итальянский, французский.

Быть может, это вообще единственная в России семья, которая с прошлого века осталась живой: с живым до-

мом, с живыми человеческими отношениями, с каким-то живым энергетическим центром, что ли...

Уже потом, разговаривая с Володией Толстым, я задал ему этот вопрос: благодаря чему?

— Не знаю, — честно сказал он. — Я действительно пытался разобраться: как вообще Толстые выжили в эмиграции, благодаря чему? Ведь средств же не было. Никаких вообще. И выяснил, что некий центр всегда существовал, всегда. В Америке это была Александра Львовна, которая создала там настоящую ферму, такую толстовскую коммуны, и могла дать работу, могла помочь деньгами. Во Франции Татьяна Львовна. В общем, центр был всегда. Ну, шведские Толстые, потомки Льва Львовича, самые многочисленные, они, правда, как-то отдельно, они и по-русски давно уже не говорят.

— Ну а теперь-то кто центр? Кто тащит этот семейный воз? Получается, что вы, Володя?

— Получается, что я.

В истории назначения В.И. Толстого на пост директора Яснополянского музея меня поразили явный и какой-то даже вопиющий элемент случайности.

В девяносто втором году «Комсомолка» (в лице тогдашнего ответственного секретаря Сергея Кушнерова) заказала молодому журналисту Толстому целую полосу — о судьбе музея. Расчет, насколько я понимаю, был абсолютно точен — у Володи имелся большой зуб на тех, кто начал это место потихоньку растаскивать на маленькие клочки.

— Начали вырубать лес на окраине заповедника, готовить площадку под какие-то коттеджи. Советская власть рухнула, и местные начальники решили, что теперь-то уж усадьба в их власти. Ну я написал. Сегодня эта статья мне кажется по тону слишком резкой, несправедливой, но по большому счету все было правильно. Меня вызвали к Сидорову, министру культуры.

И в его кабинете, в присутствии Сергея Толстого, как бы представителя зарубежных Толстых, мы начали обсуждать — что же делать? И тут Татьяна Никитина, а она была заместителем Сидорова, вдруг сказала: а что тут, мол, думать, вот сидит перед нами готовый директор музея. Сидоров этой идеей загорелся, ему, как человеку творческому, она показалась красивой. Но все это было в девяносто втором году, а назначили меня приказом в девяносто четвертом. Я же под это дело уже ушел из журнала, в котором работал, год сидел дома, а мне детей надо было кормить, ну я что-то писал, переводил, как-то подрабатывал. Просто не знал, что делать. И вдруг меня в Министерство культуры вызвал один человек. Человек этот, как я потом узнал, не имел прямого отношения к культуре, он до этого работал в гораздо более серьезной и секретной организации.

Больше того, в министерстве сам он проработал всего каких-то полтора месяца! И вот за эти полтора месяца он успел сделать то, за что я ему до сих пор благодарен. И так, он вызвал меня и сказал следующее: молодой человек, если вы действительно хотите стать директором музея, вам нужно хотя бы три месяца поработать в министерстве. Хотя бы три месяца! Сидоров может говорить вам что угодно, Никитина может говорить что угодно, журналисты могут писать в газетах, но пока вы тут не поработаете, это тихое министерское сопротивление вам не преодолеть. И точно, так и получилось. Я проработал в министерстве ровно девять месяцев, каждый раз продлевая контракт на месяц, потому что не верил, что могу здесь дольше задержаться. За это время я успел приобрести связи, познакомился со всеми, от кого зависит работа музея, понял музейную технологию, написал концепцию. Словом, это были неоценимые месяцы. И по-

сле этих девяти месяцев мое назначение прошло совершенно гладко. Никто даже и не пикнул. Даже бывший Тульский обком, который в местной администрации остался почти в полном составе, тоже перестал кричать и бороться. Они тоже смирились.

...Сергей Кушнерев, который и ведать не ведал, что творил, когда заказывал статью Володе Толстому. Татьяна Никитина, больше известная народу как певица в дуэте «Татьяна и Сергей Никитины», чем как заместитель министра культуры.

Евгений Сидоров, министр культуры, прославившийся своим чересчур мягким интеллигентным характером и неумением добиваться поставленной цели.

Оставшийся в тени работник секретных органов, на полтора месяца пришедший в министерство, чтобы дать Володе ценнейший номенклатурный совет.

Все эти люди как будто передавали молодого Толстого с рук на руки, повинуюсь какому-то посланному свыше приказу. Все эти люди поодиночке даже теоретически не могли бы решить вопрос такой силы — о возвращении Толстого в Ясную Поляну, из которой он в образе Льва Николаевича ушел когда-то рано утром. А в образе Володи — вернулся.

Но сложившись в единую странную цепочку, они этот вопрос решили.

Мистика? Или логика?

Лев Толстой верил в судьбу, хотя активно пытался с ней бороться.

Я лично верю в логику, которая активно опирается на мистику.

Эта семья не могла не вернуться в родовое гнездо. Просто не могла.

— Вы знаете, — честно сказал мне Володя, — об этом вообще-то скучно писать. Столько уже писано-переписано. Хотя, да, сама история назначения странная. Детектив прямо какой-то. Я вам еще не все подробности пересказал, просто некогда.

— Я все-таки напишу, — пообещал я. — А все-таки за эти годы у вас двойственного чувства не появилось? Вот вы директор музея. Но все-таки вы на должности, как бы работаете на государство. А не возникает порой ощущения, что вы могли бы...

— Быть хозяином на этой земле? — подсказал мне Володя готовое журналистское клише. — Нет, не возникает. Это как-то все абстрактно. Что значит «быть хозяином»? Я уже хозяин, в каком-то смысле. И это для меня не работа, а просто целая жизнь. Новая жизнь. Вот Андрей Битов мне все говорит: реституция, реституция... Нужна реституция, чтобы по закону стать владельцем. Мне кажется, мы к такому повороту еще не готовы. Во всей России есть всего лишь две усадьбы, где работают потомки: наша и поленовская. Но вообще потрясающих музеев, потрясающих мест, их действительно много. Мы создали ассоциацию, и это не зря. По-моему, только такие музеи могут стать в этих краях центрами какого-то возрождения. Вокруг них люди могут собираться. Ведь библиотеки умерли, дворцы культуры умерли. Ничего же в этой сельской местности для людей не осталось. А музеев... Вот смотрите, мы за эти годы создали издательский дом, художественную галерею. Я, между прочим, работу даю этим людям! Здесь до меня работало около ста человек, сейчас четыреста.

— Я знаю, — сказал я не очень вежливо. Но думал в этот момент о другом.

В этот момент Толстой рисовал на листке бумаги четкую схему: два кружочка, один внутри другого. На внутреннем была написана одна цифра — 95, на внешнем другая — 400. И я сразу вспомнил такие смешные схемы, геометрические схемы нравственности, которые

ТОЛСТЫЕ-ДЕТИ. ОНИ ВСЕГДА ПРИЕЗЖАЮТ СЮДА НА РОЖДЕСТВО. ПОЧЕМУ — И САМИ НЕ ЗНАЮТ

граф Толстой рисовал в некоторых своих статьях: на внутреннем кружочке «Добро», на внешнем «Зло» — или там наоборот, не помню.

«Елки-палки», — потрясенно подумал я, глядя на эти кружочки.

Мы еще поговорили о детском саде, о будущей школе, которая обязательно возродит толстовские традиции, о том, что туристам негде жить в человеческих условиях, а потом заспешили на праздник (как раз Саша Басалаев закончил снимать), чтобы не пропустить скачки и вообще народное гулянье — ведь все же Рождество, столько народу понаехало.

— Ну а вообще, как тут народ к вам относится? Приняли? Вы ведь москвич, чужак, и все такое.

— Ну я же здесь живу. Дом построил. Дети у меня здесь родились, — довольно просто ответил Толстой.

— Понятно, — сказал я, надел шапку и вышел на улицу.

Над яснополянскими оврагами гуляло низкое, сквозь пелену, зимнее солнце. В микрофон грянула русская народная песня.

«Эх, Лев Николаевич! Без тебя жизнь не мила!» — пели статные, красивые, дородные, румяные, прямо глаз не оторвать, бабы из фольклорного ансамбля. Вместе с ними пели четыре молодых мужика. «Какой-то прям «Сибирский цирюльник», — недоверчиво подумал я.

Тут еще две русские народные женщины подошли прямо к нашей группе и предложили купить с лотка: водки, соленых огурцов, по полтиннику огурец, бутербродов с колбасой, сыром и селедкой.

Я выпил целую пластмассовую рюмку и закурил огурцом на морозе. Честно говоря, сейчас мне это было чрезвычайно необходимо. Я просто вообще никак не мог понять, что же это вокруг происходит. Меня окружала абсолютно беззлобная, веселая, радостная толпа. Я такой толпы не видел ни разу в жизни. Даже пьяные, которые уже слегка падали и сильно качались, норовили падать и качаться так, чтобы никого не задеть и не обидеть.

Ансамбль «Услада» пел современные русские народные песни.

Сергея Козицкий помчался драться мешками, стоя на бревне. Мы за него болели. И он легко одолел двоих. Но третий, крупный красивый парень с мрачными бровями, сказал ему тихо (потом это выяснилось): «Слышь, братан, за меня полдеревни болеет». И Серега упал с бревна. Потом он водил хороводы со всеми подряд, потом мы плясали русские танцы, ирландские, еврейские, — я уж не знаю какие, потому что «Услада» доигралась уже до «Хава нагилы».

Это была чистая радость.

Какую, в общем-то, испытываешь в этом возрасте уже редко. Может быть, никогда.

Потом мы опять пошли погреться в дом Волконских, и там, в кабинете у Толстого, увидели целую группу одинаково красивых детей — румяных блондинов со светлыми чистыми глазами. Их было то ли девять, то ли десять.

— Вы чего, все Толстые, что ли? — недоверчиво спросили мы.

— Ага.

— Ну вы даете.

Потом с помощницей Толстого Олей мы вели под водочку откровенный разговор. Не для печати.

— Ему нужно быть тверже! Гораздо тверже! — откровенно говорила Оля. — А то знаете, какой к нему поток? Гости, просители. Ну просто поток.

Потом мы опять вышли из дома, и начался фейерверк на пруду. Все пошли туда, на пруд, и я подумал, что в этой по-зимнему одетой толпе не так-то просто отличить крестьян от господ — господа тоже в куртках, в дубленках. Разве что по мобильным телефонам, да и то...

Потом начался фейерверк, и вся толпа на пруду стала орать, целоваться, путаться под ногами.

Потом в темноте и гвалте Басалаева нашла жена Толстого Катя.

— Ну вы что, идете? — нетерпеливо спросила она нашего фотографа. Басалаев попросил всех Толстых собраться в доме, который находится на краю деревни, чтобы сфотографировать их вместе. — Идите, а то потом будет некогда.

Я завистливо посмотрел на Басалаева. Но вдесятером напрашиваться в гости как-то не решился. У них там своих гостей немерено. Ладно, как-нибудь в другой раз договорим.

Потом я выпрашивал Сашу — ну что там, как там?

Басалаев говорил солидно:

— Ну как тебе сказать? Большой такой дом. Ну, тут вот кухня такая. Все такое деревянное. Видно, что гостей полно. Детей вообще ужас как много. И взрослые, и мелкие.

«Дети, дети, — думал я в поезде улучшенного содержания, в семь утра возвращаясь в Москву. — Вот у меня сколько детей? Двое. Ну, правда, у них уже будет четверо. У тех четверых — уже восемь. У этих восьмерых — уже шестнадцать. У тех шестнадцати уже тридцать два».

С этими мыслями я заснул.

А проснулся вдруг резко, уже в районе Серпухова, от такой мысли: «Что оставил Толстой своим детям и внукам? Вообще-то ничего. Дом маленький, и тот музей. Вместо Родины — эмиграция. Деньги съели толстовцы и революционеры. Имя? Да нет, не имя. Он им легенду оставил. Надо оставлять детям легенду. Но какую?»

Какую?

Золик МИЛЬМАН,
собкор «Огонька»

Ожидание

оттепели

Мы не ожидали,
что невинная фотография
уличной сценки
в Красноярске вызовет столь
бурную реакцию

У меня зазвонил телефон:

— Журнал «Огонек»? Вы ответите за очер-
нительство!

— Простите?..

— В номере 45-м журнала «Огонек» снимок
памятника Поздееву на фоне бомжей разме-
щали?

— А вы из прокуратуры?

— Мы из культуры! В отличие от вас!..

А потом позвонил известный краевед:

— Так оскорбить память народного худож-
ника, всю жизнь воспевавшего Сибирь и ее
тружеников!

А потом позвонил ветеран-театрал:

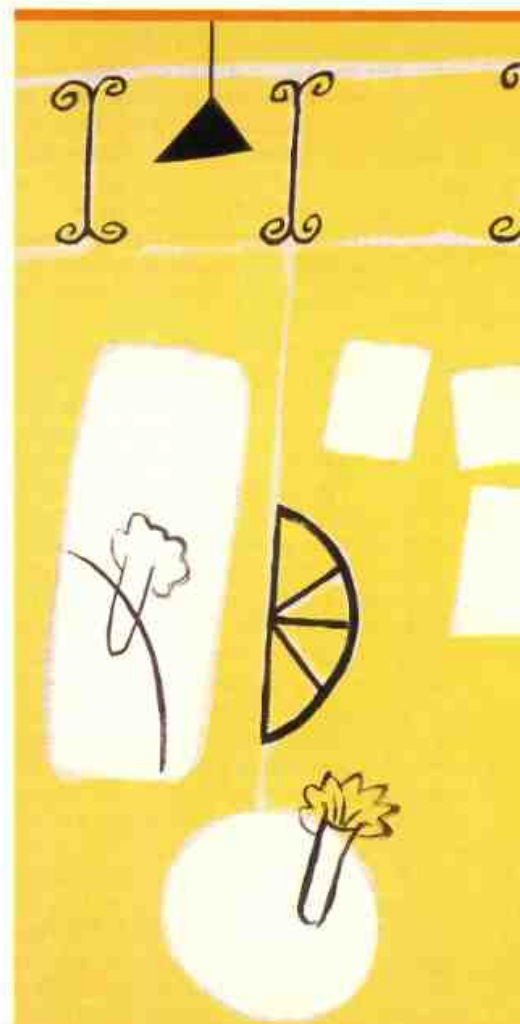
— С какой стати Андрей у вас «на троих со-
ображает» с бродягами? Да не был он таким
«народным» никогда! Он был глубоко элитарен!

А потом позвонили озабоченные живопис-
цы, знакомые, милые люди:

— Слушай, не врубаемся: это, что ли, при-
кол такой или на самом деле ничего не оста-
лось святого? Ну девушек бы подобрали кра-
сивых... Не Ленин же! Человек искусства! Над
ним-то какой смысл издеваться интеллигент-
ному столичному изданию?!

Я вообще-то давно догадывался, что в мире
богема народ страшно ранимый: с какой сто-
роны к нему ни подойди — все одно кого-ни-
будь своим темным невежеством да расстро-
ишь. Потому не встречал в развернувшуюся
накануне схватку умных профессионалов на
предмет того, должен ли бронзовый художник
прописаться в камерном зеленом уголке (при-
чем безо всякого зонтика) или все-таки пусть,
зонтом поблескивая, шагнет в самую гущу.

Победившая гуща оказалась настолько
плотной (не мудрено: самый центр города, пе-
ресечение главных прогулочно-торговых мар-

А. ПОЗДЕЕВ.
«ИСТОРИЯ КРАСНОЯРСК».
1907 ГОДА. ХОЛСТ, МАСЛО

А. ПОЗДЕЕВ. «ОСЕННИЙ СТОЛ». 1911 Г. ХОЛСТ, МАСЛО

А. ПОЗДЕЕВ. «КОГДА ГРУНУЮТ ХОЛСТЫ». 2-Я ПОЛОВИНА 1900 Г. ХОЛСТ, МАСЛО

шрутов), что в одном из учреждений по соседству пришлось даже специального охранника-наблюдателя посадить: вдруг несведущему в искусстве прохожему приглянется какая-либо деталь (тот же зонтик) из популярного нынче металла. Но граждане самых разных возрастов и сословий нехороших поползновений не допускали, разве что в глаза норовили взглянуть непривычной фигуре, ладонями с нею помериться, присесть на ботинок.

Лично у меня это наивное панибратство никакой провинциальной стыдливости не вызывало. Наоборот, тихо радовало: если уж в нашей дальней сторонке востребовался шагающий по тротуару бронзовый творец с человеческим лицом, а не очередной разрушитель, демонически вззирающий с высоты пьедестала, может, и впрямь освобождаемся постепенно от дурацких химер? Может, время, когда некому будет перед вождями и кумирами трепетать действительно не за горами? И у нас, как в цивилизованных странах сегодня, станет возможным, расстелив газетку, запросто прикорнуть рядом с сидящим на бронзовой лавочке бронзовым же, допустим, Лебедем Александром Ивановичем или какой иной важной птицей недавней отечественной истории?

И вот эти звонки... Рановато, выходит, о всеобщей нашей раскрепощенности размышляя, придется еще подождать.

Жаль, нельзя замечательно-злосчастный снимок самому художнику Поздееву показать. Он бы, уверен, врубился легко, с неподражаемой своей ребячливой улыбкой. Впрочем, не желая новых скандалов, сразу оговорюсь: у тех, кто Андрея Поздеева считал большим ребенком, столько же и оппонентов. Которые говорят, что это просто у него такая игра была в

детство, в такого самоироничного старичка-простачка, любимца актерской тусовки.

О большом ценителе лицедейства, авторе нашумевших выставок в Русском музее и Третьяковке, о Мастере, чьими работами гордятся новомодные коллекционеры Японии, Америки, Европы, вообще много чего говорят. Всякие споры, однако, прекращаются, когда речь заходит о его потрясающей внутренней свободе. О том, как естественно (не будучи ни угодившим власти «певцом», ни диссидентом) перетекал он с годами от реалистической пластики к импрессионизму, от постимпрессионизма — к русскому авангарду, к символизму, к живописи примитива, к портретам, нарушавшим все мыслимые и немыслимые общепринятые критерии — объема, глубины пространства, пропорций... Абсолютно не изменяя при этом вкусенному когда-то оптимизму оттепели.

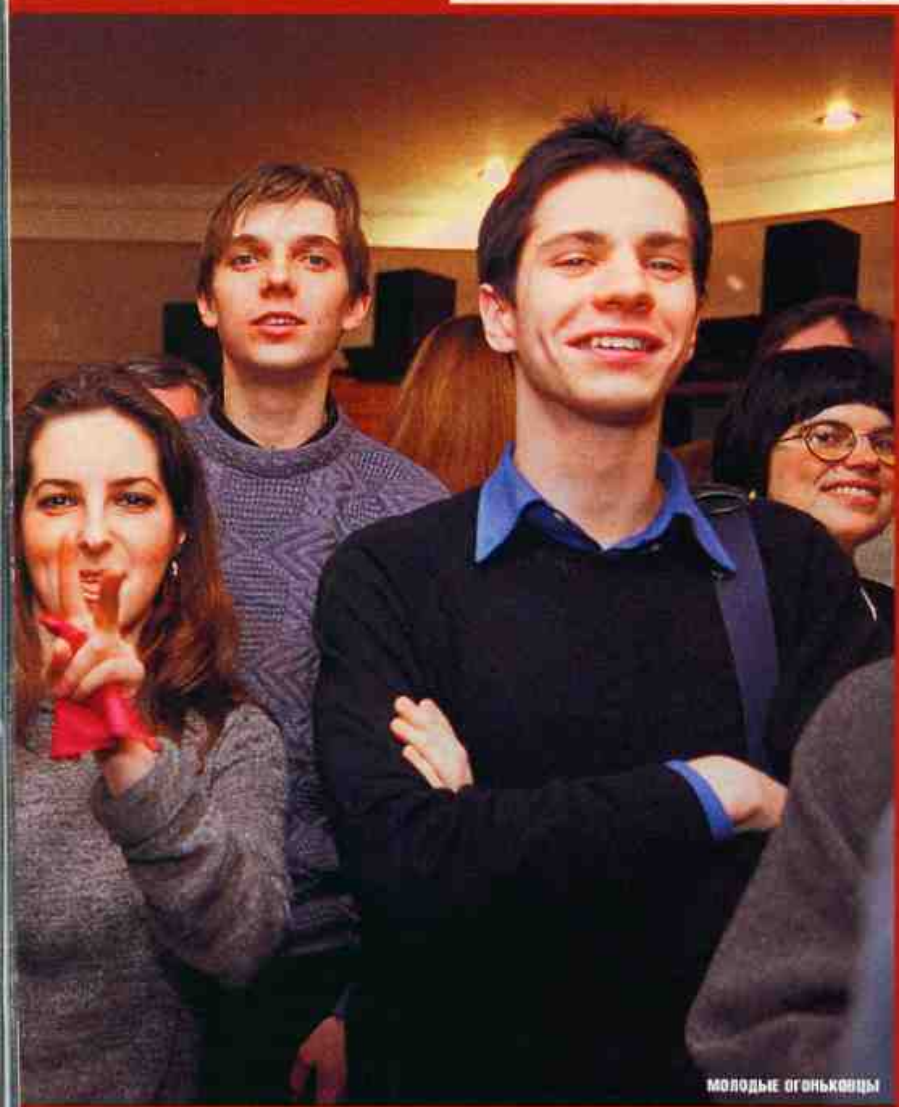
В один из похмельных январских деньков, когда лютующий в Красноярске 45-градусный мороз ненадолго расслабился до -34°C, мы с фотографом Сашей Преображенским опять оказались у памятника. И опять он был в компании с вполне оттаявшим землячком, который в этот момент не на словах, а на деле совершал маленький патристический поступок — счищал с бронзового мольберта снег. Нас заметил — заулыбался:

— Это кто, не подскажете? Клевый мужик! Прям как я: идет сам по себе и всех любит!

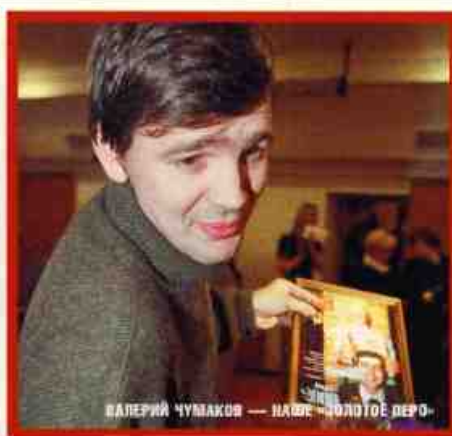
Как же все просто, ребята, в этой чертовски сложной жизни, которую при всех независимых от нас обстоятельствах в конечном итоге сами же мы и творим: подозревая друг друга в чем ни попадя или бескорыстно делясь ощущением радости — хоть с чатланином, хоть с пацаком. ■

Красноярск

ОГОНЁК КЛУБ

МОЛОДЫЕ ОГОНЬКОВЦЫ

ВАЛЕРИЙ ЧУМАКОВ — НАШЕ «ХОЛОДНОЕ ДЕЛО»

БАРИ АЛИБАСОВ,
НАШ ЛАУРЕАТ ИГОРЬ КРУТОЙ
И СТАС НАМИН (ФРАГМЕНТ)

ИРЭНА ЛЕСНЕВСКАЯ,
ВЛАДИМИР МАНСКИЙ,
ТАТЬЯНА ДЬЯЧЕНКО

В последнем номере ушедшего года мы писали о тех, кто стал лауреатами премии «Огонёк», — это и журналисты, и герои наших материалов.

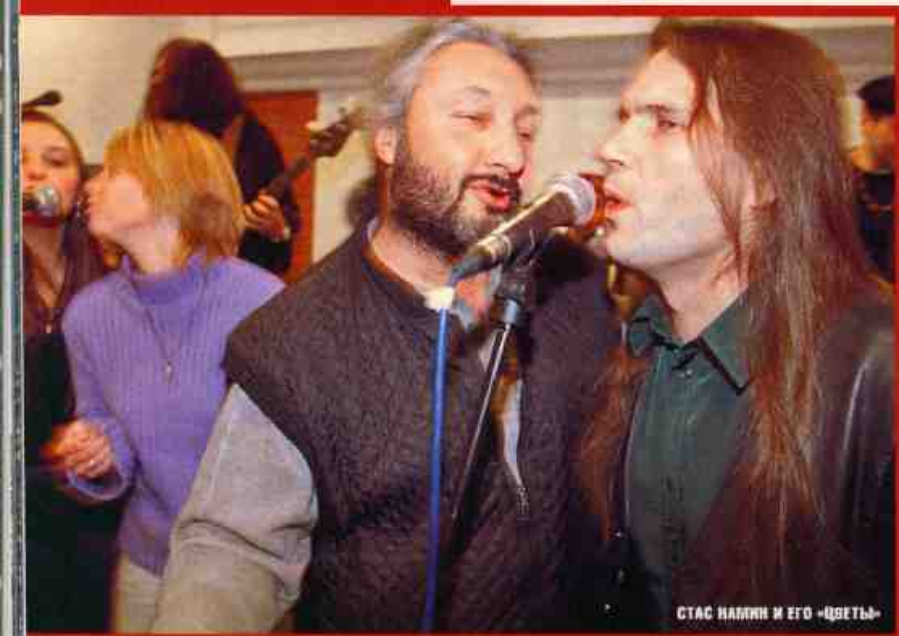
Перед Новым годом мы вручали им лауреатские значки, для чего вся редакция собралась в нашем любимом пресс-клубе «4-ре стороны» на Арбате, который тоже, кстати, стал нашим лауреатом. Еще раз благодарим директора «4-рех сторон» Александра Лесмана за гостеприимство и помощь в организации этого вечера.

К нам пришли и друзья «Огонька» — мать-основательница канала Rep TV Ирэна Лесневская, художник Борис Жутовский, телеведущий Андрей Максимов, Татьяна Дьяченко с Валентином Юмашевым и много других хороших людей. Заглянул и Бари Алибасов, без на-найцев он больше смахивал на Децла (в смысле имиджа). Не обошлось, естественно, и без завсегдатая любого светского мероприятия Москвы и ее окрестностей художника Никаса Сафронова. Играли великолепные «Лойко», «Белый острог» и группа Стаса Намина «Цветы». Было шумно, весело и всем очень хорошо.

Фото: Владимир СМОЛЯКОВ,
Михаил СОЛОВЬЯНОВ, Юрий ФЕКЛИСТОВ

ЛАУРЕАТЫ «ОГОНЬКА» — ГЕНЕРАЛ ТРОШЕВ,
СЕРГЕЙ ТЮТЮНОВ И С ЗАХВАТЧИЦЕЙ
КУЛЬТУРЫ НАТАЛЬЕЙ ДЕМЕНТЕВОЙ

СТАС НАМИН И ЕГО «ЦВЕТЫ»

ДМИТРИЙ ЯКУШКИН, БОРИС МИНАЕВ И АНДРЕЙ МАКСИМОВ

Через 200

**Россия
выйдет
из-под
власти
знака Рыб.
Чем это
нам грозит?**

Елена КУДРЯВЦЕВА
Владимир СМОЛЯКОВ
(фото)

Небо, скажем прямо, перенаселено. Кроме Бога с ангелами, там роятся тьмы астрологов и астрономов. Последние первых на дух не переносят.

Из-за того, наверное, что астрологи освоили небо и нашли ему практическое применение как раз первыми. К примеру, Птоломей, рассчитавший влияние планет на торгово-денежные отношения.

Поскольку в те времена арабы еще не знали, что не в деньгах счастье, они все были богатыми и счастливыми.

Чтобы в конце-то концов примирить две астронауки и попутно разузнать все про наше будущее, я отправилась к Александру ЗАРАЕВУ, самому научному нашему астрологу и знаменитому, — его календари и брошюры о влиянии звезд на судьбы продаются в каждой электричке. У него в России даже своя школа есть, так что можно сказать: Зараев — наше астрологическое все

Наше все усадило меня на диван, велело есть мандарины и слушать свои предначертания, не обращая внимания на клиентов, которые к нему ходят за гороскопами. Я послушно начала чистить цитрусовые.

— Грубо говоря, — вытер Зараев забрызганные мандариновым соком очки, — мы все живем в разных странах.

— Ага, — согласилась я с его грубостью, беря с тарелки пятый мандарин.

— Аура каждой страны формируется с момента обретения ею независимости. Наблюдая за историей страны, можно выяснить, к какому знаку она относится, после чего делать выводы о ее будущем.

ф у т у р о л о г и я

Все народы, по мнению Зараева, вмещают в себя черты двух знаков. Один активный, другой пассивный. Типа «девочка — мальчик», «Инь — Ян», «Спартак» — «ЦСКА»... Россия живет под активным знаком Водолея, посему ей присущи творческий полет и стремление к иным мирам. Водолеи приветствуют анархию и отвергают структурность, поэтому реформы у нас никогда не идут по плану, двигаясь по принципу молнии — быстро, ярко, красиво и криво.

Пассивный знак России — Рыбы. Зараев этих самых Рыб вывел на чистую воду. Он говорит, что Рыбам присуща лень, пьянство, мистические склонности. Симбиоз Водолея с Рыбами находит наиболее адекватное отражение в сказке про Емелю. Там один чудак долго раскачивался, зато потом все были в дерьме, а он — Д'Артаньян.

Взаимовлияние Рыб с Водолеем хорошо прослеживается по нашим президентам. Сначала был Рыба Горбачев, который все разрушил, взбаломутил и сложил на пузюшке ручки. Потом возник деятельный Водолей — Ельцин. Теперь же пришел Весы — Путин, который по замыслу Зараева должен выровнять ситуацию.

Россия, впрочем, не одна такая — есть у нее собратья по Водолею: Чили, Никарагуа, Новая Зеландия. У США, безусловно, менее интересные соседи: под знаком Близнецов у нее Канада, Бельгия и остров Сардиния, которым присуще умение создавать хорошие системы связи и прочие коммуникации, а также любые универсальные продукты. Например, они создали особенный американский английский, который люди с задатками интеллекта изучивают с пол-оборота. Кроме того, Близнецы очень непоседливы, поэтому в Штаты всегда тянулись коммуникабельные люди.

Пойдем с Зараевым дальше по географической карте.

Кавказ подо мною... а чуть подалеже — Германия. Эти две территории находятся под влиянием Овна. Этот знак определяет воинственность, пробивные способности, национализм. Однако в Германии, дорогие мои бюргеры, сильна тяга к плотским удовольствиям, меркантильным поступкам и мешанству — чертам, которые определяет Телец. Так говорил мне Зараев.

Покончив с мандаринами, я призадумалась над своим личным будущим и спросила у Зараева, хватая липкими мандариновыми пальцами географическую карту:

— Получается, если я, вся такая тонкокожая, вечно пьяная Рыба, поеду жить к меркантильному Тельцу...

— Да, лучше бы тебе туда не ехать.

— То есть Рыбы должны жить в рыбных странах, а Козероги — в козюковых?

— Лучше всего выбирать для эмиграции страны из одной стихии — водной, воздушной или огненной. Например, россиянам хорошо ехать в Канаду и Америку — в воздушные стихии. Не рекомендуется ехать в страны, где господствуют Телец, Козерог и Дева, — это Аргентина, Италия, Малая Азия, Армения, Азербайджан, Ирландия, Прибалтика, Швейцария. Россиянам там будет тяжело, потому что на этих территориях нет внутренней свободы, которую любят русские, и они не смогут себя реализовать. Так же не надо ехать в страны под

знаком Рака (Южная Африка, Шотландия, Китай, Нидерланды). В этих странах русских неприятно удивит большое количество работы с малым карьерным ростом.

— Боже мой, неужели для нас раздолье только в Никарагуа и Чили?

— Да нет... Франция (Лев) безусловно хороша. Совсем не случайно туда после революции поехала русская эмиграция. Мы с ними похожие, даже наши революции похожие были.

— А когда человек переезжает в новую страну, что на него в первую очередь влияет — личный гороскоп или гороскоп родины?

— Пока он там осваивается — личный. А через несколько месяцев начинает активно работать более мощный гороскоп — нации. Знаешь, — затуманился великий Зараев, — у меня есть подруга. Перед ней в 92-м году стоял выбор, куда ехать. Можно было поехать в Испанию, в США или в Англию. Так я посоветовал ей Испанию — там было заложено много возможностей выйти замуж, чего в России ей никак не удавалось. И что ты думаешь? В Испании она быстро вышла замуж за паренька из небольшой фирмы, родила ему ребенка, и через пару лет парень стал миллионером!

— Слушай, Зараев! А вот эти рыбины, которые повисли когда-то у меня над головой, можно мне как-нибудь от них избавиться — выбрать какой-нибудь знак получше?

— Есть несколько рецептов изменить карму. Например, сменить на несколько часовых поясов в сторону, а лучше всего переехать кардинально... допустим, в Австралию. Австралия сильно влияет на структуру судьбы. Гороскоп у переехавших туда меняется на 180 градусов. Незря туда каторжников ссылали. Теперь они — доблестные фермеры, кенгуру любят.

— Везет австралийцам, им за новой жизнью в Россию надо ехать. А нет у тебя какого-нибудь другого рецепта, не столь глобального? Все-таки мама-папа здесь, — мои глаза увлажнились при таком воспоминании.

— Можно выйти замуж. Партнерские отношения сильно влияют на судьбу. Когда два человека вместе — они собираются не для кайфа, а для работы. Рука руку моет. Правда, есть знаки, которые угнетают друг друга. Этого надо сторониться.

— Подожди. Вот ты, молодой здоровый Овен, встретил под Новый год... кто тебя там угнетает?

— Рыбы.

— Встретил молодую красивую Рыбину. Что делать?

— Рыбы вообще знак сложного партнерства. Овен Рыб плохо слышит, — я села поближе к Зараеву. — Но Рыба Рыбе рознь, их же две, они в разные стороны плывут. Если у девушки акуля хватка, посторонись, а если она золотая рыбка — духовная, мягкая, спокойная, — такая хорошо спину прикрывает. Партнеров нужно вообще-то менять по жизни. До 30 лет человеку лучше жить со знаком своей стихии. Тебе, Рыбе, — хорошо жить со Скорпионом, Раком, Весами, Близнецами, с другой Рыбой. С 30 до 42 лет развивается космическое партнерство. Тут подойдет Дева, Козерог, Телец. А после 42 тебе нужен Овен, поскольку огня уже не хватает.

— А как же прожить всю жизнь и умереть в один день? Я хочу непременно в один!

— Знаешь, такой идеальный гороскоп, чтобы гармония была на всю жизнь, встречается один раз на тысячу.

— И что, был у тебя этот один?

— Ни разу... Да и потом... такие люди по астрологам не ходят. Зачем? Они счастливы. К астрологу идут люди с проблемами, которые сами не могут разобраться в происходящем. У меня есть один знакомый американский астролог, так он специально изучил статистику приходящих клиентов. Получилось, что 70% — люди с отклонениями, голубые, проститутки. Кстати, эти аномалии тоже можно определить по гороскопу. Я лично вывел, что женщины с активной Венерой чаще становятся путанами. У них чувственность повышена, а душа при этом холодная и нет тяги к нормальной семейной жизни. А мужчины с ослабленным Марсом часто проявляют женскую мягкость, вообще женские качества.

— Да, Марс мужчинам надо укреплять, — согласилась я. — Расскажи, а как именно ты это вывел?

— Одно время меня очень интересовали люди с какими-то отклонениями. Я набрал очень много случаев и смог обобщить. Потом я уже перешел к клиентам с экстрасенсорными способностями. Я составлял гороскопы всех известных мистиков — Джунны, Сафонова, Орлова, Иванова. Потом перешел к духовным лидерам. Мне было очень интересно, почему именно они стали избранниками, духовными учителями. Я пришел к интересному выводу. Представь себе, Лена, за всю русскую историю чуть ли не самый плохой гороскоп — у Преподобного Серафима Саровского. И вообще у всех высокродуховных людей гороскопы отвратительные. То есть интуитивно человек понимает, что в мирской жизни ему все равно ничего не светит, и он уходит в духовность.

— Давай лучше не переходить на личности. Ты, Зараев, лучше про Россию договори. Получается, что страны в отличие от человека никогда не смогут изменить свою судьбу? Россия не может со всем своим скарбом, с полями-лесами рвануть в Австралию.

— Знаки стран меняются исторически. Сейчас, например, Россия выходит из-под влияния Рыб и полностью переходит под Водолея. Это, кстати, совпадает и с глобальными эпохами человечества. Дело в том, что в астрономии существует такое понятие, как звездный день. Он равняется 2160 земным годам. За это время наша Галактика, которая не стоит на месте, делает полный оборот вокруг своей оси и переходит на новый виток. Ее передвижение соотносится с двенадцатью зодиакальными знаками. Так, 2000 лет до прихода Христа Земля находилась под знаком Овна (закон Моисея). Эпоха Христа проходила под знаком Рыб. Наша Галактика окончательно перешагнет на новый виток развития в 2002 году, и тогда наступит новая эра — эра Водолея. Она ознаменуется массой новых открытий, новыми взглядами на старые идеи, новыми технологиями. Это будет эпоха страстных изобретателей.

— Следовательно, еще через 2000 лет мы и Водолея переживем, и что будет дальше? — подгоняла я машину времени, запущенную Зараевым.

— Дальше мы перейдем в эпоху Козерога. Козерог — это знак, который позволяет управлять пространством и временем. Думаю, что только тогда мы сможем полететь на другие планеты. Люди уже будут полностью управлять законами Мира.

**Я составлял
гороскопы всех
великих
мистиков
и религиозных
лидеров.
У них
у всех ужасные
гороскопы!
То есть человек
интуитивно
понимает,
что в мирской
жизни
ему ничего
не светит,
и он уходит
в духовность!..**

— Боже, как мне все это нравится! Не томи, что же мы сделаем после Козерога?

— Поживем — увидим, — расстроил меня астролог и предложил еще мандаринов.

У нас все продвинутые люди знают, что, пока народ дремал и не использовал весь объем эзотерических знаний, где-то там, в подвалах Лубянки, чекисты ложками черпали космическую энергию из пространства, летали с плененными донхуанами в иные миры и учились вырезать аппендицит из астрального тела. Но советская астрология, оказывается, вовсе не была такой уж закрытой наукой.

У нас в советское время в Ботаническом саду был такой биолог Владимир Розанов. В вышеуказанном месте он открыл лабораторию, в которой занимался сельскохозяйственной астрологией, а именно влиянием планет на климат и урожайность. К нему за его прогнозами засух ездил со всего Союза. И если он говорил, что будет засуха, колхозники садились на завалинку и начинали лущить семечки — чего понапрасну трудиться. За это такие вредные астрологи назывались полезной советской властью.

В 1984 году Зараев написал письмо Андропову. При Андропове впервые в СССР официально разрешили преподавание астрологии. В частности, преподавал ее Сергей Вронский в Институте усовершенствования партийных работников. Зараев тогда наблюдал за космическими завоеваниями Родины и мог точно сказать, когда произойдет следующий успех. Поскольку Зараев Родину любил, он Андропову написал, что можно значительно сократить убытки этой отрасли, если пользоваться его прогнозами. Но письмо товарищ Андропов не прочитал, потому что помер, так и не придя в сознание. Зараев и об этой опасности предупреждал в своем письме: сообщал, что с 6 по 10 февраля 1984 года будут у Андропова критические дни.

Потом Зараев написал письмо Черненко, но тот, к сожалению, тоже умер. И к власти пришел Горбачев. Он любил встречаться с Рейганом, потому что тот как раз был американским президентом. А Зараев находился в то время на стадии активного сбора астрологической информации, поэтому заметил, что все встречи лидеров происходили при крайне неблагоприятных днях у Горбачева и на пике творческой активности Рейгана. Тогда Александр написал еще одно письмо. Горбачев не умер, однако на письмо Зараева тоже не ответил. А напрасно. Потому что вскоре штатский астролог Дж. Куингли выпустила книжку, где рассказывала про то, как они с президентом Рейганом провели Горбачева.

— Зараев, — спросила я, съев последний мандарин, — ты заметил, что я не могу спокойно сидеть, что я все время ерзаю?

Астролог улыбнулся и лишний раз протер очки.

— Это потому, что я тебе не верю, — сказала я с легким придыханием, как Фрейндлих в «Служебном романе», — не верю, понимаешь. И гороскопам этим дурацким не верю, и тонким энергиям, я считаю, что все это выдумка и шарлатанство.

Александр, мужчина во всех отношениях мудрый, не стал вести себя как обычно ведут астрологи. Они привыкли, что им не верят, поэтому при любой удобной возможности начинают перечислять свои сбывшиеся предсказания.

— Видишь ли, Лена, — сказал Александр с интонацией штабс-капитана Кольцова из популярного телесериала, — изначально непонятно, откуда появились астрологические знания. Пигмеи, например, считают, что они появились с Сириуса. Пигмеи знают, как и мы, что Сириус — двойная звезда, что звезды бывают желтыми, белыми, красными.

— Небось, пигмеев американцы подучили.

— Нет, в Египте тоже считали Сириус священной звездой, все пирамиды строились с ориентацией на Сириус. У египтян были жрецы, которые умели улавливать вибрации планет.

— Какие-какие вибрации?

— Каждая планета вибрирует, издавая определенное звучание. Чем ближе планета к Земле, тем более высокий тон вибрации. Все древние эзотерические школы считали, что человек воспринимает эти звуки, только не слышит. Но если расширить диапазон слуха — можно услышать.

— Зараев, я понимаю, ты показал бы мне какой-нибудь локатор, которым эти вибрации улавливаются... а то все жрецы, жрецы... Или ты сейчас достанешь из широких штанин маленького жреца?

— По критикам астрологии мощный удар нанесла как раз космическая наука. Американцы в свое время запустили космические аппараты «Вояджер-1» и «Вояджер-2», чтоб они летели через всю нашу Галактику. В прошлом году сложилась уникальная ситуация, когда планеты выстроились в ряд, и они могли с минимальной затратой топлива пройти всю Солнечную систему. Например, на каком-то этапе космический аппарат выключал двигатель, потому что его схватывало гравитационное поле Марса, потом он падал в объятия Юпитера, и так до Нептуна. Когда получили данные с этих «Вояджеров», оказалось, что можно сделать много новых выводов о влиянии планет на людей. Нас всегда учили, что в центре — Солнце, вокруг него все вертится. Но вдруг оказалось, что планеты излучают энергии в несколько раз больше, чем Солнце. Только энергия эта не тепловая. Мудрые древние люди изображали Сатурн мужиком с серпом, который олицетворял Время и Смерть. Как уж там древние рассмотрели, не знаю, но Сатурн действительно в космическом масштабе полностью оправдывает данное изображение. Каждые 12 часов, когда он проходит через свой полуденный меридиан, Сатурн посылает мощный импульс на радиоволне. Его можно фиксировать даже с Земли. Это похоже на биение огромного сердца. Сатурн раз в тридцать больше, чем Земля, а вращается в два раза быстрее — получается огромный волчок. Ионы газа на планете разгоняются и по спирали, как в синхрофазотроне, вылетают за пределы притяжения Сатурна. Они рассказывают, как серпом, всю Солнечную систему, даже покидают нашу Галактику.

— Больно как, наверное, инопланетянам — серпом-то.

— Лена, ты лучше о себе подумай! Каждые пятнадцать лет Земля проходит через плоскость колец, и в этот период ионам очень удобно бомбардировать нашу планету. В эти годы случается огромное число всяких напастей — смертей, неурожая, войн, засух. Ученые установили, что эти ионные излучения сильно влияют на тонкую электронику. То есть чем крепче человек срастается с техническими средствами, тем больше он попадает во власть планет. Потому что одно де-

ло — если дрогнет копье у охотника на мамонта, и совсем другое дело — рука пилота бомбардировщика. Мы проводили исследования в «Шереметьеве-2»: смотрели, насколько коррелируется неблагоприятное расположение планет с нештатными ситуациями. Результат — 70% совпадений. Стоит ли рисковать? В НАСА, космическом ведомстве США, есть специальная служба, созданная после катастрофы «Челленджера», день старта которого был выбран с астрологической точки бездарно.

— Сатурн, значит, во всем виноват?

— Узко мыслишь, Лена. Взять Юпитер. В отличие от Сатурна Юпитер всегда считался планетой счастья. Его изображали в виде мужика, который прикрывается щитом и держит в руках молнии. Выяснилось, что Юпитер имеет мощную структуру магнитных полей с высоким напряжением. Не отстает от Юпитера и его спутник Ио, который тоже очень быстро вращается. Молнии между ними сыплются снопами. Когда Юпитер подходит близко к Земле, он своими электромагнитными шапками, как щитом, прикрывает нашу планету. В результате один раз в 12 лет наша биосфера становится более комфортной.

В общем, каждая планета что-то излучает в пространство. Это все равно, что бросить несколько камней в воду и посмотреть, как пересекаются круги. По такой вот космической воде плывет наша Земля.

Когда я задумался, насколько точно можно предсказать момент смерти конкретного человека, заметил: человек, вроде бы, по всем параметрам опасную точку прошел — и вдруг ни с того ни с сего умирает. Я понял: тут участвуют какие-то космические силы, которые влияют на жизнь волнами: катастрофы следуют одна за другой, самолеты падают по несколько штук в месяц. Так я выявил волновой характер деструктивной энергии.

Свое открытие Зараев сделал, работая в зеленоградском НИИ «Комплекс», который занимался всем — от производства питания для космонавтов до выведения цыплят. Наблюдая за цыплятами, Зараев чертил графики, сверяя количество невылупившихся куриных котлет с влиянием планет. Вскоре он с 80% точности предсказывал судьбы куриных яиц. Плонул на цыплят, Александр зарылся в спецхран Ленинской библиотеки. После чего наконец разработал свой знаменитый календарь, продающийся.

— Зараев, а ты сам сверяешься со своим календарем?

— Раз он работает, я с ним сверяюсь. Например, знаю, что, когда Луна находится в неблагоприятном аспекте с Ураном, всем хочется на дорогах повыпендриваться. Я в эти дни тоже ощущаю желание похвастаться, но знаю, что это вредно. Вот вчера в половине четвертого Луна проходила знак Скорпиона — это время, когда высвобождаются самые низкие энергии и помехи. Так в меня один такой въехал, хоть я сам передвигался как можно тише. Зеленая «девятка».

Тут меня чуть не вырвало всеми съеденными в гостях у Зараева мандаринами. Потому что вчера как раз в это время мы с главным редактором переходили дорогу, и нас едва не сбила зеленая «девятка» — без сомнения, та самая, про которую мне поведал Зараев.

**Чем крепче
человек
срастается
с техническими
средствами,
тем больше
попадает
во власть
планет.
Потому что
одно дело —
если дрогнет
копье
у охотника
на мамонта,
и совсем
другое —
рука пилота
бомбар-
дировщика!..**

б о л ь ш и е л ю д и

Глеб ШАВЛОВСКИЙ

**Я отношусь
к людям,
как
к черным
ящикам...**

Когда я был маленьким, мне очень нравился фильм «Отроки во Вселенной». Я смотрел его то ли семь, то ли восемь раз.

И с тех пор помню — среди роботов бывают вершители, а бывают исполнители.

Политики немножко похожи на роботов, и, что самое интересное, среди них тоже бывают вершители, а бывают исполнители. Между политиками и роботами из кино только одна разница — в политике вершители не всегда те, кто на виду и в белых одеждах. Они зачастую простые исполнители. А настоящие вершители в черных одеждах постов не занимают, а руководят чуть ли не из подполья.

Однако внимательные наблюдатели примечают этих кукловодов и нарекают званием влиятельного политика, невзирая на отсутствие официальных политических эпологов. Так, например, с завидной регулярностью в сотню самых влиятельных политиков страны входит Глеб Павловский.

Что значит «в сотню входит»?

Это грубое преуменьшение возможностей вершителя! Павловский, по мнению экспертов, стабильно держится в третьем десятке ведущих политиков, де-юре политиком не являясь. Впрочем, по его собственному признанию, политикой он все-таки занимается — вместо тех, кто должен был бы ею заниматься, но не умеет. То есть вместо политиков...

Начал я нашу беседу с того, что спросил, отчего это в комнате совещаний у Павловского висит портрет Путина. Почему он свою маму не повесил, например? На что Глеб Олегович с присущим ему здоровым цинизмом ответил:

— Что же я свою маму повешу для общего обозрения всех сотрудников?

— А Путина, типа, не жалко — пусть смотрят?..

— Путин — общественная фигура. Вынужден терпеть.

— Кто вынужден терпеть — портрет или вы? Портрет неживой, ему все равно. А вам-то терпеть тем более не приходится, ведь вы редкий пропутинец.

Павловский задумчиво пожевал губами: «Редкий пропутинец?.. Хорошее выражение». Я понял, что старый писака оценил фразу и, возможно, отложил ее себе куда-нибудь на записную полочку. В добром хозяйстве ничего не пропадает.

А то, что хозяйство доброе, заметно уже на дальних подступах. К Глебу Олеговичу просто так не попасть. На входе в его контору я положил свою сумку на резиновый

транспорт, который утащил ее куда-то в рентгеновскую глубь, просветил и вывел подогретую на экран секьюрити. Сам я прошел через рамку металлоискателя, после чего мне была выдана магнитная карточка, которой я проводил по приемной щели возле всех дверей, через которые лежал путь. Все это было похоже на голливудские фильмы о секретных лабораториях Пентагона по производству всякой заразы и секретного оружия. Секретное оружие отечественной политики ждало меня на пятом этаже.

Стеклянный лифт унес меня к небу, и через его прозрачную стену, возносясь до вершин Глеба Павловского, я наблюдал красоту внутреннего двора грандиозного дома на набережной. Расположенного, правда, не на реке Москве, а на обводном канале. Но зато совсем неподалеку от ТОГО Дома на набережной. Вот как поворачивается история... Вот как теперь живут бывшие марксисты, бывшие диссиденты и каторжане. Ну и правильно! Борьба должна вознаграждаться сторицей. Иначе она обесмысливается. Есть много вечных борцов среди интеллигенции, которых не устраивает ни одна власть просто потому, что она власть. Их позиция неконструктивна, я полагаю.

Но есть граждане конструктивные — они ездят в стеклянных лифтах и руководят фондами. При этом, что похвально, не потеряли скромности, некоторой застенчивости и твердых принципов. Когда, увидев на шее Павловского не то цепочку (что неудивительно для небедного человека), не то кожаную ленточку (что неудивительно для бывшего хиппи), я спросил, что же на ней висит, Глеб Олегович неожиданно засмутился, объяснив, что это дело интимное:

— Может быть, мне еще штаны перед вами снять? Проверять так проверять.

Я постеснялся положительно ответить на этот вопрос, хотя подозреваю, что фотограф Феклистов многое отдал бы за такой кадр.

По молодости Павловский сильно бунтовал против строя, увлекался марксизмом. При этом Маркса он почти не читал, сознательно оставляя его «на тюрьму». Там-де будет много времени, вот и почитаю. Однако, почитав Маркса в тюрьме, Глеб сделался державником и начал из ссылки заваливать компетентные органы предложениями по спасению империи от развала. Империя не прислушалась. И, как выяснилось впоследствии, зря. Где теперь империя? И где Павловский? Кто из них ездит на красивом лифте и источает благополучие всеми фибрами? То-то и оно. А ведь по-хорошему предупреждал.

— Глеб Олегович, как человек, умудренный опытом, какие книжки вы бы посоветовали молодым оставить «на тюрьму»?

Павловский добродушно смеется:

— Надеюсь, им это не потребуется. Хотя... В России всегда надо быть ко всему готовым. Знаете, давным-давно, когда я еще хипповал, носил длинные патлы и много бродил по стране, я беседовал с одним буддистом, который потом умер в тюрьме. Как человек, верящий в перерождения, он говорил, что для буддиста один раз очень важно родиться в России. Но это полезно только для буддиста!

— Жалко, что я не буддист. Такой случай выпал — и псу под хвост.

Александр НИКОНОВ
Юрий ФЕКЛИСТОВ
(фото)

Как человек, когда-то подпавший под влияние буддизма, Глеб Олегович к жизни и деньгам относится философски:

— Я думаю, общее количество свободы в обществе не меняется. Она просто перераспределяется. Как говорил Остап Бендер, если по стране ходят денежные знаки, значит, должны быть люди, у которых их много. Так и со свободой. Даже в Советском Союзе свобода была. Но для избранных. Кто-то в ней просто купался. А остальные...

Насчет же денег Павловский полагает, что...

— К ним нельзя относиться серьезно. А в особенности их хранить.

— Что же вы с деньгами делаете?

— Теряю, — беспечно ответил Глеб Олегович. Однако теряет он деньги не в магазинах, как я, было, по наивности предполагал. — Лучший способ потерять деньги — завести большую организацию. Каждый день теперь я должен думать, что я заплачу людям завтра. Сейчас у меня уже под двести человек работает. И число работников все время растет. Это кошмар! Я очень люблю убивать юридические лица, в жизни их много умертвил, но они потом возрождаются опять! Я не понимаю строителей деловых империй, потому что мне кажется, это очень скучно — растить империю, которая потом расширяется уже неконтролируемо. Ведь человек может проконтролировать сам только шесть-семь человек. А когда их двести и больше... Ты уже контролируешь только секретарей и референтов.

В этот момент внимание Павловского неожиданно переключилось на пыхающего вспышками Феклистова.

— А это не вы меня сняли, когда я дулю Евтушенко показывал?

— Нет, не я, — честно признался Юра.

— Я даже забыл об этом событии. А кто-то подловил момент и щелкнул. Я в газете уже увидел.

— А зачем вы дулю поэту показали? — спросил я. — Дули он, что ли, не видел?

— Да я пришел на эту вечеринку с дочерью, а Евтушенко пристал ко мне. Начал передо мной своей холеной рукой в золотых перстнях водить и так напыщенно говорить: «Я в сорок первом году еще ребенком, на лесоповале...» Меня это ужасно раздражало. Моя дочь, которая стояла рядом, с большим интересом смотрела на это все, как на театр, а потом спросила: «Дядя, извините, а как вас зовут?» А он отвечает так серьезно: «Я великий русский поэт Евгений Александрович Евтушенко...» Думаю, мы для молодых людей кажемся каким-то парком юрского периода.

Вместе с четким пониманием своего с Евтушенко места в сегодняшней России Глеб Олегович имеет ясные представления и о внутренней сущности других своих современников. Во всяком случае, на вопрос о том, за что его так ненавидит интеллигенция либерал-явлинского толка, политтехнолог ответил четко и быстро:

— Очень просто — за успешную политическую деятельность. Я ставлю задачу и добиваюсь ее осуществления. Собственно, я работаю за политика и вместо политика. Наши политики пока не умеют заниматься политикой.

— Сервис по высшему классу! Клиенту остается только денег заплатить за то, что

ему сделали красиво, успешно проведя через выборную кампанию.

— Политик? Деньги? Не дожидетесь! Политики у нас не имеют денег. Политика у нас как шоу-бизнес. И структура доходов там такая же. Политики зарабатывают деньги, давая представления, называемые избирательными кампаниями. А оплачивают все их «продюсеры». Потом, когда в России появятся настоящие политики, я стану ненужным.

— Чем же вы будете заниматься?

— Книжки читать. Меня согнали с дивана, на котором я провел прекрасную юность, читая книжки.

После этой фразы наш разговор с денег плавно перешел на ценности.

— До 1995 года я не занимался политикой. Я был интеллигентом. То есть смотрел со стороны и критиковал. Но как только я решил что-то изменить, я немедленно перестал быть интеллигентом. Просто потому, что по российским понятиям политика — гадость. И, соответственно, ею занимаются гадкие люди. И в каком-то смысле это индульгенция: раз уж вы решили заняться политикой, переступили черту, значит, дальше можете разрешить себе все, что угодно. Так считается. Однако я никогда не придерживался такой точки зрения. Я полагал, что если уж у тебя есть ценности, то ты можешь выражать их на любом поприще.

— А какие у вас ценности?

— Я банальный христианин.

— Типа, в Бога верите?

— Ну, трудно не верить в того, кто тобой постоянно занимается и не дает тебе об этом забыть.

— Не знаю, мной отчего-то никто не занимается. Самому приходится крутиться.

— Вы просто невнимательны. Или у вас нет времени заняться собой. Отношения между человеком и Богом выражаются в советах и действиях с его стороны.

— И когда же вы впервые услышали эти голоса внутри головы?

— Мне Бог дал здоровенного пинка, когда я был молодым человеком и валялся на диване. Он сказал: «Чего ты валяешься, скотина? Так и будешь бесплодно мечтать? Иди и делай то, во что веришь!» Таков был общий смысл его консалтинга.

— А потом приступы не повторялись?

— Ну, потом это в разных формах повторялось. Ведь я и дальше нередко вел себя, как скотина. Например, когда я, будучи арестованным, признал себя виновным, чтобы скостить срок. Я ведь как бы отрекся от своих ценностей. Это грех.

— Да, я слышал, по кодексу диссидентской чести это западло считается у них — признавать вину. И что вам Бог за это причинил?

— Вот этого я не расскажу, — зажался Глеб Олегович. — Но поверьте, я получил от него по полной программе. Зато советская власть мне смягчила наказание и заменила лагерь ссылкой. Сейчас бы я не признал себя виновным ни в коем случае.

— Почему, если на этом можно здорово выиграть в сроке? Рассматривайте это как военную хитрость.

— Не-ет. Нельзя брать на себя функции творца, самому управлять своей судьбой. Когда перед тобой открывается дверь, ты дол-

Из скромного кабинета Павловского, открыв балконную дверь, можно

выйти на крышу и обозреть перспективы. В перспективе открывается чудный вид на Кремль

жен в нее войти. Нельзя уворачиваться. Тюрьма — это была нормальная судьба для человека моего круга тогда, и я должен был через нее пройти.

— А может, это Господь надоумил увернуться?

— Нет. Человек всегда точно знает, что такое хорошо и что такое плохо, и как хорошие мальчики отделяются от плохих.

— А сейчас вы хороший мальчик? Или плохой?

После секундной паузы Глеб Олегович неопределенно улыбнулся:

— Ноу комментс...

Сегодня Павловский — бесприигрышный политтехнолог. Все запущенные им в поли-

тический космос спутники летают каждый по своей орбите. Однако были в его жизни и обломы. Впрочем, они прошли бесполезно: как всякий умный человек Павловский на ошибках выучился.

— Первая кампания, в которой мы участвовали и которая была проиграна, — по выборам Конгресса русских общин.

— О-о-о. Зачем же вы взялись за этих неприятных граждан? Экая политическая неразборчивость.

— А начинающая фирма не выбирает заказы! Мы, правда, вели не всю кампанию. Выборный штаб был другой. А мы вели только кампанию в прессе. И в этом смысле кампания была удачной, потому что именно то-

гда возник Лебедь как политик, которого вы знаете.

— Зря вы этого монстрика раскрутили.

— Да, меня предупреждал глава их же Конгресса — Скоков. Он говорил, что Лебедь — очень опасный человек. Но я тогда этого не понимал. Думал, что это тип слабого русского интеллигента, прячущийся в здоровенном теле военного амбала.

...Поработавший с политиками и немало изучивший их породу, Павловский может дать всему «зверинцу» весьма точные характеристики. Например, Явлинский — «это политический зверь, которого выгнали из его ниши. Весельчак и душа небольших застолий в отделах НИИ».

— Знаете, — напоминает мне Павловский то, что мне, четыре года отработавшему в науке, напоминать не нужно, — в научных институтах была такая хорошая, веселая атмосфера, люди часто собирались на капустники.

— Как правило, в «ящиках» это особенно характерно проявлялось.

— Да-да. В сытых таких местах, где трудно проверить, делаешь ты что-то или нет, и платили чуть побольше... Так вот, я очень хорошо отношусь к Григорию, как к человеку, но он душа нишних сабантуйчиков. Это его роль. А в политике занимает не свое место. Большинство людей в этой стране занимается не своим делом. Не Григорию Алексеичу нужно было делать либеральную партию, но

так уж вышло. В русской политике, поскольку она виртуальна, огромную роль играет вовремя выкрикнутое слово «я». Так и с Григорием Алексеичем вышло. В 1993 году считалось, что Ельцину нет альтернативы. Неизвестно почему, но все это повторяли. И тут высочил Явлинский и сказал: «Я альтернатива!» Так возник известный российский политик Явлинский.

...Читатель «Огонька» должен знать — Глеб Олегович весьма критичен по отношению к отечественной политике и полагает, что в России почти все политики занимают чужие места. КППРФ занимает место нормальных левых. «Яблоко» занимает место правой социал-демократии...

— В свое время в диссидентских кругах мы обсуждали, что будет, когда система рухнет и наступит свобода. И мой друг Виктор Томачинский (он погиб в лагере) говорил: «Я в случае свободных выборов буду голосовать за ту партию, которую поддержит КГБ». — «Почему?!» — «А ты сам подумай, что будет со страной, если к власти придут все эти ребята, которые сейчас сидят по редакциям, в журнале «Мурзилка»...» Я думаю, Томачинский был прав. Нынешнее поколение политиков — это пробка, которая закупорила поры политической жизни. Они сидят последние десять лет. Если эту пробку выбить, появятся политики новой формации. Из бизнеса, из региональной политики.

Путь в скромный кабинет Павловского ведет через стеклянные стены, стеклянные двери, мимо внутренних двори-ков под стеклянной крышей. Живущий в стеклянном доме не должен бросать камни

— Из бизнеса и регионов? Абрамович не из их числа?

— Меня, честно говоря, удивил его шаг с Чукоткой. И как всякий интересный шаг, он может толковаться и толкуется по-разному. Но признаюсь — я этого не ожидал. Совершенно не ожидал! И поэтому слежу за Абрамовичем с большим интересом. Неординарно поступил.

— Но вы как-то объясняете себе этот поступок?

— А мне несвойственно занятие, на которое бесплодно тратит время наше общество, — объяснять людей. Потому что, когда объясняешь людей, всегда приписываешь им свое, то есть то, чего там на самом деле нет. Вносишь помеху. Поэтому я отношусь к людям, как к черным ящикам. Смотрю, что на входе и что на выходе. Что на них влияет и как это возвращается в виде действий и слов. Удобнее не знать, что внутри у человека. Тогда легче предсказывать его поведение, потому что не приписываешь ему своих свойств и своего видения мира. Принцип черного ящика я считаю для политики методологически самым верным. Вот Ельцин, например, идеальный черный ящик. С какого-то момента я стал просто ощущать его дистантно, понимать его логику, не будучи на него похожим, не приписывая ему никаких свойств. Это как музыкальная сыгранность.

Помимо Ельцина, Глеб Олегович очень ценит Путина. Правда, считает Путина бюрократом. Но...

— В хорошем смысле этого слова. В России всегда ругались этим словом, а настоящих-то бюрократов, как точных управленцев, которые могут спустить приказ и добиться его исполнения, никогда у нас не было. Путин — замечательный управленец. Он всегда четко действует в пределах своего мандата. Когда он был руководителем правительства, его задачей было сделать из номинального правительства правительство реальное. И он его сделал — правительство перестало быть предбанником Кремля и реально заработало. И работает до сих пор, не конфликтуя с Кремлем, как раньше. Но сегодня Путин — совсем другой человек. Он очень сильно вырос и сейчас осознает себя национальным лидером. И это не придуманный кем-то имидж. Путин — реальный лидер нации.

— Вы хорошо изучили этот черный ящик?

— Путин мне биографически очень понятен, потому что он семидесятник, как и я.

— А я восьмидесятник. И шестидесятников не люблю.

— И я не люблю. И никогда не любил. В России всегда были поколенческие разрывы. Но есть такие агрессивные поколения, которые подминают под себя последующие поколения. Родители не должны отбирать биографию у детей. А шестидесятники сожрали не только свою собственную биографию, но и биографии детей и внуков. Они очень давили. Навязчивое поколение слишком. Потому что закомплексованное. Шестидесятники сами не реализовались и после этого всем мешали жить.

— А семидесятники каковы? Мне о них ничего неизвестно. О своем-то поколении я знаю по себе и друзьям. А про ваше — ничего. Также, наверное, как и вы про нас.

— Семидесятые — это было время, когда казалось, что из Советского Союза можно сделать социалистические Соединенные Штаты, надо только найти способ вытащить интересных и сильных людей наверх. Была масса сильных людей! Но они все сидели по подвалам, другим неподходящим местам. По тюрьмам. А многие просто уехали... И еще плохо, что шестидесятники монополизировали традицию — стали посредниками между теми, кто был до них, и теми, кто после них. Они сидели на наследии и выдавали из него какие-то пережеванные порции. Мне повезло — я нашел обходные пути, нашел стариков, которые были и сильнее и умнее их. Историк Гефтер, например. Он из того же поколения, что и шестидесятники, но он и сам их не любил. А кроме того, шестидесятники создали культ шестидесятых. Были реальные шестидесятые и есть культ шестидесятых, так же, как есть Одесса и есть культ Одессы, который эксплуатирует бездарное «Джентльмен-шоу».

— Явлинский, по-моему, типичный шестидесятник, хотя достаточно молод.

— Явлинский и Чубайс — люди, испорченные шестидесятниками, культом Окуджавы. Шестидесятничество — это ведь такой либеральный масскульт.

— А что вы имеете против Чубайса?

— Я сам прошел через обольщение Чубайсом. Просто потому, что в русской политике мы постоянно искали сильного человека. Но на самом деле Чубайс представляет собой парадоксальный сплав — это такой сентиментальный робот. Железная конструкция, некоторые суставы которой сильно заржавели, а внутри есть комнатка, где горит лампадка у портрета Окуджавы и по стенкам развешены репродукции из «Огонька» эпохи гласности. И вот этот кажущийся внутренним ценностный импульс дает Чубайсу право действовать беспощадно. Но такая раздвоенность всегда мстит человеку, потому что там, где, как ему кажется, он реализует ценности, на самом деле действует наугад.

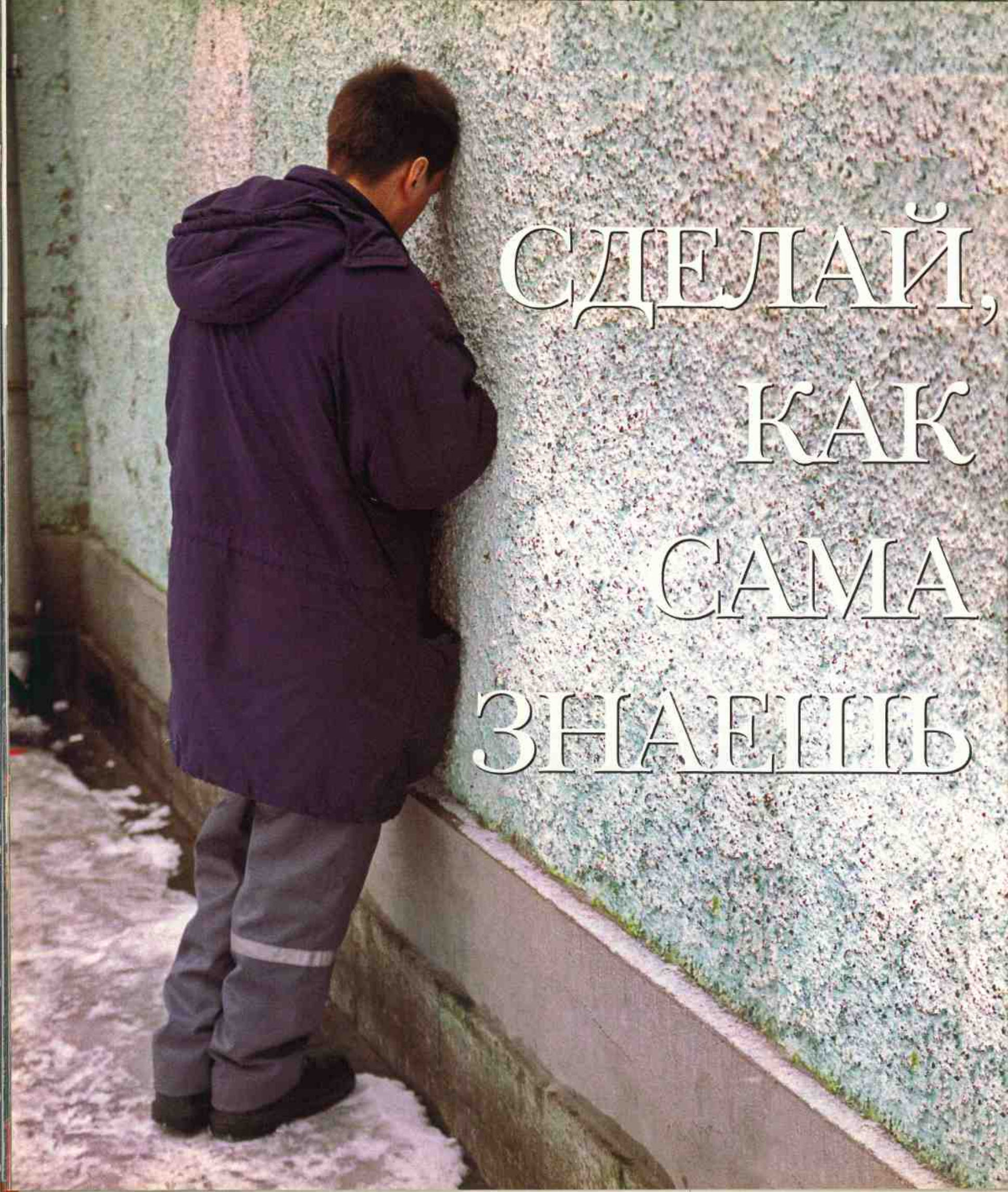
Внимая рассуждениям Павловского, я не мог не поинтересоваться, зачем же он слез с дивана, отринул свое интеллигентство и стал заниматься политическими консультациями. Ответ политтехнолога был небанален. Впрочем, учитывая, что Глеб Олегович окончил исторический факультет Одесского университета, вполне объясним.

— Для меня это просто способ практического занятия историей. Если считать, что история — это что-то такое, что происходит где-то помимо тебя, то тогда ты делегируешь кому-то занятия историей, а сам принимаешь последствия. Это опасная стратегия. Я предпочитаю сам, своими ручками.

Я перевел взгляд на руки Павловского, держащие в напряжении всю страну. В его умелых пальцах каталось большое деревянное яйцо.

— Я часто кручу яйца для успокоения нервов, — признался Глеб Олегович.

Я взял из блюдечка, стоявшего на столе политтехнолога, другое яйцо, поменьше. Понюхал. Яйцо не пахло сандалом, на что я рассчитывал, напротив, оно пахло потом множества когда-то тискавших его известных рук. Это был запах большой политики.

СДЕЛАЙ,
КАК
САМА
ЗНАЕШЬ

Дмитрий БЫКОВ

В атеистические времена было в Ленинграде место, куда уж подлинно не зарастала народная тропа, — сапожная мастерская близ Смоленского кладбища; рядом с мастерской тянулся длинный серый бетонный забор, вечно исписанный неведомыми ленинградцами и гостями города, но надписи на нем были отнюдь не похабного, а, напротив, самого благочестивого свойства. За забор швыряли записочки с просьбами, записочками этими зимой и летом была усеяна земля; вдоль забора тянулась огромная надпись:
«БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ! СДЕЛАЙ ТАК, ЧТОБЫ «ЗЕНИТ» ПОБЕДИЛ!»
И «Зенит» побеждал

Там, на Смоленском кладбище, обнесенная забором, скрытая от глаз людских, была могила блаженной Ксении Петербургской — одной из самых почитаемых и любимых русских святых. Канонизирована она была только в 1988 году, с началом настоящей перестройки, когда вообще сбывались почти все народные чаяния: обретали легальность народные любимцы, канонизировались народные святые. Но блаженную Ксению почитали и до канонизации. Три покровителя были у многострадальной второй столицы — Александр Невский, Иоанн Кронштадтский и она. Александр Невский покрови-

ской стороны и ярая ее патриотка, много знала о Ксении и собиралась писать о ней пьесу. Месяц спустя неразрешимая ситуация разрешилась — я никогда не посмел бы рассказать об этом, если бы не был уверен, что любое прославление имени Ксении Петербургской есть дело богоугодное. Пусть к тысячам свидетельств ее «скорой помощи» прибавится и мое.

Никто не знает ни даты ее рождения (приблизительно относимого к 1719 — 1730 годам), ни даты смерти (случившейся в самом начале XIX века). Известно только имя и отчество: Ксения Георгиевна. Она была женой полковника Андрея Фе-

тельствствовал государственным мужам и православному воинству, Иоанн Кронштадтский — духовным лицам и консерваторам. А Ксения Петербургская, прожившая всю жизнь на Петербургской стороне и на ней совершившая свой беспрецедентный сорокапятилетний подвиг, печется о бедноте, о мещанстве, о среднем и ниже среднего классах, о тех, для кого она была единственным воплощением живой веры. Она заступница нищих, надежда чиновничества, утешение вдов и сирот, покровительница кротких семей, душа окраинного Петербурга; к ней сбегались со всего города студентки, влюбленные, школьницы, страшившиеся экзаменов; к ней прибегали, молясь за больных детей, призывников, мужей. «Скорая помощница» — звали ее в Питере. И действительно, молящийся Ксении не успевал и домой прийти, как в жизни его наступал счастливый поворот.

Спасла она и меня, о чем я не преминул бы подробнее сказать, когда бы история эта касалась меня одного. Есть вещи, о которых можно рассказывать лишь одному человеку, единственно близкому. Был в моей жизни момент, когда казалось, что нет никакого выхода, тогда мой литературный учитель, замечательный петербургский поэт Нонна Слепакова, у которой я и узнал о Ксении, отвела меня в только что восстановленную часовню на Смоленском кладбище. Это неподалеку от станции метро «Приморская». Слепакова, поэт Петроград-

доровича Петрова, певчего при дворе Елизаветы Петровны, когда Ксении было 26 лет от роду, Андрея Федоровича постигла внезапная смерть без покаяния. Событие это настолько потрясло Ксению, что она тут же отказалась от собственной личности, всем знакомым говорила, что умерла раба Божия Ксения, а Андрей Петрович, напротив, жив и здоров. Тут же она оделась в одежду мужа (и проходила в ней еще несколько лет, а когда она истлела, никогда не надевала ничего, кроме красной юбки и зеленой кофты: цвета формы Преображенского полка). Дом свой Ксения Георгиевна, двадцатилетняя вдова, весь полностью отдала стоявшей у нее на квартире Параскеве Антоновой (о ней речь впереди), а все имущество раздала нищим. С тех пор откликалась она только на имя «Андрей Федорович»: так окликали ее все торговки Петербургской стороны, знавшие, что, если блаженная Ксения у кого отведает пирожка или яблочка, у того весь день торговля будет удачна. Милостыни она не просила, но принимала охотно (копейку называла «царем на коне» — на тогдашней копейке изображался всадник); впрочем, все деньги, которые ей подавали, Ксения тут же раздавала другим нищим. Удивительно при всем том, что апокрифы о Ксении Петербургской, которым в силу русской традиции положено быть максимально сусальными, не обходят таких эпизодов, которым в других житиях никогда не нашлось бы места: один

Юрий ФАЙНБЕРГ (фото)

раз уличные мальчишки довели ее своими насмешками, и она гонялась за ними с палкой; есть множество свидетельств о том, что она не любила возражений и всерьез сердилась, когда ее распоряжения не исполнялись. И дело тут не в одном юродстве, не в том, что русскому юродивому традиционно многое позволено — и палкой стукнуть собеседника при случае, и наорать на непонятливого, — но в том, что за Ксенией Петербургской с самого начала признавали некую власть, и не только духовную. Сорок пять лет она прожила полноправной хозяйкой Петербургской стороны — и другой хозяйки у этой местности быть не могло. Сильно подозреваю, что любить власть мы способны лишь в таком ее обличье и лишь у такой власти есть подлинно человеческое лицо.

Особенность Ксении Петербургской, исключительность ее не только в том, что это единственная канонизированная русская юродивая восемнадцатого века, не в том только, что само русское юродство приобрело в ее трактовке новый облик (почти никаких политических пророчеств, минимум эпатажа — часто юродивые имитировали буйное, агрессивное помешательство; да и о безумии — даже показном — в случае

тут же умерла в преждевременных родах. Ребенок, однако, был жив, и Антонова, пожалев мальчика, взяла его к себе. Его удалось выхаживать, но никаких сведений ни об отце, ни об имени и местожительстве матери получить не удалось. Мальчик так и вырос в бывшем доме Ксении, достиг больших чинов, оказался идеальным сыном. В другой раз Ксения сказала молодой девушке, в семье которой тоже любила бывать: «Сидишь тут, а на Охте твой муж жену хоронит!» В этом апокрифе все еще трогательнее: девушка, конечно, тут же побежала на Охту, увидела там молодого вдовца, лишившегося чувств на могиле жены, принялась за ним ухаживать и вскоре сделалась ему благочестивою супругою. Историй таких о Ксении рассказывают множество, и все они достоверны именно потому, что действуют в них какие-то бесконечно узнаваемые, удивительно петербургские персонажи: пожилые полковники, которых Ксения исцелила по их молитве; молочницы, няньки, которые вот не поверили докторам и побежали к Ксении за советом, — и от прикосновения блаженной или от земли с ее могилы дитя исцелилось. Земля эта пользовалась таким спросом, что насыпь над могилой

всегда прагматичном. Нет веры без чуда, нет чудотворения без живых, материальных свидетельств — яблочек, которые Ксения подержала в руках и отдала детям, или копеечки, которую она подарила одной женщине, а у нее после того дом спасли от пожара (тут-то она и вспомнила, что Ксения, давая денежку, говорила: «Возьми, потухнет»). Было множество псевдоюродивых вроде Ивана Яковлевича Корейши с его темными, безумными предсказаниями и отвратительными манерами; было и целителей без числа — одни давали сосать свой язык, другие исцеляли наложением рук, — но Ксения, обладая всеми внешними атрибутами народной святой, являла при этом пример неутомимого подвижничества. Попробуйте представить любого самозваного целителя раздетым, или нищим, или, паче того, таскающим на леса изгнанных! В лице Ксении простой, полунищий, служилый Петербург, голодающие и холодающие «бедные люди», деловитые, расторопные, пугливые и ворчливые, получили ту единственную святую, которую могли принять и понять. Ксению Петербургскую не просят о богатстве. Ксению просят о помощи в судебной тяжбе, где на стороне противника деньги и влияние, но не правда; Ксению просят о счастливом замужестве, о получении работы и.. о том, чтобы выпирал «Зенит».

Андрей Кураев не так давно совершенно справедливо писал о том, что даже в жизнеописаниях недавно канонизированных святых (например, блаженной Матроны — русской юродивой XX века) случаются не просто языческие, но и совершенно оккультные мотивы. Что поделать, чудо все еще востребовано (и, может быть, больше, чем когда-либо). Церкви в этом случае не позавидуешь — привлекать прихожан надо, надо и конкурировать с оккультистами, сектантами, знахарями, богоискателями-самоучками. Поразительно в этом смысле то, на какой тонкой грани удерживается легенда о Ксении (верный признак того, что за легендой этой стоит что-то большее, чем бытовая правда): в истории этой юродивой практически отсутствует мотив незащищенного, случайного, дарового чуда. У всякого святого свой почерк — это скажет любой, кто обращался к святым за помощью; в чудесах Ксении, собственно, нет ничего чудесного. Счастье лежит под ногами — пойд и возьми; знай только, куда пойти. Все чудотворные деяния Ксении Петербургской строги и будничны, как пейзаж Петербургской стороны; мало есть на свете мест, так прочно и необъяснимо привязывающих к себе. Нынешняя Петроградская, пожалуй, несмотря даже на новую станцию метро «Чкаловское» и открытую наконец для проезда Зеленину, являет собою зрелище глубокого, почти безнадежного запустения, но, странное дело, ее и не хочешь видеть другой. Нет на свете более достоверского места, и эти полуразвалившиеся дома (либо пустые, расселенные их коробки с выбитыми стеклами), эти деревья, прорастающие на карнизах, этот чахнувший модерн, преобладающие серо-зелено-бурые тона, бездействующие фабрики, тихие магазины — все вместе идеально оправдывает название этого традиционно полунищего, чинавиного и литературского района: вот Петроград, другого нет. Ни Невский с его витринами, ни желтизна правительственных зданий, ни звон ледохода на торжественной реке не дадут вам столь полного и точного представления о том, из чего выросла русская история и русская литература последних двухсот лет. И святая у этой местности может быть только такая — строгая, суровая, скромная, тихая, в одежде двух тонов — зеленой и бурой, как питерские дома. Она и дает этим людям их жалкое, а все-таки великое счастье, убогий, утлый уют бедной семье, выздоровление золотушного ребенка, счастливое его устройство в кадетский корпус.

Ксения Петербургская перебрасывает и еще один мост в нашем сознании (в сознании обывательском, имею я в виду, не отделяя и себя от этих обывателей): мост между живыми и мертвыми. Основным местом ее обитания было Смоленское кладбище и прилегающие к нему улицы, и чудеса свои она нередко совершала, как читатель уже видел, на кладбищах: там найдет мать для ребенка, там — жену для вдовца. Не то чтобы она, умершая еще при жизни, уравнивала жизнь и смерть, нет, она просто приручала ее, так я это понимаю.

Ксении говорить невозможно. Когда она раздала все имущество — свое и покойного мужа, — родные потребовали ее медицинское освидетельствования, но на все вопросы она отвечала разумно и ясно, и в последующем ее поведении не было никаких особенных странностей, кроме уже упомянутого требования называть ее Андреем Петровичем, только Андреем Петровичем. Главное же отличие Ксении в том, что основным ее занятием, помимо непрестанной молитвы, было устройство чужого семейного счастья. Говорили, что и сама она в браке была очень счастлива, пока в двадцать шесть лет не овдовела. Ксения Петербургская непрестанно занималась тем, что устраивала личную жизнь обитателей Петербургской стороны, и сегодня к ней чаще всего прибегают именно за помощью в делах семейных. Сохранилось множество преданий о ее помощи — самое интересное выглядит так. Та самая Параскева Антонова, которой Ксения отпустила весь свой дом, принимала ее часто и с особенным радушием, тут все понятно. Однажды Ксения, забредя в гости, сказала ей сурово: «Сидишь тут чулки штопаешь, а того не знаешь. (обычная, кстати, у нее формула: сидишь тут пироги печешь, а того не знаешь.) Тебе Господь сына послал, беги скорей на Смоленское кладбище!» При всей странности слов блаженной Антонова привыкла ее слушаться и побежала на Смоленское: там извозчик сбил беременную женщину, которая

Ксении разнесли за одну ночь, насыпали новую — и новую разнесли, так и растаскивали, пока не построили часовню.

Но рассказ о Ксении (в обывательских пересказах слишком часто сводящийся к описанию ее помощи в делах семейных, учебных и служебных) был бы убог и неполон без того, что составляло главное содержание ее жизни: она никогда не молилась на людях и только ночью, выйдя за город, в поля (поклонницы подсмотрели), неустанно клала поклоны, молясь до самого утра. Особенно трогательно предание, с помощью которого, кстати, можно установить хоть какие-то даты ее жизни: она была еще жива в 1796 году, когда на Смоленском строилась новая каменная церковь, церковь Смоленской Божьей Матери. На леса этой церкви Ксения по ночам втаскивала кирпичи, чтобы рабочие, придя утром, могли сразу заниматься кладкой. Рабочие-то, оставшись на ночь на строительстве, ее и выследили — им очень интересно было, кто незримо помогает возводить храм.

Исключительность блаженной Ксении видится мне еще и в том, что — опять-таки в отличие от бесчисленных лже-святых и квазиюродивых — она словно перекидывает мост между подлинным, аскетическим христианством и бесчисленными темными суевериями языческого свойства: сильно подозреваю, что Россия способна воспринимать святость лишь в таком обличье, одновременно юродивом и при этом

Кладбище переставало быть чем-то страшным, загробная жизнь — путающей: ночью, среди могил, ей не страшно было носить кирпичи на строительство церкви, не страшно было бродить среди могил. Это тоже очень русское: посещение кладбища в России — почти обыкновенное и вполне практическое дело: выпить, закусить, подравнять, прополоть, покрасить. Живые и мертвые — одна семья, и вот эту-то семейственность (которую так часто называют неприятным словом «соборность») олицетворяет блаженная Ксения. Все равны, все тут ее подопечные — полковники в отставке и чиновники, няньки и дети, живые и мертвые. Вот где чудо, в этой поразительной органике всеобщего родства. Святой ведь играет не только ту общеизвестную роль, о которой столько написано: являет пример строгой жизни, напоминает о Боге. Он еще и консолидирует нацию. Один — как полководец, другой — как проповедник, третий — как грозный вождь. Ксения Петербургская объединяет людей как строгая и правдивая мать небогатого и крикливого семейства. Думаю, для тех, кто составляет большинство российского населения, это оптимальный вариант национальной святыни.

После революции часовню Ксении обнесли бетонным забором, рядом, как уже было сказано, выстроили сапожную мастерскую, но имя ее из памяти горожан изгладиться не могло: ее заступничества просили и в блокаду, и в первые послевоенные годы, когда Питеру досталось больше, чем прочим русским городам, потому что и гордости, и свободы-мысли у него было поболее, чем у прочих. После перестройки часовню восстановили, забор снесли, и в день Преподобной Ксении, празднуемый 6 февраля, на Смоленское кладбище стекается, почитай, полгорода. Да и в другие дни часовня святой блаженной Ксении полна народом, — те, кому не хватило места, молятся снаружи. Придумали уже, что для исполнения желаний надо обойти трижды вокруг часовни — это уж, по-моему, полное язычество. Надо, мне кажется, просто постоять, попросить и повторить обычную формулу, с которой к Ксении приходили за помощью: «Сделай, как сама знаешь». Она знает.

Всех, кто пишет о русских православных святых, иногда предостерегают: чудеса творит Бог, святые выполняют лишь роль предстоятелей, заступников. Но есть предстоятели, чья молитва больше весит на Божьих весах. Я знал людей, для которых вопрос о бытии Божьем так и оставался на всю жизнь открытым. Не худшие люди, прямо скажем. Я даже боюсь, что чрезмерная уверенность при ответе на этот вопрос — ответе как положительном, так и отрицательном — не обязательно выдает тупость или святость, а чаще всего свидетельствует лишь о некоторой душевной неразвитости. Кто не сомневался — тот не верил. Так вот, именно эти сомневающиеся часто сходились в одном: в неизменной любви, с которой они произносили имя Ксении Петербургской. Не потому, что она снискала славу скорой помощницы, а потому, что более русского, более обаятельного явления в российской жизни последних трехсот лет, пожалуй, и не было.

О том, есть Бог или нет, все мы рано или поздно узнаем. Но в существовании святых вряд ли кто усомнится.

Святая блаженная мати наша Ксения, моли Бога о нас. В частности не вдаюсь. Сделай, как сама знаешь.

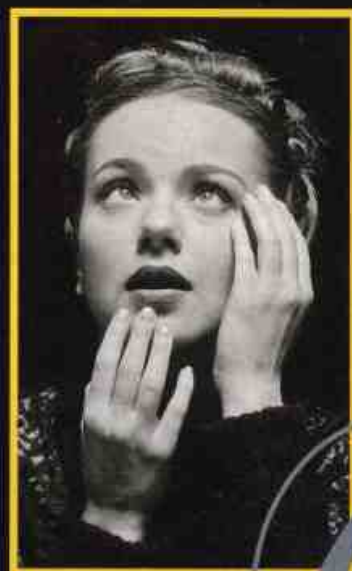

Фото
Виктора ГОРЯЧЕВА

Тарантино В Юбке

Ольга Будина недолго была блондинкой — лишь во время съемок телесериала Александра Митты «Граница. Таежный роман». После этого актриса вернула волосам свой природный цвет — русый, но ее все равно узнают на улице. В свои 25 лет Будина успела сняться в десяти фильмах. Еще студенткой Щукинского училища она сыграла великую княжну Анастасию Николаевну в картине Глеба Панфилова «Романовы — Венценосная Семья», но фильм пока не вышел на экраны. Зато одна из последних кинолент — «Дневник его жены» Алексея Учителя, где Ольга играет возлюбленную Бунина поэтессу Галину Кузнецову, — выдвинута от России на соискание премии «Оскар». Неплохо для начинающей актрисы? Даже

слишком, если учесть, что Будина сделала себя сама. Она не принадлежит к киношной или театральной династии: мама — бухгалтер, папа — строитель. У нее нет богатого дядюшки в Америке. Она пока не обзавелась состоятельным мужем или влиятельными друзьями, снимает квартиру и действует так, как считает нужным, а не так, как принято. Она легко отказывается от ролей, если они ей не нравятся, с удовольствием уплетает печеную картошку посреди Пушкинской площади и останавливается вдруг на Тверской с воплем: «Вот! Вот здесь мы стояли в новогоднюю ночь, потому что ближе к Красной площади было не пройти!» И я останавливаюсь вместе с ней и прикидываю, сколько это — до той звезды...

У С П Е Х

— Ольга, как родители отнеслись к твоему выбору?

— Сейчас-то они мною гордятся! Самое смешное, что недавно у меня попросил автограф папа. Я говорю: «Пап, ты что, с ума сошел?» А он мне: «Да понимаешь, мне на работе не верят, что ты моя дочь!»

У меня всегда были очень странные отношения с отцом. Он говорил мне, что не нужно никуда рваться! Ты вот готовишь еду, подметаешь пол, моешь посуду — вот и делай это! Такова женская доля, говорил мне папа. И может быть, это сыграло главную роль: во мне включилось очень мощное противодействие. В детстве я была чрезмерно честолобива. И когда отец говорил: это все бессмысленно, не нужно и вообще блажь, я думала: посмотрим, у кого блажь! Я думаю, что сейчас отец, прочитав это, страшно удивится. Потому что сейчас он на самом деле дико гордится мной. Но... я-то все помню!

А мама, после того, как я поступила и она увидела мой первый показ, сказала: «Теперь, что бы ты ни сделала, ты всегда будешь права». Она говорит: «Не думай ни о чем, не оглядывайся назад. Ты права. Ты права, что нас не послушала, что так изменила свою жизнь...» — и т.д. Я для моей мамы, как Тарантино в Голливуде, который может теперь снять все, что угодно, и будет прав. И это для меня очень мощный внутренний тыл. Потому что во мне всегда много всяких сомнений: правильно — не правильно, нужно — не нужно, зачем это нужно. И когда мама говорит: все, что ты сделаешь, правильно, то сразу приходит решение: а сделаю-ка я вот так, и будь что будет! И почти вся жизнь моя такая — будь что будет! А вот захотелось мне так!

— Ты говоришь, что не послушала родителей?

— Ну да. Мама с папой мне говорили: не иди туда, тебя не возьмут, потому что туда можно попасть только тремя способами... не будем говорить, какими! И после школы родители же меня не пускали в театральный! Год я просуществовала в таком безвоздушном пространстве — мне казалось, что я просто физически умираю. Мне стало неинтересно жить, меня ничто не радовало, и я действительно стала всем подряд заболеть. И я поняла, что спасение может быть только одно: я должна непременно учиться в творческом вузе.

Я окончила музыкальную школу по классу аккордеона. Собираясь поступать в Гнесинку на вокал. И в перерыве между занятиями с педагогом я проходила мимо Щукинского училища. Там был такой уютный дворик. И, помню, 6 июня был первый экзамен в Гнесинском и первый тур в Щукинском. Нужно было выбирать. В Гнесинке

Съемки «Границы» были очень тяжелыми.
Восемь серий за два месяца

я занималась с педагогами, они меня любили, и я понимала, что поступлю, прочтешь четыре года, пойду в институт — и все со мной было, в общем-то, ясно. А с театральным училищем я не понимала ничего: что это такое, с чем его едят — и пошла туда!

— В тайне от папы с мамой?

— Ага. Они узнали только тогда, когда я уже поступила. И это единственный экзамен в жизни, который я сдала на пять.

— Ну хорошо — поступила, учишься. Но сейчас масса молодых талантливых актрис, которых никто не знает, которые нигде не снимаются.

— Почему меня утверждали на роли, я точно не знаю. Я не из актерской семьи, у меня не было никаких связей. Поэтому, когда я шла на встречу с Глебом Панфиловым, режиссером, который снимал «Начало», «В огне брода нет» и т.д., я думала: да мне хотя бы просто посмотреть на него! Поздороваться — и достаточно! Но меня брали и утверждали. Я не могу сказать, что делала для этого что-то особенное: я не стояла на тренажерах, не соблюдала диету, никогда никому не совала свои фотографии. Наверное, мне везет. Просто стечение обстоятельств. Когда Глеб Анатольевич смотрел всех девушек Москвы и Московской области на роли царских дочерей, меня в том списке не было. Вдруг случайно моя однокурсница, которая поняла, что она не годится для роли, сказала обо мне. И эта работа состоялась! Так же и с другими работами — все они получались случайно.

— Как тебя воспринимают режиссеры?

— Один режиссер мне говорил: ты зачем играешь героиню? Какая же ты героиня? Ты вообще не героиня — ты настоящая характерная актриса! Тебе не нужно играть никакую драму! И он меня использует, допустим, как характерную актрису. Другой говорил: зачем ты опускаешься? Это пусть старухи играют характер. Ты — героиня! Героиня нашего време-

ни. И мне интересно только то, о чем ты думаешь, как ты это видишь. А про характер вообще забудь! А третий говорил: ничего подобного, ты настоящая изюженка. И все будет хорошо. И всегда получалось хорошо.

— А сама себя кем считаешь?

— Я считаю себя героиней своей жизни! Ну, не знаю. Не знаю вообще, почему я актриса. Но то пространство, в котором я живу, — мое.

— Есть ли женщины-актрисы, на которых тебе бы хотелось походить?

— Если ты имеешь в виду кумиров, то их у меня нет. Но есть актеры, которые мне нравятся. Я разделяю точку зрения, что наши актрисы самые лучшие в мире! Они и красавицы, и умницы, и с дарованием. У нас человек без дарования не мог стать известным. Да и сейчас-то у нас нет системы формирования звезд. Марлен Дитрих писала, что создание звезды требует огромных капиталовложений. В нашей стране это было нереально, и звезды создавали себя сами: Гундарева, Симонова, Коренева, Мордюкова — и еще есть очень много обожаемых мною русских актрис, которые сейчас оказались невостребованы, причем совершенно несправедливо! Они и есть современные, я считаю, женщины! Они соединяют в себе две эпохи. Да, я больше героиня нового времени. Но они тоже мои современницы! И то, как они выживают в этом, и как они держатся. У них же не было этих дорогих визажистов, масок и косметики. Всю жизнь все красились этой ленинградской тушью, на которую плюнул и размазал зубной щеткой! Всегда же умели красиво одеваться за три копейки!

— Так почему же они сейчас оказались не у дел?

— Я не продюсер и не режиссер — я не знаю этого! Может быть, оттого, что пришла молодая плеяда продюсеров и режиссеров, особенно продюсеров телеканалов, которые ведут свою политику. Ну и что — вот снялся «Бунин». Ну написали о нем толстые журналы, ну выставили он на «Оскар», но народ-то его не знает! И наверное, никогда не узнает, потому что это как бы кино не для всех. А после «Границы», когда сняли восемь серий за два месяца и тут же показали их по ОРТ, я сразу стала знаменитой!

— Ты смотришь сериалы?

— Ты что! Нет, конечно. И не буду, наверное, никогда смотреть. Это не мое. Это все равно, что познакомился с человеком, но понимаешь, что он тебе не близок, и ты с ним никогда дружить не будешь. Но он же не станет от этого плохим человеком. Просто у нас разные интересы. То же самое и с сериалами: это хорошо, но это не мое.

— Однако ты снялась в четырех сериалах. Не боишься, что в отношении тебя может возникнуть штамп «актрисы сериалов»?

— Нет, не боюсь. Как он может возникнуть?! У меня, кроме четырех сериалов, уже есть шесть художественных фильмов. А все мои сериалы были потому, что мне хотелось это делать и все роли были для меня интересны.

— Что изменилось в твоей жизни после того, как к тебе пришла известность?

— Ничего. Кроме того, что я не могу теперь запросто сходить в магазин. Я всегда стала готова к тому, что кто-то подойдет из-за угла и спросит: «А не вы ли снимались в фильме...» — или попросит автограф. Появились какие-то фанатки, причем девочки тинейджерского возраста, откуда-то достают мой телефон, звонят и говорят, что в обиду меня не дадут. От кого защитят, правда, не понятно. Я думаю, что скоро это пройдет, и я заживу более спокойно.

Во мне сейчас происходят большие внутренние изменения, не связанные с известностью. Эти переживания длятся уже около года, но особенно остро в последний месяц. Я очень много работала, работала, работала, были очень тяжелые съемки «Границы»... И в сентябре настал какой-то пик — я решила остановиться и отдохнуть. И уже четыре месяца я отказываюсь сниматься. Во мне сейчас идет какая-то переоценка ценностей. Я собираю некоторые из разбросанных мною камней.

— Ты спокойно относишься к этому своему периоду?

— Я отношусь к этому даже с некоторым ощущением счастья. Я слишком много делала «через себя», подчиняясь простому слову «надо». Сейчас я стала больше любить себя, что ли, больше прислушиваться к своим мыслям, к своему настроению. И я поставила перед собой задачу: быть всегда в хорошем настроении. Не делать вид, а быть.

— И как? Получается?

— На самом деле больше получается, чем нет.

— И все-таки в наше время, когда все до нас уже сказано, все пережито, мне кажется, что людей довольно сложно чем-то удивить или чем-то им запомниться. Тебе это удалось. Скажи, что нужно, чтобы прорваться?

— Не знаю. Я ничего для этого специально не делала! Совсем! ■

Наталья ДОРОШЕВА

«Мария Монро — плохая актриса»

Ольга ЛУНЬКОВА

— Вот, пожалуйста, угощайтесь «Черносливом в шоколаде», — Глеб Анатольевич Скороходов снимает хрустящую обертку с коробки. — Я их не случайно вам предлагаю попробовать. Ведь это любимые конфеты Клавдии Ивановны Шульженко. Но их в магазинах не было, и Клавдия Ивановна ездила на кондитерскую фабрику.

— Специально, чтобы ее одарили конфетами?

— Нет, ну что вы! Я спрашиваю: «Ну как, Клавдия Ивановна?» Она говорит: «Глеб Анатольевич, конечно, я им концерт дала». То есть, чтобы пользоваться блатом, Шульженко, народная артистка СССР, пела одно отделение — называлось это «рабочий полдень». Концерт давал ей возможность купить за свои деньги обожаемый «Чернослив в шоколаде». Представляете?

Клавдия Ивановна была человеком очень образованным. Она регулярно читала «Новый мир», кроме того, для души читала в подлиннике французскую классику, а над песней работала по меньшей мере месяц. А потом уже, как она говорила, можно «крестить» песню, то есть исполнить ее зрителям. Она так и говорила: «сегодня у меня крещение».

— Я слышала, что во время Великой Отечественной войны, спускаясь в бомбоубежище, Шульженко всегда брала с собой шкатулочку с французскими духами. Это правда?

— Вполне возможно, хотя я такой информацией не располагаю, но зная ее характер — возможно. Как-то перед выступлением на передовой Клавдия Ивановна прошла от Литейного по всему Невскому проспекту к Петропавловской крепости, где был ее дом, чтобы взять два концертных платья. Потому что солдаты просили ее выступить не в гимнастерке, а «как до войны», — в красивом платье. Возвращаясь, Клавдия Ивановна попала под бомбежку и лежала на мосту, прикрывая своим телом чемодан с нарядами. Она потом говорила: «Какая дура! Ведь надо было прикрывать себя чемоданом, а я наоборот, платья жалела». Женщина до мозга костей! И от Клавдии Ивановны я запомнил один завет. У нее было изумительное столовое серебро, я впервые в жизни от нее услышал слово «Фраже» — это фирма, которая делала потрясающие столовые приборы из серебра: вилки с тяжелыми ручками, увитые виноградной лозой, ложки, ножи. И кто бы ни приходил, вот даже я пришел, мы вдвоем с Клавдией Ивановной садимся за стол, и она говорит домра-

ботнице: «Шура, «Фраже» подайте». Я попытался возразить, зачем, ведь мы сидим так, по-простому. На что Шульженко резонно заметила: «Не мы существуем для вещей, а вещи для нас!» Кто бы ни приходил: ели на «кузнецовском» фарфоре и только «Фраже», пили из хрусталя. Не знаю, может быть, вдвоем на кухне они с Шурой пользовались и вилками из «нержавейки», но кто бы ни приходил в дом — на стол подавалось все самое лучшее. Это говорит не только о хлебосольстве, но и о большом вкусе Клавдии Ивановны.

— Для того чтобы поверили в подлинность рассказа, нужны детали.

— Это точно! Это я вам только что подсказал! Детали — как гарнир к мясу.

Когда я веду занятия во ВГИКе, всегда стараюсь показать студентам, насколько убедительно действует деталь. Я очень люблю Москву, ее историю, Петровский парк. Знаете где это? Никто не знает! Это в районе гостиницы «Советская», в которой когда-то размещалась студия «Межрабпомфильм», там были сняты отечественные шедевры: «Азита», «Процесс о трех миллионах» и другие. Так вот, вырубил половину Петровского парка и стали строить стадион «Динамо». Это было в 1928 году, когда меня принимали в пионеры. Нас, человек тридцать, выстроили в шеренгу на только что построенной Северной трибуне, а галстуки нам повязывал Владимир Владимирович Маяковский. Маяковский все время курил, не вынимая изо рта папиросу. Кажется, «Нашу марку» он курил. И вот Маяковский наклонился ко мне, чтобы повязать галстук, и едкий папиросный дым попал мне в глаз. По щеке покатилась скупая слеза. А Владимир Владимирович похлопал меня по плечу: «Мальчик, ты теперь пионер, плакать нельзя!»

Так вот, я рассказал эту историю во ВГИКе, и тогда никто из моих студентов не сообразил, что это фантазия. Мог ли я в 1928 году быть принятым в пионеры? А студенты поверили. Потому что я украсил рассказ деталями, а детали всегда убеждают.

А на телевидение я попал благодаря одному своему бывшему студенту Алексею Гиганову. Он привел меня на АТВ, познакомил с Кирой Прошутинской и Анатолием Малюковым. Для начала я написал два сценария: Леонид Утесов и Марика Рекк. Кира посмотрела, сделала небольшие замечания и доверила начать съемку двух программ. Мне, человеку, который пришел со стороны! И у нас сложилась за-

мечательная бригада — Кира Прошутинская, режиссер Елена Смелая, оператор Марк Глейхенгауз, директор Наташа Астахова.

— А как вы выискивали детали из жизни Марики Рекк, ведь другая страна?

— Дело в том, что Марика Рекк — одна из моих любимых актрис. Я в нее влюбился, когда в конце 40-х годов в Москве в кинотеатре «Ударник» показали трофейную картину «Девушка моей мечты». Работая над сценарием, я перечитал массу материалов о Марике Рекк, сам переводил с немецкого (благо я им неплохо владел), расспрашивал друзей, работавших в Германии. Я узнал, что фильм «Девушка моей мечты» вышел на экраны Германии в 1944 году, когда немцам уже было не до «кина». Еще узнал, что фильм снимался в Праге. И вот как все цепляется в моих поисках — когда я рассказывал Любови Петровне Орловой о Марике Рекк, она спросила: «А вы знаете, что в кинофильме «Весна» я отбиваю чечетку на том же самом полу, что и Марика Рекк в «Девушке моей мечты»? Я изумился. Оказывается, фильм «Весна» тоже снимали в Праге, и, когда съемочная группа Григория Александрова приехала туда, в павильоне еще были декорации «Девушки моей мечты».

Мальчишкой-школьником я стоял в гигантской очереди, тянувшейся от «Ударника» до Каменного моста. В ту пору в одной из газет была разгромная статья, которая называлась «Девушка не нашей мечты». Кстати, само название фильма переведено не совсем правильно, дословно — «Женщина моих грез». И ведь Марика Рекк совсем не претендует на девушку, она роскошная женщина «моих грез».

— Глеб Анатольевич, хочу спросить про Любовь Петровну Орлову — я слышала, что она была женщина стержневая, а у вас в передаче она ангел небесный.

— Я не приукрасил, она такой была на самом деле. Она была человеком редкой внутренней культуры, великолепно знала французский язык и очень сдержанна в общении. А Фаина Георгиевна Раневская ее называла «буржуазкой».

— В каком смысле?

— Любовь Петровна всю жизнь скрывала свое дворянское происхождение, и уже только поэтому ей приходилось быть замкнутым человеком. Я несколько раз приходил к ней на квартиру в доме на Большой Бронной улице, где сейчас висит мемориальная доска и где находится Макдоналдс, а раньше там было популярное кафе «Лира», и Любовь Пе-

Ведущий телепередачи «В поисках утраченного»
 Глеб СКОРОХОДОВ (кстати, единственный из телеведущих
 удостоенный звания «Заслуженный деятель искусств России») *знает об актерах гораздо больше, чем говорит по телевизору*

И сволоочь!»

тровна всегда очень любезно, очень радушно принимала. Другое дело, что о каких-то вещах она со мной не говорила.

— То есть вы пытались о чем-то спрашивать, а она тут же закрывала тему?

— Да. Она обычно говорила: «Это не интересно».

— А какие темы были запретными?

— О родителях. Например, в разговоре со мной она обмолвилась, что когда-то с родителями жила в этом районе. Я тут же подхватил тему: «Любовь Петровна, а кем были ваши родители?» — «Они никакого отношения к кино не имели», — резко ответила она. Все, тема закрыта.

Я несколько раз ездил на выступления вместе с Любовью Петровной. Однажды ей за выступление недоплатили, и она написала заявление: «Вы мне заплатили 15 рублей, а ведь Народной артистке СССР полагается еще 750 — пятьдесят процентов за мастерство. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы мне выплатили эту разницу».

— Ой, да неужели для Любови Петровны Орловой 750 — деньги?

— Поверьте, что да. Она в это время не снималась, немного работала в театре. Она была очень пунктуальным человеком. И зря говорят, что архив ее не сохранился. Гриша, внук Александрова, все сохранил. Орлова не выбрасывала даже квитанции — где когда выступала и сколько ей за это заплатили.

— Зачем, тогда же не было налоговой полиции?

— В какой-то статье, после того, как она оказалась куда-то в тмугаракань ехать, появилась статья, что Орлова гребет деньги лопатой и за свое выступление «ломит» баснословные суммы. В ответ Любовь Петровна продемонстрировала квитанции: сколько и где и за что ей платили. «Никогда чужих денег в руки не брала, — обиделась она. — Я получаю свою ставку, и не больше». Может быть, из-за того, что никогда «не больше», она и считала, что не стоит терять того, что ей положено. Бережливость — это ее психология.

Об Орловой ходило много легенд. И прежде всего о ее возрасте. Сама Любовь Петровна свой возраст никогда не афишировала. Помню, как Фаина Георгиевна Раневская сетовала: «Одна я такая идиотка. Когда впервые выдавали паспорта и можно было назвать любой год рождения — документов никто не спрашивал, скостила себе только три года, что провела на «курортах»! А Любочка — сразу десять!»

— Орлова с Раневской часто вздорили, распускали друг о друге слухи-небылицы?

— Никогда! Они очень дружили. У Фаины Георгиевны характер был еще тот! Но к Орловой она очень трогательно относилась. Они познакомились на «Мосфильме», когда Раневская снималась в «Пышке» — это ее первый фильм. Орлова тоже появилась на «Мосфильме», это было еще до «Веселых ребят». Она была в ту пору очень хороша собой. Фаина Георгиевна рассказывала, как Орлова тогда у нее спросила совета: «Как мне быть: навсегда уйти из театра и ехать на съемки фильма «Веселые ребята» или остаться в театре?» Раневская ответила не раздумывая: «Снимайтесь в кино, пусть как можно больше людей увидят, какая вы роскошная. Вас будут боготворить!» Орлова воскликнула: «Спасибо, вы моя добрая фея!» Раневская поправила: «Скорее, уж я добрый фея».

Однажды Любовь Петровна мне показала рисунок Раневской — она очень любила рисовать, — сделанный во время съемок картины «Весна». Раневская изобразила себя в валенках, шапке-ушанке, в варежках (тогда на «Мосфильме» стоял ужасный холод), а рядом стоит Любовь Петровна в шубке. Фаина Георгиевна подписала что-то такое типа: «Хороша «Весна»! Как мы мерзли, когда снимали этот фильм». А внизу: «Все равно я вас люблю. Ваш добрый Фея — Ф. Раневская».

— Глеб Анатольевич, а все же, если вы не были лично знакомы с персонажем своей передачи, где берете «детали»?

— Да, про детали. У меня каждый герой, вернее героиня (как-то больше про героинь получается), — это исследование. Вот сейчас я работаю над сценарием передачи про Аллу Константиновну Тарасову. Если пользоваться опубликованными материалами, то складывается образ истинной сталинки, монументальной женщины. Но, изучая ее биографию, я начинаю понимать, что не от гордости она ограничивала круг знакомых. Она ни в одной анкете не упоминала брата, который был начальником контрразведки у Деникина. Не упомянула, что поддерживает связь с сестрой. Алла Константиновна, как правило, писала про сестру: «живет за границей, никогда не виделись, и жива ли она — не знаю». Я смотрел анкету. А потом выясню, что ее сестра была женой командира «Дикой дивизии» белой армии. И она никогда не упоминала о том, что ее бабушка по материнской линии — польская княгиня. Вот ответ на ваш вопрос. Никогда я не был знаком с Аллой Константиновной, но когда начинаешь копать...

Очень важно найти связи, узнать, есть ли родственники, семейные архивы, знакомые, друзья. Или вот еще в этом году у меня будет передача о том, как создавался знаменитый фильм Александрова «Цирк». Ужасно интересно. В нем участвовали Ильф и Петров, репризы писал Бабель. Этого никто не знает. Так вот, я собираю материал по Тарасовой, и мне говорят, что про нее много рассказать может жена Павла Массальского. Массальский умер, а они с Аллой Константиновной очень дружили. Я звоню вдове, говорю про Тарасову, и в какой-то момент у нас зашел разговор о «Цирке». Она воскликнула: «Ну как же! Я была ассистентом режиссера на этой картине. И именно тогда, прямо на съемочной площадке, увела Пашу. Мне он так понравился! А до этого у него была другая семья». Вот так иду по цепочке.

— Глеб Анатольевич, а правда ли, что вы переписывались с Диной Дурбин?

— Правда. Я и сейчас с ней переписываюсь. Она жива-здоровая. У меня хранится целая папка ее писем. Могу показать.

— А с чего вдруг вы написали ей письмо?

— Когда я должен был читать лекцию о Дине Дурбин, мне сказали, что у меня будет выступать актриса. Я удивился: «Сама Дина Дурбин?» — спрашиваю. «Нет, — говорят, — Смирнова. Она была на премьере фильма «Сто мужчин и одна девушка», и у нее вообще очень много впечатлений связано с Диной Дурбин». Так я познакомился с Лидией Николаевной Смирновой, которая про каждого моего героя знает массу историй. Спрашивает как-то: «Глеб, кто у тебя следующий?» Я говорю, что Тарасова. «О! — восклицает Смирнова. — Я тебе расскажу! Ты знаешь, когда снимались «Без вины виноватые» была страшная холодная. На «Мосфильме» ничего не работало, это 1944 год, только вернулись из эвакуации. Тарасова в своем роскошном туалете снималась в валенках». Я потом нашел подтверждение этому в архивах. Смирнова может о каждом порассказать.

— Давайте все же вернемся к Дине Дурбин.

— Я работал в ДЗЗ — Дом звукозаписи, — брал интервью у авторов, отрывки из чьих произведений читали на радио. С Шукшиным беседовал. Договорились мы с Василием Макаровичем. Он не позволял, чтобы его Васей называли, только по имени-отчеству. В этот раз по радио должен был прозвучать отрывок из его романа «Любовины». Мы договорились о встрече, и перед тем, как ему прийти в студию, раздастся телефонный звонок: «Я жена, меня зовут Лида Шукшина. Пожалуйста, выпишите мне пропуск, мне очень надо там присутствовать». Я немножко удивился, но она настаивала. Пришла, села в аппаратной, а после передачи подошла ко мне. «Не удивляйтесь, — говорит, — я пришла, чтобы не пустить Васю в ЦДЛ. А то выйдя от вас, перейдет улицу и на весь день выйдет из строя». Так вот, работая в ДЗЗ, я писал аннотации к пластинкам. В том числе написал аннотацию к пластинке Дины Дурбин, которая называлась так же, как известный фильм «Сестра его дворецкого». И вдруг после выхода пластинки на студию «Мелодия» приходит письмо. Секретарша мне говорит: «Глебушка, тебе письмо от Дины Дурбин». Дина Дурбин писала приблизительно так: «Уважаемый, — мне перевели, потому что я английским не владею, — я приятно удивлена, что в вашей стране помнят меня. Скажите, были ли когда-нибудь у вас в прокате мои картины, шли они дублированные или просто с переводом, как поступали с песнями», и еще много вопросов. Я подробно ей ответил. В общем, у нас пошла переписка. И в каждом письме она присылала свою фотографию.

— А вы ей свою послали?

— Послал. А знаете, я ведь когда-то увидел Дину Дурбин на коробке конфет. Наверное, классе в седьмом за какие-то успехи родители подарили мне коробку конфет, на которой была изображена Дина Дурбин с поленом под мышкой. Я долго хранил эту коробку: Дина потом написала мне, что на самом деле это не полено, а фрагмент мостика, на котором она стоит, облокотившись о перила.

Он делает передачи только о любимых женщинах. Одна из них — Фаина Раневская. «Я его усыновила, а он меня — уматерил», — как-то пошутила она про Скороходова

— Дина Дурбин получила музыкальное образование или по природе своей голос так поставлен?

— Она начала петь в 14 лет. За два года прошла консерваторский курс, пела блистательно. Потом вышла замуж за режиссера, который снял ее в главной роли в своем фильме. Это был музыкальный детектив, где Дина Дурбин много пела. Хорошо, когда убийца поет. Но роль получилась неудачная, и в 26 лет Дина приняла решение уйти с экрана.

Недавно я ее поздравил с днем рождения — 78 лет. А узнав о нашей с ней переписке, в Киноцентре предложили пригласить Дину Дурбин приехать на фестиваль ее фильмов. Но она ответила деликатным отказом, сославшись на то, что многие годы не встречалась с журналистами и «было бы бестактно по отношению к тем, кому я столько лет отказывала, принять ваше приглашение». «Не хочу нарушать правила, которые я сама установила».

— А вы не предлагали ей тайно посетить Москву?

— До этого я не додумался. Думаю, она бы отказалась.

— Глеб Анатольевич, я поняла, что вы делаете передачи про людей прежде всего любимых.

— Может быть, «любимых» слишком громко, скорее всего о тех, кто мне дорог. Вот недавно меня спросили, почему я не сделаю программу об Элизабет Тейлор. Потому, что мне она не симпатична как человек, это во-первых. Во-вторых, я считаю, что она «минус актриса».

Пока она была рядом со своим мужем Ричардом Бертоном, он ее вытягивал. Когда она попадала к режиссеру Майку Николсу, который снял «Кто боится Вирджинии Вулф?», я понял гениальность режиссера: в самых сложных сценах, где она должна сыграть, он показывает крупным планом реакцию Ричарда Бертона, и о том, что происходит с ней, мы догадываемся по его реакции. Мне не интересно рассказывать об этом и об ее девяти браках.

— И о бесконечных пластических операциях...

— Кстати, есть фильм «Пепельная среда», после которого я не могу воспринимать Элизабет Тейлор: она продала свою пластическую операцию за большие деньги — показывают, как ей подтягивают кожу. Это просто научпоп, хотя фильм игровой. В наш прокат, разумеется, его не взяли, а в Доме кино показывали. Так вот, я не хочу делать передачу про женщину, которая продает себя оптом и в розницу. И никогда в жизни я не буду делать о Мэрилин Монро.

— А она-то чем вам не угодила?

— Тоже плохая актриса. И сволочь! Приехала в Лондон, увидела Вивьен Ли и Лоуренса Оливье, которые готовились сниматься в «Принце и хористке», и сказала, что фильм будет сниматься на ее деньги и что она исполнит главную роль. После первого съемочного дня она стала спать с Оливье. Вскоре Вивьен Ли и Лоуренс Оливье развелись. Потом Монро снималась с Ивом Монтаном и его в постель затащила. Говорят, Симона Синьоре, его жена, набила Монро морду и увезла мужа. По материалу я мог бы сделать передачи и о той, и о другой, но вот...

— Душа не лежит?

— Да, не лежит.

Великий

Кино будущего, изобретенное в России, можно смотреть

Елена КУДРЯВЦЕВА
Владимир СМОЛЯКОВ
(фото)

не мой

Люди у нас в России плодовые на научно-технические идеи. Но плодovitость эта никогда не приносила особой прибыли ни изобретателям, ни России в целом. Пора наконец делать выводы, чтобы в очередной раз не обогатить дружеские японские и американские народы. У нас есть люди, готовые совершить революцию в кино. Они ее, в общем, уже совершили, на коленке пока. Об этом знает узкий круг специалистов. Ну и вы сейчас узнаете

Мы сидим на кухне с хозяином студии Дмитрием Эльштейном и пьем чай.

— Понимаешь, — говорит мне Дима, откусывая большой кусок вафельного торта, — сто лет кино снималось из расчета, что доминирует в нем изображение, звук был второстепенен. И непонятно было, зачем его вообще изобрели. Потом в начале 90-х в «Возвращении Бэтмена» появился «долби сраунд». Но никто ничего с этим новым звуком не умеет делать.

— Подожди, а как же ролик, который показывают перед каждым фильмом? Из него ясно, что сраунд — это круто.

— Сраунд — это, конечно, круто, только у нас не разработан язык пространственного звука. После того как появилось немое кино, должно было пройти десять лет, прежде чем был создан язык кинематографа — монтаж. Языка звука в кинематографе до сих пор никто не придумал. Хваленый звук-вокруг — всего лишь несколько звуков, пущенных в зал как Бог на душу положит — справа, слева, сзади. И эти звуки не имеют отношения к мизансцене — стуки, выстрелы, плеск воды, промчавшаяся машина. В общем, звуки, не продолжающиеся во времени. Никакого пространства звук не создает. Все, что от него требуется, — прозвучать неожиданно и громко. От неожиданности зритель подпрыгивает в кресле и в его крови в этот момент автоматически вырабатывается адреналин. А он сидит такой довольный, думая: «Аж пробирает!»

Я, признаться, расстроилась и обмякла, уткнувшись носом в чашку, потому что в кино думала именно так. Накопившиеся в квартире мужнины между тем тихо шуршали в соседней комнате. Потом вдруг послышалась скрипка, и мы с Димой покинули кухню.

— Кое-что нам удалось сделать. Долго бились над алгоритмами движения звука, программным обеспечением, но благодаря Сереже Григорьеву и Сереже Новикову проблему решили. Аналогов в мире нет.

Сейчас мы тебя поместим в «сладкую точку», — Дима усадил меня на обычный дерматиновый стул, чуть поодаль от компьютера.

Скрипка играла красиво, но как-то странно. Было непонятно, откуда идет звук, вернее, звук шел отовсюду сразу. То разделялся, обворачивался вокруг меня, то куда-то уносился, то возвращался снова ко мне в уши. Ничего подобного со мной раньше не случалось — ни в кино, ни в жизни.

— Это был пространственный звук, — объяснил Дима, выключая музыкальный центр.

— Получается, что кинопромышленники всего мира не могут сделать пространственный звук, а вы его сделали и упираетесь в одиночку?

— Пространственный звук невозможно сделать в кинотеатре. Потому что режиссер не может знать, где сидит зритель. Например, я хочу, чтобы у каждого зрителя над ухом жужжала муха. Эта задача решается при количестве источников звука, стремящихся к бесконечности. Как только появляется конечное число — возникает ошибка. А поскольку в кинотеатре таких динамиков всего пять — ошибка грандиозная. Муха размазана тонким слоем по всем зрителям. Пространственный эффект возможно создать для какой-то одной точки. Для тебя лично. Но тогда другие зрители вокруг ничего не поймут.

— Общей мухой зрителей не убедишь?

— Не убедишь. Мухи должны быть сугубо индивидуальные. Поэтому я уверен, что будущее — за домашними кинотеатрами. Там можно, сделав специальные вычисления, рассчитать «сладкую точку», чтобы звук вокруг тебя трубкой оборачивался.

— То есть звуковым гурманам, любящим оборачиваться в звуковые трубочки, нужно сидеть дома?

— У нас никто не снимает кино так, чтобы звук трубкой оборачивался. Хотя продано уже 30 миллионов домашних кинотеатров, ни одного готового продукта для них нет. Меня это вдохновляет: можно делать совершенно удивительные вещи. Но всем плевать. И поэтому домашний кинотеатр сегодня — просто большой видак с очень громким, но все тем же глупым звуком.

— Засада какая-то. Честно говоря, мне в твоём рассказе не все понятно. Я, например, люблю, когда громко, и не знаю, чего эдакого можно сделать со звуком, пускай даже трижды замечательным.

По реакции Димы я поняла, что задала хороший, добрый вопрос.

— Звук, — самозабвенно воскликнул Дима, — может все! Звуковой анализатор — едва ли не самый древний из человеческих органов!

Тут следует заметить, что Дима долгое время работал в Институте акустики РАН, в лаборатории проблем ориентации рыб. Есть, оказывается, у рыб такие проблемы. Так что Дима знает все про древние слуховые анализаторы.

— Звук, — продолжал Дима, — намного древнее глаза. Если картинка действует человеку на сознание, то звук — большей частью на подсознание. Есть статистика, согласно которой врожденные слепые развиваются намного активнее, чем врожденные глухие. Потому что изначально человек вообще осваивает мир только на слух.

— А при чем здесь домашние кинотеатры?

— При том, что если правильно использовать звук, эффекта воздействия можно добиться потрясающего.

— Зомбировать, что ли?

— Да как хочешь назови. Вот для чего нужно кино?

— Чтобы сесть всякое разумное, доброе.

— Кино, — прервал меня Дима, — это инструмент воздействия. Все говорят про какой-то диалог со зрителем — это полный бред. Все приходит в разном эмоциональном состоянии. Что нужно режиссеру? За первые пять минут собрать всех зрителей в кулак и протащить их по некоему каналу, чтобы после фильма они все вышли примерно в одном состоянии.

Я восхищенно умолкла, представив себе пищащих зрителей, увлекаемых мощной режиссерской рукой, а Дима безостановочно говорил:

— У меня давно была безумная идея сделать кино, в котором сюжет зашит на звуковом уровне. Зритель не в состоянии будет понять, что

н а ч к а
и
ж и з н ь

доме, где есть цветной телевизор, есть и видео. Кинотеатры — это ритуал, который рано или поздно отомрет.

— Но живые выступления-то останутся, концерты, например?

Дима опять развеселился, и я поняла, что задала второй хороший вопрос.

— Все звукозаписывающие компании бьются над одной проблемой — они хотят на пленке максимально точно воспроизвести живой звук. А это невозможно! Когда люди говорят по телефону, происходят чудовищные искажения голоса, но мы тем не менее практически безошибочно узнаем собеседника. Потому что у нас есть уши — чудо природы, — похвалил Дима уши. — Когда звук звучит из динамика, возникает некое дрожание, которого не существует в природе, и наше ухо сразу его различает. Кассетный голос никогда не перепутаешь с живым. Человек, сколько бы ни старался, не сможет сам себя обмануть. Я был на конференции в Швейцарии, где собрался весь цвет звукорежиссеров. И понял, что их голубая мечта — засунуть слушателя в центр оркестра. Я, между прочим, бывал в центре оркестра и точно могу сказать: ничего хорошего в этом нет. Нужно просто договориться, что есть живое исполнение, а есть запись. Например, я слушаю органную музыку в соборе. Ощущаю торжественность, самую магию рождения звука, рядом со мной сидят такие же трепетные слушатели, акустика потрясающая. И вот эти звуковые монстры мечтают собрать все эти звуки — орган, акустику, чуть ли не вздохи слушателей, записать в мешок, а потом вывалить все это у меня на кухне. А я, может быть, водку там пью и «Беломор» курю.

— Да, некрасиво как-то получится.

— Бред полный! Не подражать нужно живому звуку, а развивать искусство звукозаписи — именно как искусство. Изучать, как записанный голос лучше звучит в домашнем пространстве. Вот скрипка, которую ты слышала. Мы взяли трехголосую фугу Баха, исполненную моим другом, солистом Московской государственной филармонии Кошванцом, и пустили ее путешествовать по комнате. Ясное дело, что на самом деле так не бывает — музыканты обычно стоят на месте, а не вьются вокруг вас, как ужаленные. Но эффект возникает особый, новый. Почему бы нам не заняться новыми эффектами? Мы вот посмотрели на эту фугу, нарезали три голоса скрипки на кусочки, перемешали их и бросили на диск. Получились музыкальные пазлы. Вроде бы идея лежала на поверхности, а нигде в мире такого нет. Правда, потом оказалось, что трехголосую фугу Баха не может собрать даже преподаватель консерватории. Тогда мы сделали детскую игрушку — нарезали на голоса различные музыкальные произведения. Теперь вот наши дети и знакомые наших детей играют и одновременно обучаются самому сложному предмету — сольфеджио. Звук — такая вещь, из которой можно лепить все, что угодно! ■

ТАЛАНТЛИВЫЕ РУССКИЕ
УЧЕНЫЕ СПОСОБНЫ
СВОИМИ ОТКРЫТИЯМИ
ПЕРЕВЕРНУТЬ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ

происходит: он привык обращать все внимание на картинку. А тут половина эмоционального воздействия будет на звуковом уровне. Полное погружение человека в новую реальность. Потому что картинка не дает разгуляться воображению. А звук рождает в мозгу сразу огромное количество ассоциаций. И мозг сам достраивает пространство до объемного.

— Да, сидишь так, смеешься, а на самом деле сходишь с ума, потому что мозг перегружился.

— Правильно понимаешь проблему. Наше новое кино должно быть по продолжительности не слишком длинным. Самое большее — полчаса. Даже полчаса много — 15 минут.

Покончив с теоретической частью, Дима показал мне кусочек своего фильма про город, снятый по таким принципам. Что вам сказать — крыша едет. Смотришь на экран, там тетенька ест булочку, слышно, как она жует, и в то же самое время ощущаешь, что за спиной у тебя кто-то прошел, потом проехала машина, потом подул ветер и зашелестел пакет. Я была вроде бы все в той же комнате, но на самом деле в центре города. В центре, в том смысле, что город был вокруг.

— Чтобы записать звуки Москвы, мне нужны были свежие уши, — объяснял Дима. — В смысле незамысленные. Я познакомился с одним профессиональным композитором из

Сальвадора, мы часами бродили по Москве, и он слушал своими незамысленными ушами, как звучит наш город.

— Ужасно, наверное, звучит?

— Москва совсем не похожа по звучанию на другие европейские столицы. Звук у нас звучит, во-первых, абсолютно плоско из-за небывалой ширины улиц. Мы на это не обращаем внимания, а мой сальвадорец обратил. Или такой пример: я всегда думал, что в метро громче всего стучат поезда. Оказалось, что больше всего шума производят эскалаторы.

— Слушай, Дима, но 30 миллионов домашних кинотеатров — для всего мира совсем немного. Почему ты думаешь, что твоё искусство востребуется? Это же достаточно дорогая аппаратура, которую может себе позволить только «средний класс» и выше?

— Я не думаю — я чувствую! Мы живем в очень интересное время, когда у людей вырабатывается совсем новое восприятие искусства — принципиально неколлективное. Когда появились магнитофоны, тем более плейеры, — люди начали музыку подбирать для себя. Под особое настроение. С появлением видео то же самое произошло с кино, а с началом производства персональных компьютеров — и потребление информации перешло в разряд индивидуального. Ты сама-то вспомни, сколько стоили еще пять лет назад плейеры и видеки — и сколько стоят сейчас. В деревнях чуть ли не в каждом

Андрей ГАМАЛОВ

Фото:
Сергей МАКСИМИШИН («Известия»),
Максим БУРЛАК («Собеседник»)
специально для «Огонька»

Не сомневаюсь, что с некоторой временной дистанции БГ для нас будет казаться тем же, чем был для своей аудитории Окуджава. Совестью? А пожалуй, что и так. И если у нас была такая совесть — такая амбивалентная, расчетливая, часто уходящая от прямых ответов, — скажем ей спасибо за то, что БГ все это выражал с надлежащей точностью и полнотой.

Нет вопроса, на который у него не было бы ответа, и нет интерпретации, которую нельзя было бы измыслить применительно к его текстам. Недавно вышедшие сборники песен «Аквариума», наиболее полный из которых только что издан «Новым Геликоном» («Тексты XX века»), как будто позволяют наконец определить метод Гребенщикова достаточно полно, почти статистически — на десяток предельно расплывчатых и абсурдистских строчек в духе Гуинцкого (который этим и ограничивается и потому остался Гуинцким, а не, допустим, АГ) приходится одна исключительно точная, становящаяся пословицей, и возникает пленительная смесь крайней энигматичности с крайней же публицистичностью.

«Поколение дворников и сторожей», «Я инженер на сотню рублей», «Рок-н-ролл мертв, а я еще нет», «Турки строят муляжи Святой Руси за полчаса», «Вот едут партизаны подпольной луны, пускай их едут» — все это Гребенщиков, все это ушло в нашу речь, не говоря о сотнях других его строк, в силу своего изящества, многозначительности и размытости приложимых к любой ситуации. Я нарочно привел наиболее конкретные и социальные, демонстрирующие точность диагноза. Но, разумеется, этим нехитрым приемом гребенщико-арсенал не исчерпывается. Слава патриарха, безупречная репутация — за всем этим стоит еще и стратегия, и глупо было бы утверждать, что ее не было, допустим, у того же Окуджавы. Неучастие в любых играх, корректные и сдержанные отзывы о коллегах, дистанцированность от властей, готовность к славе и ироническое к ней отношение, полное отсутствие учительного пафоса в сочетании с серьезным отношением к собственной миссии, понимание искусства как служения — все это обязательные компоненты того имиджа, который выстроил Окуджава и который, не без участия понимающих поклонников, соорудил Гребенщиков. Правда, в случае БГ надо еще не забывать о теме радости, чрезвычайно существенном мотиве в творчестве «Аквариума»: на фоне питерского и вообще русского рока, всегда мрачного, социального, иногда и попросту протестного, БГ смотрится почти идиллической фигурой. Представить его без знаменитой чепирской улыбки всепониимания невозможно, и БГ, форсирующий голос, — тоже нечто невообразимое; даже на стадионных концертах он не безумствует, а только улыбается все шире по мере нарастания экстаза публики. Рык Шевчука, давно уже осознавшего себя совестью нации, или каменная скорбь «Наутилуса», при всей харизме упомянутых групп, всегда выглядели почти моветоном на фоне спокойной и просветленной веселости «Аквариума». В русском роке, безусловно, есть (были?) поэты лучше Гребенщикова — взять хоть Кормильцева, который подражал ему, или Науменко, которому подражал он сам; были музыканты классом выше — у каждого свой список; не было только явления более цельного и более безупречного с точки зрения вкуса.

Еще одной важной составляющей этого явления, мне кажется, сделалось гребенщиковское отношение к Родине. Отношение это вполне трагическое, но при этом довольно прохладное и временами брезгливое. О сегодняшней России только так и можно говорить — ведь тут верны даже взаимоисключающие утверждения (и, может быть, только они). Правда, здесь я уже навязываю Гребенщикову собственные эмоции и трактовки — тогда как он идеально определил любые попытки интерпретации: «Не нужно рисовать мой портрет. Ты можешь добиться реального сходства или феноменального скотства — ты все равно рисуешь сама себя, меня здесь нет».

Разумеется, такая стратегия не может не приводить к издержкам. К многозначительным банальностям, ложным красивостям, некоторой отстраненности и прохладности. К разговорам о том, что БГ окаменел, закрипел и продался. И может быть, временами тут действительно больше стратегии, чем души и даже чем игры. Однако все эти досадные частности не заслонят от нас того факта, что несколько самых верных нот в русской поэзии и музыке последних тридцати лет взял Борис Борисович Гребенщиков. А уж он ли это так хорошо или время так плохо — каждый решает для себя.

— Ровно десять лет назад вы сказали, что после ревуших восьмидесятых мы вступаем в область деревенских, или долгопятых, девяностых...

— Сказал.

— И что?

— И, как всегда, не ошибся. Девяностые были самыми что ни на есть деревенскими — во всяком случае, для нас. Мы больше, чем когда-либо, ездили по стране. Даже в звучании нашем появились совершенно сельские обертона — русская гармошка, в частности... Достаточно послушать «Русский альбом».

— Но то вы, а то страна...

— А насколько долгопятой была в это время вся страна, легко судить по нашему тогдашнему президенту, который, с моей точки зрения, являет собой эталон долгопятости. Впрочем, у меня свои отношения с русским языком.

— Хотелось бы теперь услышать о предопущении ближайшего десятилетия. Или столетия. Или тысячелетия, по возможности...

— Никакого ощущения рубежа у меня нет, но, конечно, мы вступаем в новую эру. Не видеть этого смешно, хотя сейчас еще не все к этому готовы.

— Что за эра?

— Эра матриархата. Так происходит во всем мире, затронет и нас, и я этому только рад. Эра гармоничная и мирная — как с моей точки зрения, так и с точки зрения нескольких независимых экспертов.

— «За последнюю тысячу лет мы узнали печальную часть наук»...

— Верно. «Настало время заняться чем-то другим».

— А почему наступает матриархат? Что, мужчины поывелись?

— Матриархат наступает потому, что так написано в небесах. Светила так расположены. Все происходящее в мире вообще очень мало соотносится с нашими заслугами или провинностями.

— То есть все предопределено и от нас ничего не зависит?

— Почему, от нас зависит наш выбор. Играется грандиозная пьеса, от нас зависит то, какую сторону мы возьмем. Но все роли написаны, сюжет определен.

— А каков прогноз на ближайшие годы в России?

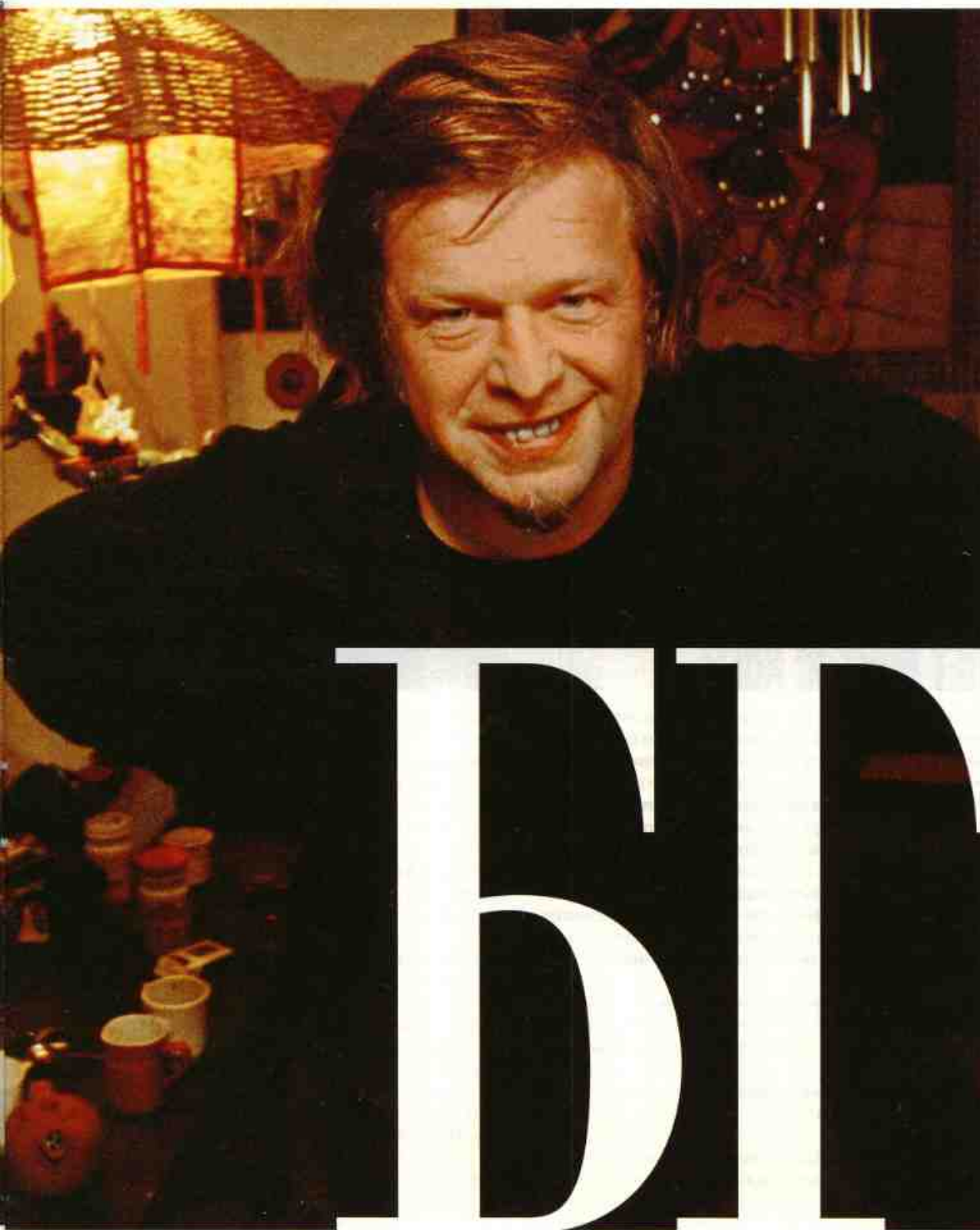
— Да какой может быть прогноз? Будет позитивная анархия, нормальный, плодотворный хаос. На уровне общественного сознания будет привычка к хаосу.

— Распад империи?

— Да полноте, империя распалась очень много лет назад. Ее пытались заморозить, но, насколько я знаю, у медиков замороженный труп живым существом не считается. Именно поэтому я не верю ни в какие перспективы новых заморозок и заморозков. И катаклизмов, сколько я могу судить по стране, по своим поездкам, — тоже не будет. Опасность их существовала в начале девяностых, когда не только злоба была сильна, но и наличествовало еще достаточно инфантильное представление о наличии у всего какого-то конкретного виновника. Тогда к одному моему другу пришла депутация боевиков с ленинградского металлургического завода — вы наверняка его знаете, длинное здание вдоль Невы, — и предлагали: только дай сигнал к выступлению, у нас триста человек и все вооружены. Для начала этого хватит. За десять лет они не выступили — и, значит, уже не выступят. Сегодня злоба, может быть, и наличествует, она неизбежна при бедности, но направить ее нет против кого. Что касается ужесточения — это скорее упорядочивание. Период первоначального накопления завершился, передел — тоже, теперь счастливы будут охранять награбленное и постепенно вводить порядки. Плохо ли от этого станет простым людям вроде нас с вами? Не думаю.

— Я все-таки не могу разобраться с вашим очень уж разным отношением к России: есть несколько сусальный «Русский альбом», есть «Кострома», но есть и «Древнерусская тоска»...

— Эта разница проще всего может быть пояснена при помощи одной алкогольной аналогии. В обычное время вы с тоской смотрите на суету вокруг себя и раздражаетесь на то, что принуждены в ней участвовать без всякой цели и смысла. Это настроение «Древнерусской тоски». Но после того, как внутрь вас перемещается пол-литра

**О БЛИЖАЙШЕМ
ДЕСЯТИЛЕТИИ,
СТОЛЕТИИ
И ТЫСЯЧЕЛЕТИИ,
ПО
ВОЗМОЖНОСТИ...**

водки, в вас поднимается уже не тоска и не раздражение, а могучая скорбь, сопряженная с осознанием величия происходящего. Это настроение называется «Скорбец», описывается в одноименной песне и присутствует в «Русском альбоме».

— Сейчас вышло сразу несколько ваших книг с текстами — вы принимали какое-то участие в их составлении?

— Практически никакого, потому что не считаю издание текстов своей задачей. «Аквариум» — это песни, и тексты нужны, может быть, только тем, кто хочет их петь сам. Хотя, по-моему, все и так можно разобрать. Тексты, собранные вместе, дают совершенно другое впечатление.

— Они как будто довольно мало меняются.

— Наверное, это ведь как почерк. Почерк тоже меняется на протяжении жизни, но не так сильно, как голос. Время остается в саунде — в музыке, в звучании, в том, как это записано, наконец. Стихов как таковых я никогда не писал, то есть, конечно, писал, но это были вещи совершенно уже шуточные.

— Кстати, вы продолжаете заниматься такими шуточными проектами? Прозой, баснями, циклом об Иннокентии и Полтораки?

— К сожалению, нет. Если я в каком-то смысле и меняюсь как человек, то в сторону большей концентрации. Сейчас я больше всего занят тем, что мы делаем вместе, той музыкой, которую мы играем. Живопись, проза, сказки — этого все меньше.

— Вы все время говорите: «то, что мы делаем», «то, что мы играем», нельзя ли как-то все-таки определить это ускользающее понятие?

— Ни в коем случае. Определить — значит ограничить, определить.

— Но сказал же Макаревич о себе: «Медленная хорошая музыка».

— Но вы же не станете утверждать, будто это определение исчерпывает то, что делает «Машина времени»?

— Вот мы с приятелем в ожидании встречи с вами обеды в закусочной и заметили, что писать песни в вашем духе, в общем, несложно — тысячу раз простите. Мы даже попробовали общаться этим способом. «Ты можешь взять тарелку борща, если ты хочешь борща. Но помни: этот борщ с мясом, этот борщ с мясом». Или: «Когда я говорю «блин», я имею это в виду». Потом спеть вкрадчивым голосом — и все обретет три смысла.

— А вы попробуйте. И очень быстро убедитесь, что подражание «Аквариуму» влечет за собой определенные последствия. Раньше у меня дома лежало от восьмидесяти до ста кассет с записями групп, пытавшихся подражать нам, но почему-то они очень быстро с этим завязывали. Видимо, понимали, что за эту манеру выражать себя надо чем-то платить. Нас имитировать — себе дороже.

— А вы платите?

— Я плачу, но меня это не обременяет. Мне нравится моя жизнь, просто это жизнь чрезвычайно насыщенная. Сначала начинаешь петь «под нас», а потом начинаешь жить «под нас», и это уже не для всех.

— К вопросу о «не для всех». Вы играете сейчас, по-моему, с относительно новым составом?

— Этот состав играет уже четырнадцать месяцев.

— И уровень взаимопонимания в нем приближается к тому, что был в раннем «Аквариуме»?

— В «Аквариуме» никогда не было такого уровня взаимопонимания, которого мы достигли сейчас.

— Что поделявают бывшие аквариумисты?

— Дюша умер. Гаккель почти не играет. Файнштейн — тоже, но во время наших американских гастролей (он давно живет в Штатах) вышел к нам на сцену и поиграл с нами. С Гуницким мы в прошлом году выпустили альбом.

— С каким чувством вы прочли воспоминания Гаккеля?

— Как бы поточнее определить это чувство. С состраданием. Мне стало по-настоящему жаль, что у человека осталось такое воспоминание о годах, когда я находился в гуще самого прекрасного, что только может быть. Здесь я могу только вспомнить буддистскую поговорку: «Ты можешь привести коня к реке, но не можешь заставить его пить».

— Вы как-то планируете свою жизнь?

— Я никогда и ничего не могу планировать. Если кому-то нравится думать, что все мое поведение — это тончайший

**СЕГОДНЯ ЗЛОБА,
МОЖЕТ БЫТЬ,
И НАЛИЧЕСТВУЕТ,
ОНА НЕИЗБЕЖНА
ПРИ БЕДНОСТИ,
НО НАПРАВИТЬ ЕЕ
НЕТ ПРОТИВ КОГО**

расчет. Ну что ж, я не буду разочаровывать этих людей. Я могу им только сказать, что ничто удачное на свете никогда не было сделано по расчету, по заранее продуманному плану. Это касается главным образом творчества, но и не только.

— Но день свой вы планируете достаточно жестко.

— Это не я его собираю, он сам складывается. Вот мне позвонили вы, потом позвонит другой человек, потом придет записываться группа струнных, потом придет мой друг, писатель Александр Житинский. Словом, моя жизнь спонтанна. Другое дело, что я какие-то вещи отсекаю, стараюсь не делать лишнего, чтобы это все-таки была моя жизнь.

— Как вы относитесь к тому, что вас многие считают гуру?

— Как можно ответить на такой вопрос и как к этому вообще можно относиться? Но, по-моему, такое отношение давно схлынуло. Просто потому, что я не даю к нему никакого повода.

— В рок-н-ролле очень много ранних смертей.

— И всегда было много.

— Почему?

— Если человек, будучи пьяным, садится за руль машины, несущейся со скоростью сто пятьдесят километров в час, есть большая вероятность того, что он во что-нибудь вмажется, и мало не будет. Если человек берется за такое

энергетичное и рискованное дело, как рок-н-ролл, но при этом оттягивается больше, чем работает, — он с большой вероятностью гибнет или сходит со сцены.

— Вам не надоело играть?

— Если бы нам надоело играть, мы бы зарабатывали гораздо больше, давая шесть концертов в год в московских клубах. Это несложно.

— Вы сказали когда-то, что в известном смысле до сих пор чувствуете себя ребенком, что любой человек старше двадцати для вас — безнадежно взрослый.

— Так и есть. Старше тридцати, сказал бы я. Люди старше тридцати слушают «Лед зепелин» и «Статус кво». Не знаю, кем надо быть, чтобы все время слушать «Статус кво». Мне эти люди представляются в виде каких-то замшелых таксистов.

— Неужели вы определяете людей только по этому параметру?

— Во всяком случае, он важнейший. Музыка, которую вы слушаете, диктует вашу манеру жить.

— И что слушаете вы?

— Сейчас появилась система «Напстер», позволяющая скачивать любое количество mp3-файлов самой разнообразной музыки, причем совершенно бесплатно. «Металлика» с ними судилась, но, кажется, проиграла. Это отличная вещь,

и благодаря ей я слушаю очень много всего. Играем мы одно, слушаем другое.

— Кстати, не могу себе представить, что вы слушаете ту же «Металлику».

— Почему нет? У них есть разные вещи, но случаются просто отличные. Сейчас я люблю и слушаю группу «Looper», везде ищу ее.

— Каков примерный возраст вашей аудитории?

— Наверное, таков же, как и мой внутренний возраст. От двадцати до тридцати. Впрочем, я мало общаюсь с этими людьми лично — в основном через Интернет.

— Интернет как-то изменил саму природу общения? Все-таки собеседник невидим, общаются души.

— Точно так же было и с письмами. Ничего нового. В чаты я не хожу, отвечаю главным образом на письма, которых получаю в день от пятнадцати до трехсот. Может прислать письмо какая-то американская писательница, которая в жизни не слышала, что такое «Аквариум», и поэтому хочет написать о нем книгу. А могут спросить, как попасть в тибетский монастырь. По возможности я отвечаю.

Вообще люди, ходящие в Интернет, отличаются от прочих, возможно, только по одному параметру — по скорости мышления, которая у них чуть больше.

— А у вас высокая скорость мышления?

— Довольно обыкновенная, по-моему. Во всяком случае, сопоставимые с нею скорости встречаются достаточно часто.

— Люди, ходящие на ваши концерты сегодня, сильно отличаются от тех, которые слушали ранний «Аквариум»?

— По моему глубокому убеждению, человечество вообще не меняется. Мне недавно прислали стихи одного мальчика из Владивостока, действительно хорошие стихи — я давно таких не читал. И я поймал себя на том, что выражает он в точности те же чувства, которые в девятнадцать лет владели мной. Только выражает он их в иной манере — чуть более жесткой, как ему кажется. Упоминает какие-то жестокие реалии — вернее, он их еще считает таковыми. Например, презервативы.

— Вам труднее стало писать?

— Го-раз-до. Но это не связано с тем, что расхотелось или надоело, — просто пошел другой период. Я никогда не вычисляю конъюнктуры. Я делаю то, чего не хватает мне самому. То же, что я делаю сейчас, вообще ни на что не похоже, и я не знаю, как это будет восприниматься. Новый альбом пока не имеет названия, которое вообще всегда появляется в последний момент, я никого из посторонних не пускаю в студию во время записи — это мое суеверие, — и

говорить о том, что получается, не просто рано, а невозможно. Но это песни, неожиданные для меня самого.

Трудность в том, что изменился темп жизни — это единственное, что переменялось реально. Появилась новая плотность. Вот почему писать стало труднее, и новая вещь почти никогда не пишется в один прием. Из относительно недавних сразу был написан разве что «Самый быстрый самолет». Я сочинил его, пока шел из дома в студию — от Невского на Пушкинскую. И вообще чаще всего сочиняю в движении — за рулем или на ходу.

— А «Навигатор»?

— А «Навигатор» написан в Париже, в кафе. Там вообще можно только песни писать, в Париже, больше делать совершенно нечего. Зато пишется в кафе отлично. Приходишь утром, тихо — за неделю шесть новых песен.

— Где вам хорошо, кроме Питера?

— Я люблю Нью-Йорк. Я больше чем люблю Лондон. Мне хорошо в Катманду.

— После сорока пяти многие ваши сверстники стремительно превращаются в руины. Почему вы не испытываете ничего подобного — искусство способствует?

— Не понимаю, почему вообще кто-либо превращается в руины. Если человек занят своим делом, он может жить вечно.

Дмитрий БЫКОВ

Владимир СМОЛЯКОВ
(фото)

На Енисее

я бывал

Вопрому человеку, вернувшемуся с Кубы, задают два вопроса: видел ли он Фиделя Кастро и испытал ли на себе прелесть местной проституции. Сейчас, правда, прибавился третий: ты что, с Путиным там был? Путин, вслед за Кастро и проституцией, в декабре стал главной достопримечательностью Острова свободы. Отвечаю: летал не с Путиным, Кастро видел по телевизору. Самые большие трудности вызывает у меня вопрос с проституцией: на него, как вы сейчас увидите, мне трудно ответить однозначно.

Естественно, о кубинской сексуальной свободе я был наслышан достаточно. «Как выйдешь на Маликон, они сами тебя за все схватят», — предупреждали знакомые люди. Что такое Маликон, я понятия не имел — решил обнаружить опытным путем, гуляя по Гаване и ожидая, пока схватят. Правда, из разговоров в самолете выяснилось, что Кастро ваялся за проститутку всерьез — не подумайте плохого, стал преследовать, — и оттого по Маликону стало можно ходить спокойно, зато все окраинные перекрестки прямо-таки запружены смуглым женским телом, причем полудетским, самого возбуждательного и дешевого свойства. «Пять баксов — и твоя», — предупреждали одни. «Кусок мыла», — попросту говорили другие. Ближе к приземлению я уже не сомневался, что они там сами приплачивают.

Поймите меня правильно: я счастлив в браке, и вовсе не планировал изменять жене. Более того, я отнюдь не уверен в своей способности захотеть профессионалку. Я так устроен, что партнершу мне надо хоть немножко любить или уж она должна быть очень хороша собой, но бесплатность, то есть непосредственность чувства, является для меня серьезным требованием. В силу этой же причины я никогда ничего не написал за сверхгонорарные деньги, по политическому заказу или просьбе властей. Что поделать, он (талант) у меня капризный и действует только полюбовно.

Но в стране, где из всех достопримечательностей наиболее знамениты домик Хемингуэя, Кастро, Путин и вот это самое, после осмотра Путина, Кастро и домика Хемингуэя хочется посмотреть на то, о чем столько говорят. В первые два дня мне везло: я ходил себе по Маликону и вокруг, глазел по сторонам, покупал фрукты, заходил в пустые магазины, и никто меня ни за что не хватал. Вечером третьего дня, воротясь в гостиницу, я обнаружил в холле ее двух крепких хозяйственников из нашей группы — они прилетели на Кубу по каким-то крепким хозяйственным делам и явно находились в затруднении. Одному было чуть за сорок, другому — явно за шестьдесят, но именно он больше всего рассказывал о своем местном опыте: опыт был удачный, местные красавицы к старику так и липли. Я сам люблю таких веселых стариков, опять же не подумайте плохого: мне нравится их советская деловитость, умение везде найти выпить и закусить, их неувыдаемая бодрость и непотопляемость, благодаря которой они при любых формациях чувствуют себя прекрасно.

— Э, э! — позвали они меня к себе. — Бабу надо?

— А вы что, партию закупили?

— Да понимаешь, она на нас бросилась... ну, в магазине тут... но в номера идти не хочет категорически! Может, у нее подруги есть? Ты спроси, она по-английски ничего болтает.

Поодаль ждала их вердикта довольно симпатичная, но, явно не нимфетского возраста кубинка, смуглая, но не мулатка, худощавая, но задастая (отличительная черта местной красоты вообще, здесь как-то специально отращивают большую попу, считающуюся признаком духовного аристократизма). На меня она смотрела со смутной надеждой.

— Ты понимаешь, я на ночь глядя абы куда не поеду, — робко сказал сорокалетний.

четырежды: три раза в Сибири и один раз на Кубе. В Сибири лучше

— Да у них тут преступности нет, ты не бойся, — уговаривал старик почему-то именно меня. — Но, ты понимаешь, устали мы. Если бы в номер, вопросов нет, — и он хлопнул кубинку по ее национальной гордости, а заодно щипнул за грудь. Гордость ему понравилась больше.

Видя на лице кубинки простоту и дружелюбие, я особенно стесняться не стал и перевел насчет подруг. На бойком, даже слишком бойком английском, в котором клокотал испанский темперамент, она сообщила, что подруги есть, но искать их надо в диско, куда теперь переместился центр сладкого кубинского бизнеса. За промысел на улицах и тем более за появление в отелях среди ночи могут запомнить, оштрафовать, донести по месту работы, а на фиг ей это надо.

Услышав про диско, хозяйственники заметно оживились:

— Тут рядом музыку по ночам слышать.
— Ты сходи, сходи. Тебе надо. Ты журналист, впечатлений подхватишь.
— Товарищи, я и в юности туда не ходил!
— Ничего, ничего...

Уговаривали они меня, как путавецы Гринева, которого собираются вешать. Собирались всего-навсего кинуть, но это я понял не сразу.

— Только для диско вы должны переодеться, — вступила кубинка на своем бойком школьном английском. — Туда нельзя в коротких штанах.

— Ну, побежали передеваться! — воскликнули хозяйственники. — Через десять минут здесь!

— Товарищи, я почитал бы лучше...

— Да ладно тебе! Хоть диско ихнее посмотришь, окунешься в восьмидесятый год!

С отвращением надев длинные штаны (ночами в декабре на Кубе запросто может быть двадцать семь градусов тепла), я спустился вниз и обнаружил кубинку во внутреннем дворике отеля.

— Внутрь не зайду, — сказала она, глядя на меня в упор огромными черными глазами. — Отельная обслуга меня вычислила уже. Еще раз зайду — и спросят документы. Ты не знаешь, что у нас тут делается?

— Да ладно, они нас не найдут... друзья-то мои...

— Захотят — найдут. Подождем.

Мы подождали минут пятнадцать, которых хватило бы для надевания штанов и самому крепкому хозяйственнику в состоянии самого бурного радикулита.

— Твои друзья не придут, — сказала она решительно. — Они испугались. Пойдем в диско.

Идти туда без компании мне совершенно не улыбалось — это означало уже принять на себя какие-то обязательства.

— Тебе же, по-моему, старик нравился?

— Мне совершенно все равно, — сказала она без малейшего энтузиазма.

Я несколько оскорбился.

— Мне надо денег с собой взять, — использовал я последнюю уловку, но она уже вцепилась в мою руку:

— Не ври, кошелек у тебя с собой. Поехали.

— Как тебя зовут хоть? — спросил я уже в такси. Ехали мы не в ближайшую, а в какую-то дальнюю и явно более крутую дискотеку.

— Обычно я называю себя Дженни, — сказала она мрачно. — Но родители называли меня Енисей. С этого имени пошли все мои неприятности.

— За что ж они тебя так называли-то?

— Они думали, что если Лена — имя, значит, Енисей тоже имя. Я уж не знаю, как мне избавиться от этого проклятия. Была, ты понимаешь, мода на все русское, мальчики — сплошные Ленины. Ну а потом русские нас кинули в девяностом году, это позор... — про позор она рассказывала уже у дверей дискотеки. Я прикидывал расходы: пять баксов на такси (на Кубе бакс ходит наравне с основной валютой), по пять за вход, понадобится угощение... Да потом — сколько она запросит? Останется ли у меня расплачиваться за гостиницу? Она заметила перепад в настроении клиента и потянула меня за руку:

— Пошли, пошли. Э, да тут у нас обручальное кольцо! Ты женат?

— Женат.

— А я была замужем, и мне не понравилось. Выскочила, как дура, в семнадцать с половиной лет. А сейчас мне двадцать четыре, и мне не нужен никакой бойфренд.

В дискотеке по причине относительно раннего времени — всего-то полночь — было пусто, но уже стекался народ. Не танцевал никто — большая часть гостей сидела по углам и о чем-то спорила.

— Знаешь, — сказала Енисей, — я бы выпила «Бейлиса», пожалуй.

Дело Бейлиса, подумал я. Шестнадцать баксов порция. Видит Бог, не собирался ничего с тобой делать, девочка, но учитывая твои аппетиты, поймею по полной программе, пропадай моя телега. Себе я взял рому. Под «Бейлис» (бармен поглядел на меня сочувственно — влип ты, малый) она рассказала мне всю свою жизнь и даже показала идентификационную карточку.

— У меня все чисто, видишь? Я не то что эти с Малико-на! (Да что ж такое этот Маликон, подумал я, что за

волшебный край!) На Маликоне ты можешь поймать и СПИД, и герпес — у нас везде герпес, — и все что хочешь. Я учительница начальных классов. То, что нам платят, — это ничего, совсем ничего. Пятнадцать долларов моя зарплата, а цены у нас, знаешь, какие?

Цены я знал, знал и то, что в местной валюте все значительно дешевле, только обменивать ее надо на «черном рынке», а это большая головная боль. В конце концов на доллар можно купить мешок маленьких зеленых бананов. Купила бы себе мешок маленьких зеленых бананов и ела по килограмму в день.

— Мне тут недавно один мексиканец, — сказала она хрипло и доверительно, — подарил шестьсот долларов. Знаешь, за что? Всего-то я с ним тут потанцевала. Ты представляешь?

Это была то ли рекламная пауза, то ли — что несколько вероятнее — прямой призыв не жидиться.

— Сколько вы платите русским девушкам? — в упор спросила она.

— Баксов сто за ночь, — назвал я такую цифру, чтобы не слишком посрамить своих.

— Значит, и мне ты заплатишь сотню, — заявила она безапелляционно.

— Нет уж, Дженни, — обрадовался я предложению прикрыть всю эту лавочку еще в зародыше. — Мы сейчас выпьем, потанцуем, и я пойду себе в гостиницу. Серьезно.

— Но чем я хуже русских девушек? У тебя была когда-нибудь иностранка?

— Были, — сказал я. — Бывали дни веселые.

— А кто конкретно?

— Ну, все тебе расскажи. Немка была. Китайка. Американка.

— Черная?

— Нет. А ты что, можешь организовать черную?

— Нет, что ты. Я не люблю черных. То есть не подумай, что я расистка (она прочла мне небольшую лекцию о том, что на Кубе расистов нет, тут интернационализм), но все-таки черный — это черный. На Маликоне много черных. (На Маликон, на Маликон!) У меня тоже никогда не было русских, ты первый. У тебя ведь не было кубинки, ты еще не знаешь, что наши девушки — лучшие в мире!

— Да я тебе верю, но сто баксов — это не разговор.

— Но в России ты платишь столько!

— В России, Дженни, меня любят бесплатно. Пей давай.

— Хорошо, — она смягчилась. — Слушай, кто ты по профессии?

— Журналист.

— Ты приехал сюда делать бизнес? Или с вашим президентом?

— Я сюда приехал по своим делам.

— Если ты приехал с президентом, у тебя должно быть много баксов! Я читала, что в президентском окружении у русских все воруют, у всех куча денег!

Это карма, подумал я. Приехать на Кубу и попасть в лапы такой политически подкованной девушки. Выучить такую по-русски — и можно запускать в «МК». Черт меня дернул написать когда-то статью «Коллеги»!

Ее веселый и напористый селф-промоушен (во время которого она не забывала разнообразно тискать мою руку) заставлял меня испытывать что-то вроде профессиональной солидарности.

— Ну так сколько ты дашь? — не отставала она. — Смори: комната на ночь у нас стоит тридцать долларов.

— Че-го? Она у нас-то столько не стоит! — Я вошел во вкус, торговаться мне понравилось, и я в Эмиратах на базаре так не торговался.

— Слушай! — после каждого «Лиси, лиси» ее бархатные решительные глаза приобретали все более трагический вид, отвернешься — пырнет. — Слушай, ты не знаешь жизнь на Кубе. Жизнь туриста тут очень сильно отличается от прозябания местного народа.

— Уверю тебя, друг мой, у нас до всех дел было равно так же.

— Ты не знаешь, как мы живем. Заработать нечем, и все за всеми шпионят. Единственный способ для девушки выжить — это дружить с иностранцами. Видишь всех этих девушек?

Я огляделся. Девушек было навалом, куда более приличного качества, чем моя.

— Ты думаешь, они пришли сюда танцевать? Нет. Ты видишь, почти никто не танцует. Они договариваются.

— Что, все?

Она кивнула.

— И ни одной... это... просто так?

— С какой стати им после работы торчать тут ночью! — взорвалась она. Я, правда, не поверил, что они тут на Кубе очень устают. Увидеть работающего кубинца — вообще большая удача. Но, может, девушки и днем работают? Тогда, конечно, ноги не будут держать.

— Ладно, — сказал я. — За комнату плачу двадцать, тебе тоже двадцать, и уговорились.

— Ты не знаешь кубинских девушек! — взвизгнула она и пошла на второй круг, но тут уж я перехватил инициативу. Я в деталях рассказал ей, как мы у себя свергли советскую власть, и как много появилось у нас возможностей легально заработать, и каким отсталым, каким убогим выглядит сегодня их общество на наш взгляд, и как обязательно надо сместить коммунистов.

— Слушай! — воскликнула Енисей и окончательно ослепила глаза, сжимая мою руку. — Если ты так хорошо понимаешь всю нашу ситуацию... почему ты не дашь мне тридцать долларов?!

Я вспомнил, как сходными приемами, чередуя шантаж и жалобы, добивался многих интервью, ощутил еще один приступ профессиональной солидарности, расхохотался и согласился.

— Что ты смеешься? — обиделась она. — Чему ты вообще все время смеешься, что тут смешного, я не понимаю?!

— Еще немного, Дженни, — сказал я, — и я тебя полюблю.

Она спросила еще «Бейлиса», потом мы вышли курить во внутренний дворик, я оглядел бетонный парапет набережной (под ним во множестве гнездятся морские ежи) и поинтересовался, действительно ли эти ежи так вкусны, как описано у Елтушенко.

— Да ты что! — расхохоталась она. — Кто же их ест! У нас их используют только как наживку!

Так флер романтики спадал постепенно со всего — с братской Кубы, продажной любви и даже морских ежей.

— Тут гнилью пахнет, — сказала она. — Поехали, наверное? Я уж вижу, тебе не терпится. Но ничего. Это близко.

До нашего скромного гнездышка оказалось еще баксов семь на такси — другой конец Гаваны, как я смекнул. Шел третий час ночи, но из некоторых окон лилась музыка. Видимо, за день эти несчастные устали до того, что теперь не могли уснуть.

Мы вошли в какой-то домик, я как раз в таком оставался однажды в Геленджике, — те же занавесочки, этажерочки, что-то выходящее оплетает веранду. Хозяйка обрадовалась Енисее и ничуть не удивилась мне. Моя девушка что-то быстро произнесла по-испански, показывая на меня. После рома я был весел и беззаботен, так что уловил только неоднократное «руссо». Путин не упоминался. Потом она обратилась ко мне, как Троцкий к Ленину:

— Это очень надежная квартира.

— Да мне-то чего бояться.

— Тут есть кондиционер, — сказала она веско. — В других квартирах нет кондиционера. И тут есть душ.

Дженни потянула меня в заднюю комнату размером примерно с хрущобную кухню. Во всю стену был написан портрет красотки в одних трусах. По кубинским меркам это был предел сексуальной раскрепощенности. За картонной стеной послышался громкий неразборчивый разговор — мужчина бранил женщину.

— Это проснулся друг хозяйки, — шепнула Джени.
Я окончательно уверился, что нахожусь в Геленджике.
— Сейчас я пойду в ванну, — сказала она. — Но лиси!
Хозяйка сказала мне важную вещь. Во-первых, деньги за комнату вперед.

Я вынул двадцать баксов — отступить было некуда. Енисей выбежала в соседнюю комнату и сунула хозяйке. Мужчина за стеной тут же заткнулся. По-видимому, подействовало.

— Во-вторых, сейчас на Кубе очень большой наплыв туристов, — продолжала Джени голосом экскурсовода. — Просто не продохнуть. Поэтому через три часа сюда может прийти другая девушка с другим другом. И тогда нам придется уйти. Но уверяю тебя, мы все успеем.

— Не сомневаюсь, — сказал я. — Но мы договаривались на всю ночь.

— Лиси, лиси! Ты сможешь в эти три часа делать со мной все, что захочешь...

— Не знаю, чего я тут захочу, — сказал я, кивнув на хозяйскую комнату, где продолжалась ночная брань. — Но я заплатил двадцать долларов за ночь. Отдай, старуха, мои деньги, ведь я зарезанный купец, — последнее я спел по-русски и этим напугал ее окончательно. В комнате горел яркий свет — поярче, чем в нашем баре и в ихней дискотеке, — и при нем я различил, что ей действительно двадцать четыре года, а то и побольше, и жизнь ее была нелегкая, действительно нелегкая социалистическая жизнь, год за полтора. И мне не хотелось ее, этой нелегкой жизни. Мне надоело, что чуждая логика ведет меня каким-то странным путем, и я встал с жесткого дивана, намереваясь скандалить.

— Лиси! — заорала она, сверкая глазами. — Все, я беру у нее твои двадцать долларов, и мы едем ко мне! Но помни, ты сам этого хотел.

Видимо, для нее это была серьезная жертва. «Что ж у нее там такое?» — подумал я. Мы вернулись в хозяйскую комнату, где стоял телефон, и хозяйка, с ненавистью вернув двадцать долларов, вызвала такси. Потом она разразилась громкой тирадой в мой адрес.

— Что она говорит?

— Она говорит, — перевела Енисей, — что у нас очень трудная жизнь, что честной женщине на Кубе совершенно не выжить, а некоторые не хотят этого понимать!

В голосе ее звучали родные коммунальные интонации. Как сказал другой хороший поэт, я стремился на семь тысяч верст вперед, а приехал на семь лет назад. Это тоже карма, думал я. Всю жизнь в России мне было негде, всю жизнь друзья уступали мне комнату. Теперь, когда я решил свой квартирный вопрос в России, он догнал меня на Кубе. От судьбы не уйдешь, господи.

Подождало такси, мы опять поехали на другой конец города и наконец затормозили в каком-то древнем, очень католического вида квартале. Здания, как и почти во всей старой Гаване, были приземисты и полуразрушены. Осыпалась роскошь времен диктатора Батисты. Она долго возилась с замком и наконец отперла облупленную дверь. За ней было темное, кисло пахнущее помещение.

— Я здесь живу с теткой, — сказала она. — Мать на окраине Гаваны, а я у тетки.

Я представил место, в котором должна жить мать. Передо мною нарисовался беженский лагерь. Надо было бежать, но во мне уже включился профессиональный интерес — чем все это кончится. Одновременно с интересом включилась безбазурная лампочка под потолком (абажур-то она могла бы купить с шестисот баксов своего мексиканца, которого никогда не существовало в природе) — и из кислой темноты навстречу нам выступила с заискивающей улыбкой классическая героиня латиноамериканского сериала, потрепанная жизнью женщина после сорока, в ночной рубашке. Она сказала на нормальном сериальном языке и даже с теми же интонациями длинную фразу, которую с равным успехом можно было перевести и как: «Мой дом — твой дом, Луис Альберто», и

«Какая ты добрая, Мария!», и даже «Сеньор Хуан все еще не вышел из комы».

— Джени нашла своего потерянного брата, — объяснил я по-русски. Ром все еще действовал, меня разбирало хихиканье. — Нас разлучили в роддоме. Здравствуйтесь, тетюшка.

Енисей долго что-то объясняла ей (я скинул от смеха в углу), после чего обернулась ко мне и сказала:

— Тетюшка требует двадцать баксов за комнату.

— За пользование твоей же комнатой?

— Да, да! Дай ей сейчас, я потом сделаю тебе скидку.

Я вынул двадцать баксов. За такой цирк было бы не жалко и большего. Джени сунула тетке деньги (та с поклонами задом отпятилась назад во тьму), а моя девушка решительно потащила меня по скрипучей лестнице, какие бывают на наших средней руки дачах, на второй этаж. Второй этаж состоял из комнатки размером метра два на три, посередине которой на раскладушке спал и раскатило храпел абсолютно голый юноша лет пятнадцати.

— Это что, бесплатное приложение? Подарок фирмы?

— Тиши! Это тетюшкин сын, мой, как это... (Слова «племянник» она по-английски не знала.) Ну, я в ванную, а ты иди туда, — она указала на дверь в углу, и за этой дверью оказалась совсем уж крошечная каморка, уже в половине хрущобной кухни. На стене висел плакат «АВВА». Из мебели наличествовали кровать, будильник и зеркало. Я посмотрел в зеркало, и мне стало стыдно своей сияющей рожи. Отчего она сияла, я и сам не взялся бы объяснить: просто все это уж очень было смешно и почему-то трогательно, а жадность моей девушки жалобно испугалась ее нищеты (не может же быть, чтобы эту убогую декорацию вместе с теткой и племянником она специально наняла в целях вымогательства, а где-то на Маликоне жила в роскошных апартаментах, снятых на деньги бесчисленных мексиканцев).

Вскоре она вернулась из ванной, целомудренно одетая в какой-то сарафан.

— Иди в душ, — сказала она. — Я пока разденусь. Учти, по ночам в Гаване нет горячей воды.

Я зашел в совмещенный санузел — метр на метр, явно забитый и потрескавшийся унитаз, — потрогал ледяную чахлую струйку из душа, постоял для виду в помещении и пошел обратно.

Енисей лежала на диване, раскинув руки, как для объятия. Выражение ее смуглого лица, чуть подсвеченного бледным фонарем с улицы, передать было сложно. Доминировало на нем, однако, некоторое злорадство: вот видишь, словно говорило оно, ты этого хотел. Вот мы и у меня. Делай теперь все, что можешь, если что-нибудь сможешь.

— Курить можно? — спросил я.

— Кури, — разрешила она.

Я выкурил любимую кубинскую сигарету, стоя у окна, достал еще двадцать долларов и положил на столик.

— Джени, — сказал я, — я поехал. Все было очень хорошо.

— Крейзи? — спросила она, приподнимаясь на локте.

— Руссо, — ответил я. — Извини, не думай, что все русские парни такие. Но все, что мне было от тебя нужно, я уже получил. А для остального у меня жена есть.

Она фыркнула, натянула на себя одеяло и, кажется, мгновенно заснула. Ей завтра рано надо было вставать к своим первоклассникам.

Осторожно, стараясь не разбудить сначала племянника, а потом и тетку, я выбрался из дома, отпер наружную дверь, выполз на улицу и поймал такси. Внутренний калькулятор, ни на секунду не выключавшийся, выдал мне окончательную сумму: на такси в общей сложности двадцать, в дискотеке сорок, двадцать ей и столько же тетке. Сотня, не страшно.

Я улыбнулся на заднем сиденье. Я уже знал, какой рассказ я про все это напишу, во сколько мест продам и сколько за него получу.

Я бы съела

с большим удовольствием!..

— Мария Андреевна, шел к вам, думал, встречу фурию. Ведь говорят, вы известная скандалистка...

И что же я вижу: чай, торт, четыре кошки и милая хозяйка на классической интеллигентской кухне, где сто лет не было ремонта!

— Да я совсем не скандальная дама и терпеть этого не могу!

Но случился в моей жизни Глазунов, после — Шилов. Затем — скандал с «Петром» Церетели, участвовала в базаре, который затеял Марат Гельман. К искусству это не имело никакого отношения, но мне пришлось быть там в самой гуще...

ШИЛОВ

Призналась нашему корреспонденту член-корреспондент Российской академии художеств Мария Чегодаева. И объяснила, что сегодня выгодно покупать картины классиков и художников второго ряда конца XIX — начала XX века

Влад ВАСЮХИН

Лев ШЕРСТЕННИКОВ
(фото)

— Начиналось все так, — вспоминает Мария Андреевна, — о Глазунове я написала научный труд. Готовился сборник, я и сочинила туда статью. Меня не интересовала его личная жизнь, я же искусствовед. Но тогда, в 78-м году, поулыбались и сказали, что мне напечатать нельзя. Ну, нельзя и нельзя, и мое творение пошло по рукам, в самиздат, аж до Владивостока дошло. И стали меня приглашать с докладами на эту тему — физики, химики, лирики, каждый месяц по три-четыре раза, во все концы. Докладывала им о парадоксах Глазунова, о его православно-декадентско-диссидентской экзотике. Потом случилась выставка Шилова на Кузнецком Мосту. Сенсацонная! «Самого» Глазунова затмил. Я написала заметку. А спустя несколько лет опубликовала книжечку «Китч, китч, китч», куда все эти статьи вошли. Могу преподнести, если вас это интересует. И вот так на «королях китча» я сделала себе, к сожалению, скандальную популярность. А ведь всегда писала и о чудесных художниках, и не хуже писала, чем про Шилова с Глазуновым.

— Как «короли» реагировали?

— Как Шилов, не знаю, а Глазунов — это целая история. Где бы он только ни вылезал, обязательно меня вспоминал: есть какая-то там дамочка при искусстве, такая-сякая, которая его затравила. И какой несчастный он от этого человек. Глазунова никто не травил. Он получал все, что хотел, даже выставки в Манеже. Ну, художники его не принимали, игнорировали, не интересовались совсем. Все знали прекрасно, кто он и что он. Говорили, что он гэбист, но уж об этом я тем более не писала, не потому, что мне недоказуемо, а потому, что не имеет отношения к его искусству. Не писала и о его скандальной биографии. А все равно — затравила! И мне постоянно кто-нибудь из друзей докладывал: Глазунов выступал по телевизору и опять там тебя помянул.

И вот два года назад Церетели решительно пополнил Академию художеств. Принял в академики таких разных людей, что в былые годы их бы в жизни туда не пустили — Назаренко, Нестеров, Пологова, а меня, Глазунова и Шилова — в членкоры. Нам торжественно

вручали билеты, поздравляли. Это был цирк! Ведь Глазунов на дух не переносит Церетели, и сам хотел быть президентом Академии. Якобы сорвалось в последнюю минуту: приказ уже лежал у Ельцина на столе, но удалось сделать так, что его не подписали. И вдруг Илье Сергеевичу такое унижение — в членкоры! Вместе с Шиловым! Вместе со мной! Но Глазунов произнес речь, как он обожает Церетели, как он отродясь такого человека не видал и не слышал, краса и надежда России и не знаю чего. Долго говорил. Затем Церетели пригласил всех к себе в особняк. Был грузинский стол, все как полагается. Церетели угостить умеет. Рядом со мной сидел Май Митурич, а Илье Сергеевич наискосок. Мы с Маей болтали, вдруг Илюшечка через стол — ко мне: «Я все смотрю — какое прелестное лицо! И не знаю, кто это. А мне говорят: да это та самая Чегодаева!» Ну врет, как сивый мерин! Мы с ним знакомы с 60-х годов, виделись в Союзе художников. «Я вас уважаю!» — говорит. — Вы всегда говорили правду, то, что думаете. Это так хорошо. И вы так благородно выглядите». Полюбезничали.

А тут недавно явился Илюшечка на заседание президиума Академии художеств — поздравлять с окончанием работ в храме Христа Спасителя. Да будет вам известно, что всю эту затаенную Глазунов под себя устраивал, но ему улыбнулось, все в храме сделала Академия. И вот пришел поздравлять: как он счастлив, какой это подвиг, и как все чудесно, прелестно, и какой Зураб Константинович необыкновенный! Преподнес подарок. Я уж думала: боже, не иначе свою картину. Нет, превосходный деревянный рельеф, пожалуй XVII века, апостолы. Хорошо. А Зураб ему: «Ну что, Илье Сергеевич, мы с тобой старые друзья! Вот теперь вместе как-нибудь портрет Шилова напишем!» Все поперхнулись. А Глазунов, я думаю, чего примчался-то: скоро выборы академиков, у него надежда, что, может, его из членкоров да в действительные члены переведут. А с Шиловым они друг друга ненавидят. Люто!

— Из-за чего?

— «Солнцэ в нэбе адно!» — как говорил Лаврентий Павлович. Не может быть в одной стране двух величайших художников.

— А как же Никас Сафронов?

— Ну-у-у! Это мелочь...

— А вот я намерен был на открытии его выставки в Библиотеке иностранной литературы, так ему г-жа Гениева, директор этого культурного учреждения, такие дифирамбы пела. Почему все же публика, даже образованная, начитанная, по лучшим музеям мира походящая, по-прежнему тащится от тех же Шилова с Глазуновым?

— Сейчас они, конечно, не то, что раньше. Все-таки их «расцвет» был в семидесятых, восьмидесятых. А успех объясняется тем, что они безумно нравились обывателю. Приводили в восторг даже не совсем дремучих людей, но и интеллигенцию. Шилов в глазах многих — классические портреты. Почти Брюллов, понимаете. Почти Кипренский. Псевдоклассичность работ Шилова оказалась как раз на уровне профессионально сделанного. Живопись мелочная, гладкая, без широких мазков, без корпусной прокладки, жесткая и не лепящая, а раскрывающая форму. Дело не в том, что парадный портрет. Парадные портреты, слава богу, бывали хорошие. А эти, пожалуй, еще с фотографии сделаны. Я, конечно, не могу документально доказать, но убеждена, что фотометод. Очень просто: берется холст, берется слайд, проецируется и прописывается. Вы чаю еще хотите?

— Хочу. Кстати, был у меня соблазн по дороге к вам прикупить шоколадных конфет с картиной Шилова на коробке, но предпочел все же нейтральный рисуночек — не знал, как вы к такому перформансу отнесетесь.

— Я бы съела с большим удовольствием! Вы знаете, об иных картинах так и говорят: «конфетная коробка». По-моему, Шилову с его салонной живописью там самое место.

— А у него галерея напротив Кремля!

— Ну и пусть будет. Ему ведь потрафляет Лужков.

— Послушайте, княгиня! Вам за ваши речи поклонники придворных живописцев камни в окна еще не бросали?

— Нет. Я же никогда не пишу просто ругательство, что это бездарно, погано, никогда не svoju критику к скандалу. Когда все научно трактуется, возражать трудно. Я же по образованию театральная художница, много на этом поприще работала, знаю природу творчества. А Глазунов, я подозреваю, был очень даже доволен.

АВТОРИТЕТНЫМ ИСКУССТВОВЕДОМ ЧЕГОДАЕВУ НАЗЫВАЮТ ДАЖЕ ТЕ, КТО ТЕРПЕТЬ ЕЕ НЕ МОЖЕТ. НАШИХ ХУДОЖ-

— Ваши тексты — это же памятник ему!
— Ну, надо мне было содрать с Ильи Сергеевича хорошие деньги. Чего его зазря рекламировать?!

— Мария Андреевна, что мы все две фамилии мусолим, как вы в принципе к современному искусству относитесь?

— А я не знаю, что такое «современное искусство»! Сейчас, вы меня простите, развал, как на базаре. Пойдите вон на Крымский мост — все жанры, все направления. Эпигонство. Глазунятины — сколько хотите, пожалуйста! Что уютно для души: от Кулика с козой до Шилова. Кстати, это очень близко сходится. Есть очень хорошие художники. Такие, как Илларион Голыцын, Май Митурич, Никитин, Смолин, поколение 70-х, они и сейчас достойно работают. И старшее поколение доживает век — остатки академизма, «деревенщички». Они пишут, как писали раньше, только теперь — церквушки, портреты митрополитов. Все теперь правосла-а-авные... Стиль «рюсс». Старье-мурье. А молодежь совершенно сбита с толку. С одной стороны — вышеупомянутые товарищи, а с другой — авангард, который утверждает, что в XX веке всякое реалистическое искусство уже заведомо тоталитарно, и для них XX век — только авангард, все остальное — мракобесие и соцреализм. Мол, и Фаворский, и «Уходящая Русь» Корина — это соцреализм. Вот молодые и мечутся: чем жить? как жить?

— А что вы о Комаре и Меламиде скажете?

— Они сейчас не копируются. Соц-арт умер вместе с «соц», он был тенью. А что они делают в Америке, я не знаю.

— Хорошо, а допустим, как вы к видеонам Андрея Вознесенского относитесь?

— Ох! Лучше бы он писал стихи... Это все выглядит очень жалобно. Дилетантизм. Сейчас нет критерия качества, мастерства, ремесла. Вы можете делать что хотите и заявлять, что это концепция. И можете смело выставлять, издавать.

— Как великий Кабаков?

— Я Илюшу Кабакова знаю с детства, он умный и хитрый, и мне кажется, он просто издевается: «Хотите? Нате, подавите!» Вы видели его альбомы, в которых белые страницы одна за другой, потом на одной — вот такая мошечка, а на следующей странице написано: «Иван Петрович поругался с Марьей Ивановной», и снова белые поля? Или вдруг вклеен его старый рисунок для детской книжечки, только мордочка вырезана. И умные искусствоведы будут вам объяснять: это концепция, мировая философия, вам предоставлена возможность стать соавтором и, глядя на белую страницу, вообразить, что вам уютно... Голый король! И вы и я сможете сделать такой альбом, а дальше — дело рекламы.

— А без рекламы художник может достичь успеха, славы или надо обязательно какие-то побочные телодвижения делать?

— При жизни трудно. Но настоящие художники никогда себе никакой рекламы не делали. Настоящие в другой плоскости живут. Конечно, всем нужны деньги, все рады известности, резонансу, однако я знала и знаю многих, для

проблемы никого не волнуют, а это заговор против Церетели. Военный совет — как его выгнать из Москвы. Вопросы качества никого не интересовали, просто в московскую архитектурную мафию вторгся грузин и урвал кусок пирога. Хорошо урвал. Перехватил заказы на Поклонной горе. И надо его ликвидировать. Я это выслушала. Ушла. После позвонили из Союза художников, потом с телевидения — пора выступить. После четвертого или пятого звонка я сама набрала номер Церетели: «Зураб Константинович! Я буду вас защищать. Я в стае не бегаю и в мафиях не участвую. И меня не купишь». Поскольку речь шла не о творчестве, а о пироге, то мне было совершенно безразлично, кто от этого пирога больше отъел. А травля, да еще по национальному признаку: грузин! чужак! — мне очень не понравилась. Я, говорю, в подобном участвовать не буду. А когда стали ругать скульптурную композицию Церетели, посвященную жертвам войны, даже написала злую статью: что было не только 9 мая, но и 22 июня. А дальше — история с памятником Петру Великому.

— Забавная была затея: «Долой царя!» Помню, я тоже куда-то наклейку прилепил с перечеркнутой скульптурой. Взбаламутил Марат Гельман москвичей.

— Пусть он своей бабушке рассказывает, что его волнует облик Москвы! За спиной Гельмана был Березовский, который хотел сделать гадость Лужкову, а заодно и Церетели. А Москва приняла закон о референдуме. Достаточно набрать 10 тысяч подписей и можно устроить общегородской референдум вроде: «Нужен ли нам

НИКОВ, ТОЧНО ПЕРСОНАЖЕЙ «ГОРЯ ОТ УМА», ВОЛНУЕТ, «ЧТО СТАНЕТ ГОВОРИТЬ КНЯГИНЯ МАРЬЯ». ЧЕГОДАЕВА И В САМОМ ДЕЛЕ БЛАГОРОДНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ПРИНАДЛЕЖИТ К ДРЕВНЕМУ ДВОРЯНСКОМУ РОДУ, ПРЕДКИ ЕЕ — ТАТАРСКИЕ КНЯЗЬЯ

которых этого просто не существовало. Представить, чтобы Фаворский думал о рекламе! Иногда шумиха случалась, но сама собой.

— Я слышал, Михаил Шемякин — гений саморекламы. Как он вам?

— Шемякин — человек небездарный, профессионал. И отливщики у него хорошие. Бронзу отлить, отшлифовать — это он умеет. Его скульптуры всегда здорово смотрятся. И неплохие маленькие скульптурки-арлекины. Но он, конечно, торговец, деловой товарищ. А для торговли нужен скандал, шум, сенсация. У Шемякина положение сейчас шаткое, он же вылез на волне диссидентства, когда за границу уехал. А это прошло, и Шемякин болтается тут, вокруг Лужкова танцует, надеясь, что ему перепадет какой-нибудь заказчик, и вокруг Зураба.

— Давайте о Зурабе нашем Константиновиче поговорим. Вы ведь Церетели давно знаете?

— Его работы я знала давно, но знакомы мы не были. И где-то в 80-х, задолго до «Петра», пригласили меня однажды на тайное собрание. Сказали, соберутся московские архитекторы и художники-монументалисты поговорить о состоянии монументального искусства в наше нелегкое, переходное время. Ну ладно, я пришла. Оказалось, что никакие монументальные

Большой театр?» Эти подвиги Гельман и его ребята собрали бы как миленькие, без проблем. И Лужков запаниковал. Создали комиссию: с одной стороны — Гельман и мальчишки из журнала «Столица», с другой — Табаков, Сенкевич Юрий, путешественник, он у нас председателем был, Александр Николаевич Крутов из Думы и я. Стали разбираться. Два месяца ходили в «книгу», то есть в здание мэрии, бывший СЭВ. Оказалось, ничего не было нарушено, а то ведь гуляла версия: Церетели привез скульптуру и поставил Нет, Зураб знает, с какой стороны у бутерброда масло. Архитектором у него был Вавакян, главный архитектор Москвы, и еще девять согласований было получено. Кстати, даже конкурс объявляли. Кербель своего Петра выставил. Бог знает что! Зураб по сравнению с ним Микеланджело. Ну и решили вместо референдума провести два социологических опроса — со стороны мэрии и со стороны Гельмана. А дальше случилось самое интересное: Гельман вдруг перевернулся на 180 градусов!

— Ходили разговоры, что Лужков решил перестраховаться и просто «купил» Гельмана! Правда?

— Можно только догадываться. Но Гельман себя как проститутку повел. Бедные его маль-

чики, оказались они сиротами. Понимаете, это был юбилейный для столицы год, 850 лет, и Лужкову в такой момент сносить памятник императору было совсем не с руки.

— А что же социологи?

— Социолог от Гельмана сдал честные сведения, они совпали с нашими цифрами. Девять десятых москвичей считают, что уж если памятник стоит, то ломать нельзя, и так наломали. А знаете, какие памятники нравятся москвичам больше всего? Из старых — Пушкин и Гоголь, а из новых — тоже Гоголь и Юрий Долгорукий.

— А правда, что Церетели переделал Петра из Колумба?

— Приставил голову?! Да Зураб фонтанирует творчеством, как ребенок! Он вам сто Петров сочинит.

— Кажется, вы к Церетели равнодушны, а у него такая скандальная репутация.

— Церетели — хороший мужик! Щедрый, яркий, темпераментный. Он много помогает художникам. Нужны деньги на лечение — вынет из кармана и даст. У Бориса Ефимова, карикатуриста, была катаракта, почти ослеп, его водили под руки и нигде не брались оперировать из-за возраста, а Зураб нашел, оплатил. И сто роз ему на 100-летний юбилей преподнес. У Церетели манера такая — чуть что, розы дарит охапками. Да, делец, денежки умеет зарабатывать. Очень много политики разводит. Он такой кацо — все его видят, все его слышат. Отнял вот у генералов дворец под выставочные залы Академии. Со вкусом, правда, у него не всегда. Но живопись у Церетели хорошая, и если сделать отбор, так он вообще живописец первого ранга. А к «Петру» его я равнодушна, пускай стоит — это место на фоне «Красного Октября» с трубами испортить уже ничем нельзя. А вообще «Петр» не на своем месте, тесно там, ему бы стоять на речном просторе. Да вы поймите: я никогда не буду хвалить то, что мне не нравится, но то, что нравится, всегда поддерживаю.

— К вам, как к большому специалисту, наши богатые люди обращаются за консультацией: в какие картины вкладывать денежки, а в какие ни за что на свете?

— Я с этим крутом дела не имею. У других людей одно время была экспертиза. Есть замечательный человек, Сергей Иванович Григорянц, знаменитый диссидент, он великолепный знаток искусства, коллекционер высокого класса. У него дивная коллекция. И я была у него консультантом, находила специалистов, которые могли бы дать заключение. Теперь перестала этим заниматься.

— А кого бы вы посоветовали сейчас покупать? Ведь прежде русские купцы приобретали еще нераскрученных Матисса и Пикассо, а теперь их полотна — целое состояние.

— В те времена это делалось не совсем набум. Было ясно, что дело серьезное, и они понимали, что риск оправданный. А сейчас я не вижу в России такого явления. Не могу сказать: за тем или иным художником будущее. Сегодня выгоднее покупать классиков. Классика никуда не денется. И есть смысл приобретать хорошие вещи художников второго ряда конца XIX — начала XX века. Их имена не так знамениты, но они останутся.

— Ну а как же с «королями»?

— Шилов покупать не стоит. Всегда будет новый Шилов.

«Комар и Меламид сейчас не котируются. Соц-арт умер вместе с «соц»

«У Глазунова история, философские аллегории, русская старина — все в равной степени является профанацией: и темы России, и исторических трагедий, и философской значительности»

«Псевдоклассичность работ Шилова оказалась как раз на уровне псевдознаний сотен зрителей. Сопоставились между собой достаточно ловкая подделка под классику и невежественное, но самоуверенное представление о классике»

Михаил ПОЗДНЯЕВ
Владимир ЛУПОВСКОЙ (фото)

Сцена представляет собой малый зал московского театра «Школа современной пьесы». Гришковец раз в месяц приезжает из Калининграда, чтобы играть здесь моноспектакли «Как я съел собаку» и «Одновременно», в добавление к идущим в «Школе» «Запискам русского путешественника». До начала спектакля три часа. Гришковец отвечает на мои вопросы, попутно руководя монтировкой декораций. Декорации такие: четыре длинных гвоздя, вбитых в пол, с натянутой на них белой тонкой веревкой (что-то вроде очень низкого боксерского ринга); над этим рингом на ниточках звезды, луна, самолеты и пара космических кораблей, вырезанных из картона. Еще на сцене будут вентилятор, стул и учебное пособие, изображающее внутреннее устройство человека. Звезды, самолеты и человека в разрезе Гришковец возит с собой в большой папке, заклеенной лентой «скотч». Пока я задаю первый вопрос, монтировщики селятся отодрать от папки ленту «скотч», это у них получается плохо. Гришковец немножко злится, монтировщики Гришковцу говорят, что они устали, вкалывали весь день, а Гришковец отвечает, что сутки у всех людей одинаковые, 24 часа, и он тоже устал, а ему еще играть спектакль.

— Евгений, вас не обижает, что на спектаклях так часто смеются?

— Ребята, нельзя же так! — это монтировщикам: они являют уже смертельную угрозу для папки с человеком и звездами. Гришковец объясняет, что в таких случаях применяется ножик. У них ножик есть, но за ним далеко идти, Гришковец бежит за своим, очень хорошим; Гришковец вскрывает папку одним взмахом, как опытный патологоанатом, и возвращается отвечать на мой вопрос про смех.

— Нет, меня смех не обижает. Потому что я понимаю разницу в качестве смеха. Смех для зрителя — это единственная возможность участвовать в диалоге. Люди смеются, и я понимаю: они меня внимательно слушают, и узнают то, о чем я им говорю.

— Но пьесы-то ваши скорее грустные. Вот я читал — ни разу не засмеялся. Бывало так, чтобы на спектакле не смеялись? Может, за границей?

— Нет, и там смеялись, как в Москве. Меньше всего смеха было в Иркутске. Театральная традиция у них — не такая богатая. Люди не видели в этом собственно театра — было скорее попадание совсем, что называется, в жизнь.

МО

— Качество жизни у них такое, что не до смеха?

— Боже мой, да количество счастья и несчастья везде одинаково! Что, мы менее счастливы, чем немцы, у которых гораздо больше комфорта и жизнь более устоявшаяся? Нет. Просто в Иркутске зрители не почувствовали дистанции между своей жизнью и мною, который им вроде бы про свою жизнь рассказывает. Они отказывали спектаклю в том... что это спектакль. Аплодировали стоя. Но смеялись меньше, чем в Москве или Вильнюсе, где театр — отдельная часть жизни и важная часть жизни города.

— По поводу дистанции. Тот человек, что выходит на сцену, когда Евгений Гришковец, сделав вступительное слово, уходит за кулисы, он подозревает о том, что с Гришковцом за последний год случилось?

— Конечно, и он стал другим. Ведь этот текст нельзя произнести слово в слово, запятую в запятую. Не просто меняются слова, их последовательность... меняется и ощущение значительности сказанного. Потому что внимание к тому, что я произношу, все более возрастает, и пафосу остается все меньше места... пафоса и так в спектаклях было совсем мало, а теперь его практически вовсе нет. Это реакция персонажа на то, что со мной происходит. Но это и моя реакция. Я же не понимаю внутри спектакля, где я и где персонаж.

Тут я сказал Гришковцу, что критики возводят родословную его персонажа к Чаплину, Марселю Марсо, Полунину. А мне вспоминается Шукшин. Не только потому, что Гришковец тоже сам и сочиняет, и ставит, и играет, но еще потому, что (это — к реакции зрителей в Иркутске) выламывается из рамок «искусства для искусства».

— Спасибо. Но полагаю, что и мой персонаж, и персонаж Шукшина все-таки находятся только на территории искусства. Природа смеха здесь и там если не одинаковая, то...

— Самолетики мы каким подсвечивали? — крикнул в этот момент из своей будки осветитель. — Я не помню что-то! Голубым?

— Чахотку ставили, — сказал Гришковец.

— Чахоточку, ага.

— Вы извините, — сказал Гришковец, наблюдая за чахоткой, — придется прерваться, иначе они не смогут сделать как надо.

И пошел руководить развешиванием звезд и самолетов. Звезды и самолеты должны висеть на разном расстоянии друг от друга и от пола. Следом возникла другая проблема: куда-то запропастились гвозди. Уборщица, мывшая пол, сказала, что гвоздей не видела.

Мизансцена театра абсурда: перепутанная тетенька со шваброй, Гришковец, ползающий по полу в поисках дырок от гвоздей (запасные, импортные, были при нем), и монтировщики, спускающие из-под потолка звезды на ниточках.

— И так всегда? — спросил я звезду русского театра. — Приезжаете за три часа до спектакля, ставите чахотку, сами вбиваете гвозди?

— Ну конечно. У меня же нет своих монтировщиков и осветителей. И потом... у меня же нет своего дома в Москве. После спектакля думаешь: домой пора идти... а идти некуда. А в Калининграде просыпаешься и думаешь: куда-то надо идти... и тоже идти некуда. Здесь возвращаться некуда, а там уходить. Непростая ситуация. Но я не знаю, что должно произойти, чтобы мне захотелось переехать в Москву, — с семьей, с вещами. По крайней мере в данный момент.

— Значит, в Москве Гришковец играет, а в Калининграде пишет?

— Нет, я там живу.

Я представил себе такую жизнь и опять почувствовал себя зрителем театра абсурда. И пересказал Гришковцу свой разговор с композитором Владимиром Мартыновым, считающим, что и жизнь, и искусство зашли в тупик.

— А у меня был не так давно серьезный спор на повышенных тонах с одним богатым человеком: у него свой автосалон. Он говорит мне: «Ты вспомни, Жень, раньше были «Дип Перпл» и «Куин», а сейчас послушать нечего...» — «А ты вспомни, — говорю, — в каком году ты занялся зарабатыванием денег...» Беда этого человека в том, что он может сегодня купить любой компакт-диск, но в его жизни нет музыки. Совсем. Вот и все. Кончилась не музыка — кончилось время, когда она занимала в его жизни гораздо больше места. Может, и не свое место занимала. Так устроен человек, что чем старше становится — сложилась его жизнь или не сложилась, стал он всемирно известен или не стал никем, — ему все труднее признать: жизнь продолжается без него, во всех проявлениях и универсалиях, и появляются люди, которые не просто говорят, а мыслят на другом языке. Человек только тогда счастлив, когда он совпадает со временем, а еще лучше, когда его возраст совпадает с ощущением времени. В недовольстве временем есть некая типичность. Посмотрите, как изображено сегодняшнее время в спектаклях и фильмах, скажем так, пожилых режиссеров: молодые люди там — сплошь бандиты, наркоманы, гомосексуалисты и прочая... Настоящая жизнь и даже настоящее содержание жизни тех же бандитов этим режиссерам недоступны. Мало кто способен до конца, соответствуя своему возрасту, быть современным. Вспомним академика Лихачева или Зиновия Гердта — эти люди могли что-то не понимать, но не гневаясь, не раздражаясь, не кляня время. А ведь с ними уходила эпоха... но уходила чудесно... без хруста кулаков и скрежета зубов. На мои спектакли приходят люди, которых уже я могу назвать молодыми, и я их тоже не очень понимаю... но с какой стати я буду на них обижаться? Никогда не стану говорить, что на мне театр кончился. Можно говорить о конкретных театрах — один кончился, а другой начался.

— Как вы относитесь к тому, что на афише, которая внизу висит, написано «Весь Гришковец»? Я имею в виду не то, сколько вы написали, и не то, сколько места занимает в вашей жизни спектакли.

ГРИШКОВЕЦ МОНТИРОВЩИК ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Евгений ГРИШКОВЕЦ (род. 1967) окончил филологический факультет Кемеровского университета. Служил на Тихоокеанском флоте. В 1991 г. создал театр «Ложа», за семь лет существования которого было сочинено 10 спектаклей, в основном методом «коллективной импровизации». Затем переехал в Калининград. В декабре 1999 г. был удостоен премии «Антибукер», через три месяца — двух «Золотых масок» (в номинациях «Новация» и «Приз критики»). Участвовал в нескольких престижных международных театральных фестивалях. В декабре 2000-го — лауреат Национальной премии «Триумф» (поощрительная молодежная премия)

— Ой-ой! — это Гришковец обратился к монтировщикам звезд. Выше поднимите, пожалуйста.

— Но действительно возникает ощущение, что вот этот матросик, съевший собаку, — весь Гришковец.

— Еще чуть-чуть. Стоп! Я не могу в процентном отношении вам сказать, сколько меня здесь и там. Потому что, готовясь к спектаклю, я могу, например, усиленно скучать по жене. Вот сегодня у нее день рождения, а я здесь, приеду — отметим. Зачем вы опускаете ракету? Поднимите повыше!

— А сколько звезд у вас должно быть? — спросили Гришкова с верхотуры.

— Восемь.

— А у нас тут шесть.

— Значит, зрители оборвали.

Пошли искать картон. И ножницы. Звезды вырезать.

Я признался Евгению, что наблюдаю за происходящим как за дополнительным — для меня лично сыгранным — спектаклем. Я спросил Евгения, не жалко ли ему в хвост и в гриву эксплуатировать своего матросика. И не спросил, кончатся ли когда-нибудь аншлаги на Гришкова.

— Я не эксплуатирую матросика, я играю спектакль. «Как я съел собаку» я играю не чаще, чем три раза в месяц. И мне нравится его играть. Мне не нравится такой режим жизни. С другой стороны, пока у меня есть силы, могу играть побольше, но я себе уже дал слово, что «Как я съел собаку» сыграю еще один сезон.

— И что, не будет спектакля? — ужаснулся я.

— Может, изредка, на фестивалях. Ведь я за еще один год стану взрослее, и персонаж на столько же станет взрослее, что-то в нем изменится наверняка. Придется искать для него новую историю, соответствующую новому возрасту. Иначе появится та самая чудовищная неправда, которая часто отталкивает людей от театра.

— Вы, наверное, слышали, что Венедикт Ерофеев много лет рассказывал в застолье «Москву — Петушки», пока друзья не заставили его сесть и эту великую книгу записать.

— Да, я слышал об этом.

— Но вы-то свои две истории вначале написали?

— Нет, они тоже сначала родились в устной форме. Когда мне понадобилось превратить их в тексты, через год после премьеры первого и месяца через три после премьеры второго, я сел перед видеомagneтофоном и стал прилежно записывать, и ничего не получилось. Тогда взял и написал его по законам текста. Не совпало совершенно, даже по композиции.

— А эти две истории — реальные?

— Меня об этом почему-то все спрашивают. Я всегда отвечаю так: это то, что со мной было, и то, что я точно знаю.

— С какой истории вы начали сочинять «Как я съел собаку»? Случаем, не с заглавной?

— Не могу вспомнить. Было много-много байек, ну как у всякого человека, служившего на флоте или в армии. Потом всем этим байкам не нашлось места в спектакле. Там ведь нет практически ничего про то, как я служил, что делал, кем я был. Ничего — кроме того, что была съедена собака и что я действительно был на Русском острове, ну ничего ж там, никакой информации нет! Это и не нужно, совсем не это важно.

— А что важно?

— Что слушают.

— А вы способны сами сидеть и слушать почти два часа чужой рассказ, почти не несущий в себе никакой информации? Такое бывает? Вот нам с вами сейчас так не удается — то звезд не хватает, то гвоздей.

— Ну, поэтому такое — чтобы один другого два часа слушал — и может быть только в театре. Ситуация спектакля — это совсем другое, чем дружеская беседа. Или, знаете, когда человек пять анекдоты травят, каждый не слушает чужой анекдот, а мучительно ждет, когда очередь дойдет до него. Иногда, редко правда, люди со мной начинают вдруг разговаривать из зала — не из желания поспо-

— Ну, к малым и большим. Которые на вас просыпались.

— А, к этим. Я живу весь этот год с удивлением. Знаете, как я в спектакле говорю: «Каждое утро во время службы просыпался и ощущал себя — я матрос! Настоящий! Не может быть!» Вот так же и здесь: вдруг обнаруживаешь себя на сцене Малого театра, где тебе вручают «Золотую маску» и перед тобой полный зал артистов, которых знаешь с детства. По кино и телевизору, конечно, потому что в городе, где я родился и вырос, театра не было. Шок не проходит. Иногда по улице идешь, вдруг — раз! Человек с тобой встретился взглядом, и ясно, что он тебя узнал. Но я же его не знаю. Станный момент.

— А можно об этом спектакль сделать? О том, как вдруг на человека, тихого, провинциального, сваливается успех?

— Я как раз хотел вам об этом сказать. Два моих моноспектакля, такие счастливые, сентименталистские, были сделаны в период абсолютной неустраиваемости и абсолютной бесперспективности существования. Сейчас у меня совсем иные возможности, но я пишу пьесу «Город» — о том растерянном состоянии. Человеку надо все прожить, и счастье, и несчастье. Когда возникнет у меня дистанция по отношению ко всему составляющему сегодняшнее мое состояние, тогда я вам об этом смогу рассказать. Но опять-таки рассказать не свою частную, но по возможности универсальную, знакомую вам историю.

Вот эти две звездочки ниже опустите! Ага! Спасибо.

— Я вам, Евгений, сейчас последний вопрос задам и тоже скажу «спасибо». И ваш персонаж, и те, кого в «Записках русского путешественника», здесь, у Райхельгауза, потряса-

юще играют Бочкарев и Стеклов, — это ведь растерянные люди. То есть отражающие главное состояние сегодняшнего среднего, не будем говорить «маленького», человека.

Но они — счастливые люди?

— Они — живые. Я же не могу про себя сказать, что я счастливый.

— Это я вас возвращаю к первому вопросу. Вам не кажется, что зрители смеются над их растерянностью, беспомощностью?

— Нет. Смеются только тогда, когда узнают себя. Даже в грустных моментах. Над персонажем Василия Ивановича Бочкарева смеются больше как раз по той причине, что ему больше сочувствуют.

Ну какая у зрителя возможность поддержать персонаж — не актера, но именно персонаж? Чуть погромче смеяться. Вот и все.

На самом деле я после каждого спектакля счастлив. Спектакли принимают так хорошо, и это так приятно.

Едешь туда, где сегодня в Москве ночеешь, и ловишь себя на том, что надо убрать улыбку с лица. Как, помните, Смоктуновский, в «Берегись автомобиля», после премьеры «Гамлета», сидит в милицмейской машине с цветами, улыбается. Вдруг вспомнил, где он и куда едет — в тюрьму! — убрал улыбку, а она опять расплывается. Вот и я так же.

Ну разве что еду не в тюрьму.

Хотя, было дело, после вручения мне одной премии попал в милицию. Не успел оформить московскую регистрацию.

Но это совсем другая история.

Евгений ГРИШКОВЕЦ живет в провинции и сочиняет пьесы для театра («Зима», «Записки русского путешественника») и для себя («Как я съел собаку», «ОдновреЕнно»), и в любом случае — аншлаг. Люди сегодня ломаются на Гришкова — на его пьесу или на него самого, — как ломались разве что 30 лет назад в «Современнике» и на Таганку...

рить или мне помешать, наоборот, забывают про спектакль. И я тогда им отвечаю со сцены: «Понимаете, я не виноват, что один купил билет, сел и молчит, а другой вышел на сцену и говорит. Так устроен театр. Такое устройство. Не я это придумал, извините...»

— Какое самое печальное событие было в вашей жизни за последний год, в который столько звездочек на вас просыпалось, начиная с «Антибукера» и кончая «Триумфом»?

— Малым «Триумфом». Начиная большим «Антибукером» и кончая маленьким «Триумфом».

Гришковец рассмеялся. Первый раз вижу, что Гришковец, всегда такой печальный или серьезный, может смеяться во всю головушку.

— Нет, я не хочу сказать, что печальным событием для меня является то, что «Триумф» небольшой. Шучу. Не знаю.

Принесли картон.

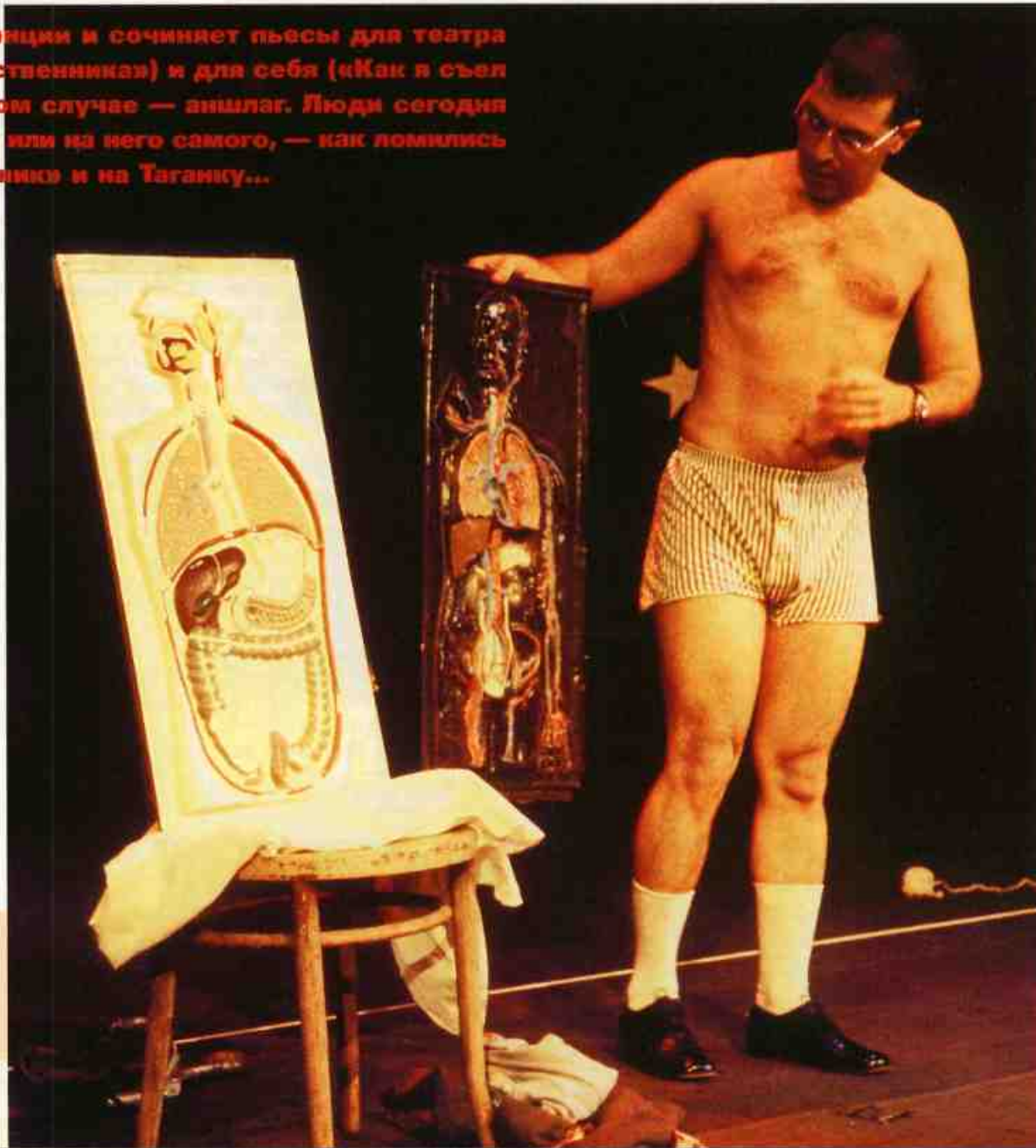
— У вас, говорят, ножик был острый.

— Ножик был, — говорит Гришковец, — но это надо вырезать ножницами. Попросите у секретаря... или в мастерской. А если дадите мне карандаш, я нарисую звездочки. Вот... — рассматривает Гришковец обрывок картона. — Сейчас я вам расскажу о печальном событии. Я как личную трагедию воспринял гибель «Курска». Дело в том, что я сочинил новый спектакль. «Дредноуты». Спектакль для женщин — про то, как погибают мужчины. Про то, почему они, зная, что могут погибнуть, все-таки уходят в море. Спектакль я закончил за месяц до гибели подводников, собирался показать его осенью. Теперь текст переписывается — в сторону смягчения трагедии, растворения ее в воздухе. Видите, ничего не происходит просто так.

— Это и к звездочкам относится?

Гришковец, рисующий на картоне звездочки, спрашивает:

— К каким звездочкам?

Игорь МАЛЬЦЕВ,
спецкор ИД «Коммерсантъ»,
специально для «Огонька»

Новый век на Таймс-Сквер в мировой столице типа Нью-Йорк шумно вновь встречали с Мэрилин Мэнсоном. Самый заслуженно ненавидимый артист США уже открыл прошлый коммерческий фальстарт века тут же на Таймс-Сквер (это на Бродвее). Похоже, что он сам себя назначил иконой 00. Похоже, что он сам от этого страдает.

Можно спорить даже с наивными объектами манипуляций из передачи «12 злобных зрителей» на этот счет, но факт остается фактом: группа Брайана Уорнера Marilyn Manson сейчас лучшая гастролирующая рок-банда в мире.

Вы, наверное, спросите про Oasis или Radiohead. Но мы же говорим про рок-банду. То есть про секс, драгу и рок-н-ролл. Про travelling band в самом базовом смысле слова с бесконечными пыльными дорогами, шоу на ярмарке с бородатыми женщинами и плюющимися пуританами-фермерами на обочине. Во главе с местным священником.

«Вчера мне приснился сон, — кидает Мэнсон слова в зал, издаваясь над знаменитой речью М. Лютера Кинга, — будто стою я на берегу моря водки среди барханов кокаина под небом из ЛСД. А кругом стоят менты и ни черта не могут мне сделать. А когда я кончил, с небес спустился Господь и сказал: ныне мое имя будет звучать так — D! (толпа кричит по буквам как на Вудстоке слово «fuck») R! U! G! S!»

Позади Мэнсона зажигаются огромные буквы DRUGS для тех, кто не расслышал, и публику сносит ударной волной бас-гитары Твинти с хитом «Я не люблю наркотики (наркотики любят меня)». Впрочем, слова «лекарство» и «наркотики» по-английски — одно и то же слово.

В своей краткой речи м-р Мэнсон умудрился подвергнуть сомнению и насилию все американские ценности: он знает, чем закончилось агрессивное самоопределение афроамериканцев после рассказов Кинга (достаточно ознакомиться с ленивым и преступным бытом черных кварталов), он смеется над полицией, он издевается над Вудстоком (возьмем за руки, блин, друзья), он кричит «кокаин», когда от этого слова вздрагивают даже сильно пьющие журналисты.

Когда во время исполнения песенки «Сладкие мечты» из репертуара Eurhythmics загорается пятиметровый крест, по коже бегут мурашки, глаза ищут в зале афроамери-

канцев и ты невольно начинаешь думать: «Боже, рок-н-ролл надо запрещать везде, где он появляется». Урод Мэнсон своего добился. Он вернул рок-музыке чувство запретного в наши дни, когда плюй в глаза кому угодно (за деньги) — все божья роса. В годы, когда дизайнер группы Sex Pistols (последних сокрушителей устоев) г-жа Вивьен Вествуд, придумавшая в 1977 году для Роттена майку с огромной свастикой и надписью «Destroy!» стала шварней Дж. Версаке, срубает немереные бабки, кто-то должен поставить мир на ноги. Даже если для этого самому придется встать на голову.

Marilyn Manson, безусловно, — цирк уродов. Каждый, кто выходит с фронтменом Marilyn (Monroe) (Charles) Manson на сцену, тоже носит говорящие псевдонимы. Басист и аранжировщик Твинги Рамирес (изобретательница мини-юбки и серийный убийца), клавишник Мадонна Уэйн Гэйси (сексуально озабоченная певичка и педофил — убийца 35 мальчиков), гитарист Джон Пять (прибыл в группу недавно) и самый приличный мальчик из всех Джинджер Фиш, барабанщик и потомственный музыкант. Был барабанщик Сара Ли Лукас и гитарист Дэйзи Беркович, но их выперли. А жаль — только недавно Спайк Ли снял фильм про Сэма Берковича, серийного убийцу («Лето Сэма»). Первое имя в группе — имя секс-икон, второе — монстра-убийцы. По индексу упоминания самые популярные персонажи во всем мире, не только в Америке. Мэнсон знает об этом не понаслышке. Он сам работал журналистом. И очень неплохим кстати, судя по его книге «Долгая дорога из Ада» (Harper & Collins — Прим. для «Вагриуса»), которая вошла в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

Он своим псевдонимом только показывает две стороны интересов собственного общества. Базу поп-культуры — секс и смерть. Хотя почитайте Шекспира, там то же самое — секс и смерть. Без секса обошлись только «Москва — Петушки», но там есть русский дуализм — водка и смерть. То есть опять драгу.

Собственный псевдоним Мэнсона — отдельная песня. Так как он указывает как всегда на некоторые нестыковки в прекрасной картине американской жизни. В частности, Мэнсон не является маньяком-убийцей, вопреки убежденности русских невежественных журналистов. Он не убил своими руками ни одного человека. Девки из его «семьи» — да. При этом написали лениновский слоган на стене кровью Helter Skelter. Вина Чарльза Мэнсона осталась недоказанной, и он сидит пожизненно за чужие преступления. Если бы его поймали на своих (как Берковича или Гэйси), его бы убили на электрическом сту-

ле. В тюрьме он написал альбом Lies, где есть песенка My Monkey. Это отсыл опять-таки к Леннону, который раньше выпустил песенку «Каждому есть что скрывать, кроме меня и моей обезьянки». Никто не обвинил же Леннона в убийстве Шэрон Тейт и ее гостей.

Горби же не бил ни одного грузина по голове саперной лопаткой.

У Мэрилин Мэнсона на первом альбоме «Портрет американской семьи» (1994) есть песенка «Моя обезьянка» в исполнении 5-летнего мальчика, который считает, что это считалка. У остальных бегут мурашки по коже, потому что он использует некоторые строчки Ч. Мэнсона.

Компания Nothing Records долго боролась за то, чтобы выкинуть слова из песенки. А песенку из альбома. Они считали, что того, что осталось, вполне хватит: Lunchbox (к своему счастью, русские дети не знают, что это такое — коробки для завтрака, в школах США ими дерутся) как воплощенный кошмар хождения в школу с такими же уродами-детушками и идиотскими учителями. Wrapped In Plastic — где семья решает, для чего заворачивать в целлофан мебель: от грязи на диване или чтобы пыль не сыпалась с дивана, — конечный идиотизм бытия. Но самая страшная песенка на диске — Get Your Gunn («Заполучи своего Ганна»), написанная по мотивам убийства врача Дэвида Ганна активистами общества против абортов. За жизнь эмбрионов. Pro-life Organisation. Но против жизни взрослого классного хирурга. Перед этим они три дня его пытали. Удивительно, как это люди, умудряющиеся выступать с громкими декларациями в защиту чего-то, типа, позитивного, легко и просто расстаются с чужими жизнями. Вот борец за нравственность расстрелял порно короля Ларри Флинта. Тенденция, однако. И не с Ленини и Троцкого, похоже, все началось.

Откуда у флоридского парня христианская грусть? Генри Миллер как-то допер до того, что каждый, рожденный под знаком Козерога, отягощен комплексом несения креста. Козерог М. Мэнсон проговаривается в каждом своем клипе: он и в роли инопланетного Мессии по кличке Омега (песня «Наркотическое шоу»), и в роли империалистического пассионария Джона Ф. Кеннеди, которого сначала распяли, убили, а потом превознесли (песня «Белая кома»).

После того как одни детки убили других в Колумбии, на Мэнсона вылили кучу грязи, обвинив его музыку в подстрекательстве (а также KFD и Rammstein). Мэнсон впал в задумчивость, а потом ответил заметкой в Rolling Stone, где резонно писал: «Когда Каин убил Авеля, брата своего, тогда не было компакт-дисков и рок-концертов. Стало быть, злоба человеческая присуща ему изначально, и искус-

На официальном сайте Мэрилин Мэнсона в списке концертных площадок появилась Moscow Olimpijski Arena, 23 февраля. Несмотря на записное ханство пресс-службы совкового отделения Universal Music («мы не предоставляем вам информацию о гастролях, потому что мы не любим того промотера, который занимается Мэнсоном»), стало ясно, что «Райс Лисс» уже проплатил контракт и арендовал зал. Стало быть, концерт состоится

ФОТО: САТ-МЕНЕ, ГОТОВЕ

EAST NEWS

Единственная проблема, которая может возникнуть у России с Мэнсоном, историческая. Дело в том, что Мэнсон, как лучший концертный артист, очень внимательно относится к своей профессиональной репутации. Если ему не понравится звук, он может кинуть микрофон в лицо организаторам и уйти через пять минут после начала концерта, как это было под Мюнхеном прошлым летом. Хорошего звука, так исторически сложилось, в «Олимпийском» не было никогда, за исключением концерта Pink Floyd. Поэтому для того, чтобы вы и за пять минут поняли, что такое Мэрлин Мэнсон, — пара теплых страничек о нем

ХИМЕРА ПО ИМЕНИ

МЭНСОН

ство, каким бы оно ни было провокативным, здесь ни при чем». До Мэнсона в чужих убийствах и самоубийствах пытались обвинить и Оззи Осборна, и Judas Priest, и прочих. Люди вообще любят свою подлость перекладывать на чужие плечи. «Я убил 25 проституток и закопал их под своим домом потому, что в детстве мать не покупала мне кока-колы, а тетя делала грязные намеки на мою потенцию», — обычные разговоры в американском суде.

После этого он выпустил пластинку Hollywood. Там есть песенка «Бог, оружие и правительство». Здесь же он предлагает свою версию эволюции: «Сначала была обезьяна, потом человек, потом вершина творения — пистолет». Это несколько отличается от романтического видения эволюции по Стругацким шестидесятниками — «человек, потом рюмка коньяку с долькой лимона».

Со времен Beatles у каждого артиста есть свой «Белый альбом». Появился он и у Мэнсона. Альбом — заявление, манифест, на котором он показывает все, на что способен, и с которого потом фэны выколупывают частички здравого смысла и предложений-символов. Мэнсон поступает проще — он берет все

у Леннона, из Библии и из газет и все это перемалывает при помощи отличного аранжировщика в женском платье — басиста по кличке Твигги Рамирез. Он, как и Леннон, спрашивает: «Вы хотите революции?» И уже вполне по-мэнсоновски отвечает: «Это все г...» (песенка «Одноразовые детки»). В песне «Агнец Божий» он делает upgrade аж двум песенкам Леннона — «Ничто не изменит мир, и только Леннон под удачливым стволом и слова на парашуте. Кровь на парашуте». Это финальная часть трилогии Мэнсона, и стало ясно, что он вовсе не антихрист, как некоторые тупые предлагают думать. Он вполне приличный человек. Даже, наверное, слишком много думающий о Боге. Еще со времен «Белой комы» из второй части трилогии («Механические звери») он не может оставить в покое факт убийства всех Кеннеди. Поэтому здесь есть не только «Черная кома», но и «Мертвый президент», и «Целевая аудитория», при этом слову «целевая» возвращен первоначальный расстрельный смысл.

«В своем творчестве я опираюсь на Леннона, Христа и Кеннеди, — говорит Мэнсон. — Они все пришли в этот мир изменить жизнь людей, и люди за это их убили».

Он пишет альбом с продюсером Трентом Резнором Antichrist Superstar, где поднимается от подростковых переживаний (Wormboy) до высот экзистенции (Reflecting God) с текстом One Shot (в голову) and the world gets smaller / Shoot Shoot Shoot motherfucker! Звук на концерте на этом номере становится плотным, как бампер от «Хаммера», и сносит тебя с дороги. Руководит всем этим басист с косичками, в драном платье, колготках и с размазанным макияжем («я такая маленькая шлюшка») Твигги. Он дирижирует оркестром, размахивая редким инструментом Gibson Thunderbird IV, которых у него на концерте два. Рабочий, который подает ему заново отстроенную гитару, заодно заботливо расплетает ему между номерами свалившиеся косички.

Этот, в платье белом, трахал профессиональную вдову Кортни Лав после Трента Резнора, но до Эдварда Нортон, а Мэнсон ее просто не любил. На концерте в Италии он вышел после выступления Кортни Лав и группы Hole и сказал: «Вы теперь поймете, как трудно живет ребенку (дочке Керта Кобейна и г-жи Лав), когда мамочка выпила папочке мозги из пистолета». Ну не нравятся ему лжепророки и героинового самопровозглашенные богоматери.

Сам Мэнсон в руки берет гитару, только когда ее нужно разбить. Разбивает он гитару только во время песни Rock-and-Roll Nigger. Ее написала давным-давно выдающаяся сочинительница песен и стихов Патти Смит. Тогда еще слово «ниггер» не считалось в Америке запретным. На концерте к Мэнсону подошли полицейские и сказали: «Мы вас арестуем, если вы будете петь оскорбительную для афроамериканцев песню «Рок-н-ролл ниггер». Он вышел на сцену в полицейской фуражке и с другом афроамериканцем, который и спел за него эту песенку. Действительно, на каждый справедливый акт найдется свой тупой губернатор. А как быть тогда с песней Леннона Woman is the Nigger Of The World?

ГОТОВИТЕСЬ

ФОТОНИКЕЛ АСТОН

Мэнсон понимает, что жить в Лос-Анджелесе и не тусоваться в кино как-то глупо. Поэтому он снялся у Дэвида Линча в *Lost Highway* в роли порнозвезды и записал две песенки к саундтреку (*I put A Spell on You* блюзмастера «Скримин» Джея Хокинса и *Apple of Sodom*). Потом снялся в роли анонимного любовника в *Jailbreakers* со своей подругой Розы Макгоуэн и сделал полностью саундтрек в качестве исполнительного продюсера. В фильме *Spawn* сыграл вместе с группой *Sneaker Pimps* (песню *Long Road Out Of Hell*), в молодежной комедии *Dead Man On Campus* спел песню Дэвида Боуи *Golden Years*.

А в другой комедии *Detroit Rock City* песенку AC /DC *Highway To Hell*. В фильме *Howard Stern Private Parts* он поет *Suck For Your Solution*.

Он отметился также у режиссера Грегга Араки (фильм *Nowhere*) с песней *Kiddie Grinder*. Последний его опус в кино — саундтрек к фильму «Ведьма из Блэр. Часть 2», где он опять выступает как исполнительный продюсер и сам поет песенку *Suicide Is Painless*. Некоторые комсомольские издания уже намекнули, что он вбивает в головы детишкам что-то вредное. На самом деле эту песню написал Майк Альтман для своего брата, режиссера Роберта Альтмана, и его фильма *MASH* (Передвижной военно-полевой госпиталь) много лет назад.

Панк-икону Сиды Вишеса в фильме Алекса Кокса «Сид и Нэнси» сыграл выдающийся английский актер Гэри Олдмэн. Когда дело дойдет до Мэрилин Мэнсона, его сможет сыграть только выдающийся американский актер Николас Кейдж. У них одно лицо.

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА

Александр НИКОНОВ
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

водотой

Думаю, не ошибусь, если скажу, что крупнейшим тусовочным мероприятием минувшего века, если не тысячелетия, был бал-концерт, посвященный, в общем-то, пустячному событию – десятилетнему юбилею одной российской независимой газеты. Задумка устроителей была грандиозная – собрать всех, кто хоть как-то засветился в течение последних 10 лет на политической арене и по телевизору. Но поскольку для России 10 последних лет все равно, что для западных демократий последние 200, на балу Воланда собрались в основном одни политические покойники. За редким еще живущим исключением

ИМ. В

Я считаю своим долгом заявить, что не согласен с оценками юбилея «Независимой газеты», которые сделаны в репортаже Никонова. В газете этой, между прочим, работают несколько моих личных друзей. Я просил Никонова переписать материал так, чтобы все остались довольны, на что он в своей обычной самодовольной манере заявил: «А вот Третьяков напечатал бы то, что ему не нравится. У него кредо такое: не согласен, а печатаю, чтобы не зажимать журналисту рот. А вы, Владимир Борисович, зажимаете! Стыдно не следовать новейшим и прогрессивным журналистским подходам!» Так Никонов вынудил меня сделать то, что мне не нравится.

Владимир ЧЕРНОВ

Итак, информирую: данную тусовку численностью в 2000 человек на площади в 11 000 квадратных метров задумала собрать на свой юбилей самая задумчивая газета современности — «Независимая». Или попросту «Независька», как ее называют сотрудники. Гости на черных катафалках с синими мигалками съехались в только-только отреставрированный призрачный имперский прошлый — московский Гостинный Двор. Здание сие занимает целый квартал рядом с Красной площадью, а его внутреннее пространство поражает масштабностью и стеклянным небом над головой.

Заслуженная женщина, которая отвечала за организацию сего действа, при вручении именного приглашения, где золотыми буквами светилось мое имя-отчество, объяснила, что более величественного шоу в этом тысячелетии на планете еще не бывало, и строго-настрого велела нарядиться в смокинг и бабочку.

Пока организаторша рассказывала мне про величие мероприятия, я краем глаза изучал три скрепленных друг с другом ватманских листа, лежащих у нее на столе. На листах был изображен зрительный зал, и на каждом квадрате, обозначающем стул, красовалась знаменитая фамилия, написанная простым карандашом. Тут я вспомнил про водяное перемирие в джунглях... На шоу должны были собраться столь разношерстные политические типы, что избежать драк можно было только если бы все гости на время приняли закон джунглей — во время засухи на водопое хищники не нападают на травоядных.

Для исключения межличностных конфликтов устроители долго раскладывали политический пасьянс, раздумывая, как рассадить гостей таким образом, чтобы, допустим, тот, кого когда-то чуть не посадили, не оказался рядом с тем, кто хотел его посадить. В какой-то мере это удалось. Волк не возлет рядом с агнцем. Станкевич не облобызался с Куликовым. Напротив, все общались, как сказали бы химики, только со сродственными элементами. Новодворская ходила с Боровым. Джабраилов с Церетели. Кобзон с Шандцевым. Горбачев с неопознаваемыми старичками и старушками. Депутат Митрофанов со своими комплексами...

Надо сказать, требование устроителей одеться поприличнее свергло меня в состояние легкой задумчивости. Во-первых, как у всякого нормального человека, у меня нет смокинга. Во-вторых, как человек совершенно ненормальный, я не имею также и серого (черного, темно-синего и даже коричневого) костюма. Более того, я вообще не имею никакого костюма, а имею лишь какой-то случайный желтоватый пиджак в какую-то неопределенную не то клеточку, не то полосочку, каковой пиджак надеваю примерно раз в год, если не реже. Зато у

оланда

меня есть замечательный ядовито-желтый галстук, украшенный малюсенькими красными стульчиками, столиками и прочей домашней утварью. Мне его подарила в Стокгольме мебельная фирма ИКЕА за то, что я журналист.

Жена мягко посоветовала пойти с утра в магазин и купить черный костюм. Но я решил не изменять себе на потребу публике. Праздник все-таки, наряжусь в желтенькое! В конце концов и без меня там будет достаточное число людей, одетых как покойники.

Галка приехала на тусовку на час позже меня. Она была в вечернем платье и по этому праву критически оглядела меня с ног до головы.

— Так Ты не со мной.

Затем с чисто женской нелогичностью подхватила меня под руку. А потом развеселилась:

— Ой, видел, как Алентова посмотрела на твой галстук, когда с Меньшовым мимо проходила? Отвела глаза, потому что неудобно так долго пялиться. А потом не выдержала и, когда мы поравнялись, снова глазами на твой галстук стрельнула.

— Значит, скоро все будут ходить в таких галстуках. Подумают, так теперь модно.

Мимо проплывали престарелые дамы в вечерних платьях и их потрепанные великосветские львы. Там и сям мелькали знакомые лица с забытыми фамилиями. На шезлонгах возле бассейна, поблескивая саблезубыми улыбками, возлежали в одних купальниках юные красавицы с длинными ногами, которых так и тянуло погладить, поскольку рядом не было таблички «экспонаты руками не трогать». Невдалеке от них девушки с меловыми лицами, одетые в белое трико, изображали статуи на постаментах, меняя позы каждые пять ми-

нут. А другие длинные девушки с перьями в волосах и блестками на одежде ходили среди публики, изображая красоту.

Я старался краем уха уловить, о чем таком важном говорят гигантские политические и деловые шишки, присутствовавшие на мероприятии. Шишки говорили о своем, шишкинском.

— В России Березовскому будет теперь невозможно, а за границей скучно. Он привык к бурной деятельности, так что от скуки может даже заболеть нехорошей болезнью.

— Капиталы, которые мы накопили здесь и которые здесь считаются большими, за рубежом мизерны. Нам еще копить и копить.

— Гусинский — уникальный еврей. Но в Израиле он затеряется.

— А этого чего сюда позвали? Он только дискредитирует все собрание. Если б я знал, что он будет, я бы не пошел.

— Да бросьте. Пусть он страдает, видя вас.

А дальше был концерт. Для вчерашних политиков пели вчерашние эстрадники — Магомаев, Сняевская. Как живой выступил белорусский вокально-инструментальный ансамбль «Песняры» с «Беловежской пущей». Плясал с саблями грузинский национальный балет в мягких сафьяновых сапожках. Четко и молодежливо отпели академические хоры внутренних и внешних войск. Узбекский ансамбль «Ялла» исполнил песню «Учкудук — три колодца». Вели концерт вечная Людмила Чурсина и дедушка Николай Дроздов из неполитической программы «В мире животных». Жена тихо спросила, чисто по-женски совместив вопрос с ответом:

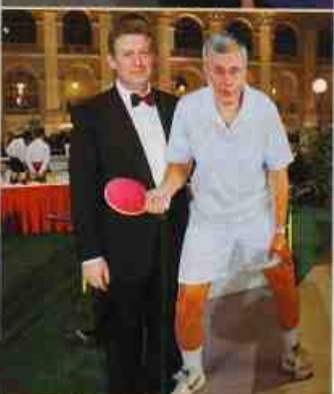
— Откуда они таких реликтов накопили из нафталина?

Тусовка напомнила мне русскую эмиграцию в Париже после Гражданской войны. Своим политическим разноцветьем и непримиримостью. Своим пафосом. В ресторане играют «Боже царя храни...». Офицеры встают. В них летят бутылки эсеров и анархистов. Когда во время концерта главный редактор «НГ» Третьяков вручал один из главных призов газеты — «Золотую устрицу» — Михаилу Горбачеву, два человека попеременно подылились и заплескивали, сделав попытку своим героическим примером увлечь зал и устроить бывшему генсеку овацию стоя. Зал не поддержал порыва, и вставшие пооглядывавшись сели.

Любопытно, что в роскошно отпечатанной концертной программке типография допустила ошибку. Но, видно, перепечатывать тираж было уже некогда, и устроители решили обхитрить это. И в конце представления Виталий Третьяков объявил, что в программе намеренно допущена ошибка. А кто ее найдет, тот получит приз.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное для меня. Моя родная жена вдруг подняла руку и сказала, что нашла ошибку. Оказывается, прямо на первой странице вместо «Независимая» было написано «Незасимая». Вот тебе раз! А я думал, программки эти никто не читает. Отчего-то вдруг вспомнился итальянский автомобиль, выставленный в зале рядом с плакатом «Приз от фирмы «Фиат».

Однако поскольку концерт кончился и граждане отдыхающие уже предвкушали фуршет, торжественного награждения не получилось — публика побежала жрать. Однако я со своей неистребимой страстью к справедливости решил, что просто так это дело

не оставлю, пробился к Третьякову, таща на буксире жену, и потребовал приз на бочку для внимательной женщины.

— Вы так на меня наседаете, будто думаете, что я вас обману! — несколько раздражился Третьяков. Повернулся к помощнику и тут же беспрекословно выдал приз — бесплатную подписку на «Независимую газету»!

Усталые, но довольные, зажав в потном кулачке возжеленную подписку, мы двинулись за едой к столам, облепленным наподобие мух посетителями.

Тут я встретил знакомого доктора географических наук, подрабатывающего спортивным журналистом, который, жуя, поделился философскими наблюдениями:

— Раньше, при советской власти, я мог на свой дневной заработок посетить с девушкой ресторан. Но времена изменились, и сейчас я не могу этого сделать даже на месячную зарплату. Но зато теперь стало так много всяческих фуршетов, что каждый вечер можно ходить и питаться бесплатно, а девушки мне уже не нужны. Все в мире так или иначе компенсируется.

Я давно понял, что принимать пищу на фуршете несколько унижительно для самосознающей личности. Но поскольку мне все время почему-то хочется жрать, я иногда наступаю на горло собственной песне и таки питаюсь на фуршетах, ощущая при этом греховное чувство вины. При этом, пока я борюсь с чувствами, публика в смокингах удивительным образом успевает смести всех целиковых осетров, розовых поросят, белорыбицу и икру, и мне приходится довольствоваться остатками ветчины и заветренными помидорами.

Как существо утробное и грешное, я искренне восхищаюсь выдержкой тех, кто на фуршетах вообще не ест, и потому вынужден отметить этих достойных людей особо. Итак, из отечественной интеллигенции на означенном банкете не бегали с тарелками Мамут, Хакамада и Юшенков. У Мамута еды и дома полно. Хакамада продолжала худеть. А Юшенков приставал с диктофоном к разным примелькавшимся гражданам с просьбой рассказать анекдот для будущей книжки «Анекдот от...».

Прошу прощения у всех прочих интеллигентов, чьево аскетизма я не заметил и потому не перечислил их знаменитые фамилии.

Между прочим, в приглашении было написано, что гости могут захватить с собой купальные костюмы. Поэтому, раскатав губы на покупаться, я заранее сунул плавки в полиэтиленовом пакете в карман пиджака. Однако поплавать не пришлось: бассейн оказался круглой кадкой четырех-пяти метров в диаметре. На его бортике сидели и хихикали упомянутые мною несколько выше голоногие девушки.

— Девушки, вы откуда?

— Из синхронного плавания.

— А чего сидите? Вы плавайте, плавайте.

— Вода холодная!

Я сунул в бассейн палец.

— Действительно. Вопрос не продуман.

А вокруг бассейна ходили и бросали быстрые взгляды на голые ноги пловчих известные люди, от которых еще недавно зависели судьбы миллионов людей, стран, а от одного и судьба всей планеты.

Сбоку переливались музыкой бесплатные игровые автоматы, рядом кружилась и сверкала огнями неожиданно страшная детская карусель без единого ребенка. Не хватало лишь волны приглушенного шепота, которая бы вдруг затихающим ветерком пробежала по толпе: «Малюта! Малюта!»

Как упоительны в Бурденко вечера...

Есть такая профессия — Защищать Родину. Сложно представить себе дело более благородное, ведь что может быть почетнее, чем стоять на страже мирного сна страны, в которой ты родился, которая выучила тебя читать и писать, страны, в которой живут твои родители, страны, в которой ты познал радость первой любви и горечь первой разлуки. Но дело это непростое. Кадровым военным приходится посвящать любимому делу себя всего, без остатка. И уж если эти люди попадают в беду, если вдруг подлая пуля уложит его в госпитальную палату, то тут все россияне должны прийти ему на помощь, не щадя ни сил, ни времени, ни денег.

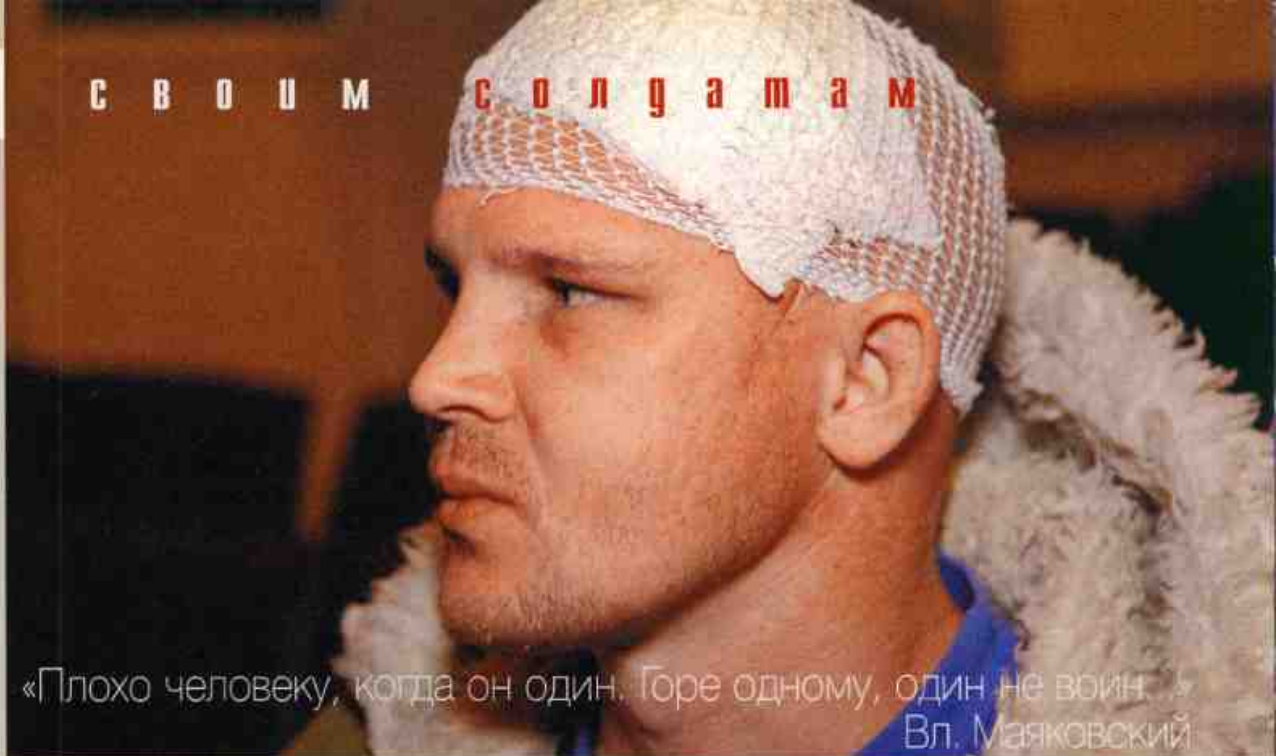
Именно так поступают участники огоньковской акции «Россия — своим солдатам». На рубеже нового тысячелетия они устроили для солдат и офицеров, проходящих курс лечения в госпитале имени Бурденко после ранений в Чечне и Таджикистане, настоящий концерт. «Держитесь, хлопцы, будьте здоровы, жизнь продолжается...» — такими словами приветствовал собравшихся в актовом зале госпиталя лидер группы «Иван Царевичъ» Валерий Наумов. Следом за ним с лучшими своими хитами на гостеприимной сцене выступили Николай Трубоча и группа «Белый орел».

Концерт удался на славу. Аплодисменты и крики «Браво!» лавиной сыпались из благодарного зрительного зала. «Как жаль, — вздыхали солдаты, — что с нами рядом нет наших боевых товарищей, которые из-за тяжелых ранений не смогли прийти в зал».

Но вздохи были преждевременны. Тяжелораненные, как их здесь называют «лежачие» больные, тоже получили подарок, ничем не уступающий концерту. Председатель «Союза семей военнослужащих» Мария Артемовна Большакова приготовила для них настоящий новогодний сюрприз: при помощи мобильного телефона она предоставила всем, кто по той или иной причине не смог прийти в зал, возможность звонить пообщаться с родными и друзьями.

В общем, вечер удался на славу. Лица солдат, прощавшихся с артистами и устроителями этого мероприятия, просто светились радостью. И главное в этом было вовсе не удовольствие от концерта и не радость от полученных подарков, а сознание того, что о них помнят, что их уважают, что их благодарят за то беззаветное служение Родине, истинный пример которого они показали.

Кондрат ФИЛИМОНОВ
Михаил СОЛОВЬЯНОВ (фото)

«Плохо человеку, когда он один. Горе одному, один не воин»
Вл. Маяковский

В. НАУМОВ: «ДЕРЖИТЕСЬ, ХЛОПЦЫ, БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ, ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...»

Н. ТРУБОЧ: «РЕБЯТА, У ВАС ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ»

ЛЕОНИД ЛЮТИНСКИЙ, СОЛИСТ ГРУППЫ «БЕЛЫЙ ОРЕЛ»

ДЛЯ МАРИИ БОЛЬШАКОВОЙ ВСЕ РАНЕННЫЕ СОЛДАТЫ, КАК РОДНЫЕ ДЕТИ

Суббота, «Аромат женщины», СТС, 21.00

Иногда они возвращаются

Маша МАЛЬЦЕВА

Ну вот, наконец началось нормальное течение телевизионной жизни. ТВ выплеснуло на головы накопленную за весь год порцию пошлости в исполнении узкого круга московской «семейной» тусовки и теперь отдыхает. Рвотный рефлекс в этот раз не вызвала разве что третья, заключительная, часть «Старых песен о главном». Похоже, что его создатели уже сами напуганы своим карканьем про старые главные песни, которые иногда возвращаются, и решились на прорыв в виде «Мелодий зарубежной эстрады».

Лагутенко и Twist and Shout — это сильно, Валерия и Greenfields — это ностальгично, Носков и «Дельтаплан» — это очень похоже на Леонтьева. Слава богу, стало ясно, что наши мастера эстрады не такие пошлые лабухи, которыми в последнее время года так стараются казаться. И когда-то даже они слушали нормальную музыку, ходили с кудрявой головой и чаить не чаяли, что будут держать своего слушателя за конченое быдло.

Понедельник. Религиозный экстаз расцветает по все каналам. Постараемся как страшный сон забыть трансляции из Храма-На-Бассейне, где главными действующими лицами были бритые затылки охранников, загораживающих светлый лик Патриарха. По Дарьял ТВ, каналу, который ловится, по-моему, даже без антенны в комнате с железными стенами на Северном полюсе, в 20.25 я обнаружила разговор по душам с отцом Александром под названием «Пятое измерение». И это, кстати, после очередной серии «Су-

перкниги» в 19.10, японского мультфильма про детей и робота (I), путешествующих по Библии. Сюрреализм или апокрифы? А вот реальную библейскую драму «Иосиф» с Мартином Ландау и Беном Кингсли, актерами высочайшего класса, достойного игры по мотивам Книги Книг, вы увидите в 17.30 по РТР. Драма, вероятно, сугубо драматичная и драматургичная, судя по тому, что это только первая серия.

Вторник. Возвращением недели можно назвать мультсериал «Ох, уж эти детки!» Великолепное пособие для подготовки к экзамену на психфаке по «Метафизике детства». Мультфильм нацелен либо на резкий подъем рождаемости, либо на наблюдение за хулиганскими карапузами станет для вас новым средством контрацепции. Тем более что показывает его телеканал «Культура» (20.10).

Был такой режиссер Эд Вуд. Был он плохим парнем и снимал очень плохое кино. В Лос-Анджелесе говорят, что фильмы Эда Вуда настолько плохи, что он после своей смерти в 1978 году стал безусловной культовой фигурой (наконец слово «культовый» применяется в оригинальном его значении). Некоторые предлагали даже дать ему «Оскара» за достижения всей его жизни. Настолько они были плохи. В его фильмографии такие картины, как «Глен или Гленда» — про трансвеститов, «Отсидка» — про заключенного, «План 9 из открытого космоса» — научная фантастика. Он не дурачился. Он в самом деле считал, что снимает настоящее кино. И ни-

как не мог понять, почему его картины так плохо принимают. И через 16 лет после смерти удостоился биографической картины. В его доме играла музыка, но он ее не слышал. Вот такая трагическая байка.

Но есть режиссеры, которых не будут в своих картинах воспевают такие люди, как Тим Бертон. Потому что они снимают «Лепрекон в космосе» («Столица», 22.25) и «Жесткие челюсти» (М 1, 22.00). А это будет гораздо бездарней, чем «Невеста монстра» или «Доктор Акула» покойника Вуда.

Среда. Режиссер Кевин Смит привлекает в западню. Чем больше его фильмов ты смотрел, тем смешнее каждый следующий. Знакомые лица кочуют из картины в картину. И ты понимаешь, что находишься в тайное общество. Правда, можно расценить это, как попытку создания суперсериала, но бюджеты у него не телевизионные и уж подавно не спилберговские. Чтобы лучше понять ту же «Догму» или «Тусовщиков из супермаркета», надо включить телевизор в 22.25 и найти канал «Столица». «Клерки» — это первая ступень в понимании Кевина Смита. Просто молодые ребята, продавцы в маленьких магазинчиках, противопоставляют свою юность бессмысленности жизни в целом. Философский контраст порождает комические ситуации.

Кто-то думает, что Дьявол — женщина (Элизабет Хэрли, например, в «Ослепленном желанием») или что Иуда был афропалестинцем (Норман Джуисон). Джек Бэйран считает, что Судьба (Дестини) —

это Квентин Тарантино. И он-то как раз и соединяет-разъединяет жизни сбежавшего преступника, его возлюбленной, хозяина мотеля на выжженных солнцем просторах Невады. Любит Тарантино маленькие роли, и они любят его («Дестини включает радио», РТР, 0.35).

Четверг. Понятно, почему Артур Миллер полюбил Мэрилин Монро. Красавица и чудовище. Почему же Блондинка была вместе с этим Интеллектуалом? Документальный фильм об Артуре Миллере, драматурге и, по всей видимости, настоящем мужчине, на «Культуре» в 15.05. Целый ворох настоящих мужчин будут предавать друг друга, поить друг друга, ненавидеть друг друга, а потом придет Сильвестр Сталлоне и разгонит весь этот беспредел. Роберт Де Ниро, Харви Кейтел не новички в детективных боевиках, они давно уже мечутся между полицейской и мафиозной темами. Поэтому, видимо, и решили сняться в фильме, в котором никто не может определиться: то ли он на хороших работает, то ли на плохих. Совет: на себя работать надо («Полицейские», «Столица», 22.25). То есть «Менты».

Пятница. И как всегда в пятницу вечером, смотреть по сути дела нечего. Это ваше семейное время для проверки дневников и выпечки пирогов. Образовательно-развлекательный момент — это «Неизвестный Голливуд» в 17.25 по REN TV. Очаровательная старушка Джеки Коллинз проведет экскурсию по золотым годам Голливуда. 15 лет расцвета мюзиклов, комедий, драм, 15 лет красоты и веселья пролетят за час. Надеюсь, что гид не подведет. Только советую помнить, что Джеки Коллинз — одна из самых неприятных и ненавидимых голливудских персонажей. А все за ее язык. Аккуратней собирайтесь сегодня на вечеринку, не доводите свою вторую половину. И не надо раздражаться по поводу того, что она не умеет завязывать галстук. Почему галстук? Вот если вечеринка все-таки не удастся и вы вернетесь домой, то все про галстуки вам расскажет Альфред Хичкок. «Иступление» на СТС в 23.30.

Суббота. Качество игры актеров проверяется с выключенным звуком. Беззвучная фальшь распознается значительно быстрее. «Таксиста» в свое время я смотрела под живой саундтрек нон-стоп от английского диджея в клубе «Спартак» в Питере. Так как звук непосредственно фильма полетел на пятую минуту, то немногословный герой Де Ниро вообще превратился в немого и приобрел новые черты характера. И образ получился более осмысленный, что ли. И вывод соответствующий,

«Таксист» — хорошее кино (ОРТ, 23.45). Еще один любимец русских актеров Аль Пачино в «Аромате женщины» тоже с недостатком. Он слепой. И очень любит веселье. А молодой и бедный студент (Крис О'Доннел), нанявшийся ухаживать за инвалидом вьетнамской войны, потихоньку учится такому сочетанию жизнелюбия и суицидного поведения. Дискордантность называется (СТС, 21.00). Раз по стареньким добрым фильмам пошли (новых все равно нет), то совершенно замечательным, с точки зрения психотерапии, является фильм «С меня хватит!» Так делать нельзя. Нельзя выходить из машины в пробке (хочется, понимаю), нельзя бить лица продавцам в «Макдоналдсе» («свободная касса!»), нельзя стрелять из базуки на улице. Майкл Дуглас в главной роли — это просто стусок стресса. Посмотрите на его перекоженное жизнью лицо. И... успокойтесь — в этой стране вам не продадут гранатомета в магазине, но в соседней части у прапора можно приобрести (21.30, REN TV).

Воскресенье. «Я знаю все» — это интеллектуальное шоу LG. Чтобы почувствовать себя гением и порадоваться, что школа давно за плечами, надо включить ТВ 6 в 11.30. И с утра поднять себе настроение. И повысить самооценку.

А теперь включите REN TV в 0.00. Стивен Содерберг («Секс, ложь и видео») приглашает вас в «Шизополис». Нет, это не про Москву. Если вы хотите, чтобы ваши мозги напряглись и свихнулись окончательно, то Стивен предлагает вам фильм с собственным участием, причем в нескольких ролях, причем может быть это и одна роль, а вот жен несколько, а может быть, они поменялись местами...

Вечером по ОРТ Ганнибал каннибал Лектер в исполнении сэра Энтони Хопкинса, «Молчание ягнят» (20.15). А в 0.25 показывают ранний фильм Верхулена «Оранжевый солдат». То есть солдат, бьющийся за старое нидерландское оранжевое знамя. На самом деле флаг давно трехцветный и бьется Рутгер Хауэр с немецкими фашистами.

Почему-то тоже ночью по ТНТ идет неплохой фильм «Переправа Кассандры» с Софи Лорен, Мартином Шино и Ли Страсбергом. Этим же вечером несколько отличных старых картин, которые вас отвлекут от невыносимой легкости бытия: «Море любви» с Эллен Баркин и Аль Пачино (СТС, 21.00), «Рикошет» с Дензелом Вашингтоном (REN TV, 21.30), «Частные уроки» с Эммануэль на пенсии Сильвией Кристель (понятно дело, М 1, кто ж у нас борется за свободу тела? 23.30).

С К А Н В О Р

Роман Золя	Эстр. певец	Мягкий металл	Кормо- вая репа			2		Актр панто- мимы	Рай	Старый ... мимо не каркнет	"Папа- ши", актер	
		3	Англ. химик	Шара- пова	Турге- нев, роман	Гильза, снаряд	Англ. писа- тель					
Китай- ский ясень	Ньюфа- ундленд (собака)	Осадки			Господ. вкусы	Шерст. ткань				Мартин (певец)	"Мос- ковский дворик"	
			Матем. упраж- нение		6		Звезда, Телец	4				
Запол- нитель, бетон			С. Га- ланин	Дочь Гармо- нии		Лекар. форма	Онагр	Муз. лад				
Кров. семья	Ковчег	22 ярда		Удочка					Старин. кабард. танец	7	Грызун	Кро- вельный мате- риал
			Замша	Хал- цедон		5	Приток Иртыша	Мешо- чек для табака				
Смотан- ные нитки	Соха- тый			Удив- ление (межд.)	Символ госу- дарства	Водяной вал				Фильм по роману С. Кинга		
			Шут			Город, Челяб. обл.		Карбо- ловая кислота				
"Ра- кушка"	1	Аромат		Рулевое колесо	8					Реаль- ность		

Составил В. Зарубин

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 48

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Крест. 4. Зеркало. 7. Объем. 11. Комедиант. 12. Телевизор. 13. Вареники. 14. Нерест. 15. Канкан. 16. Хор. 17. Кок. 20. «Намедни». 22. Кошки. 23. Налог. 24. Пауза. 25. Коломбо. 28. Озноб. 30. Лед. 31. Мед. 32. Пыхта. 34. Егза. 35. Грива. 36. Амбар. 40. Простор. 42. Клунада. 44. Парадокс. 45. Незабудка. 48. Денди. 49. Лего. 50. Скит. 51. Тибет. 54. Генератор. 56. Свя-
тыня. 59. Альпайр. 61. Суверенитет. 64. Слон. 66. Ашуг. 68. Аорта. 69. Озимь. 70. Огрыз. 71. Рампа. 73. Аргус. 75. Скрипка. 77. Гамма. 79. Альфа. 80. Сумма. 81. Нерон. 82. Насос. 84. Горелка. 86. Мост. 87. Улов. 88. Мирт. 89. Фарс. 91. Раритет. 92. Натурал. 93. Пастила. 94. Акт. 95. Таракан. 96. Слякоть. 97. Аут.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Секунда. 2. Камера. 3. Свист. 4. Затворник. 5. Курение. 6. Остановка. 8. Блеск. 9. Музыка. 10. Баранка. 16. Холодец. 18. Кальман. 19. Скалы. 21. Ягода. 24. Попытка. 26. Обзор. 27. Бордо. 29. Бурлеск. 33. Хиромантия. 37. Белорыбиз. 38. Особа. 39. Инцидент. 41. Канитель. 43. Аншлап. 44. Партер. 46. Загон. 47. Дукал. 52. Орфей. 53. Эстрада. 55. Пропажа. 57. Тост. 58. Ясность. 59. Атавизм. 60. Тяга. 62. Ермак. 63. Исток. 65. Лавсан. 67. Ураган. 72. Миллениум. 74. Герострат. 75. Сангвиник. 76. Ассамблея. 78. Мессалина. 83. Сулема. 85. Атлант. 86. Марка. 90. Старт.

1	2	3	4	5	6	7	8
---	---	---	---	---	---	---	---

астрологический прогноз 15 — 21 января

ОВЕН Звезды неплохо устроились, смотря сверху, как вы гоните себя на работу. Отращивание к труду не исчезнет и во вторник. Если в среду отношения с вышестоящими будут строиться с упором на то, что вы бедная овечка, рассчитывать на служебный рост не придется. К пятнице на употребление спиртных напитков может лечь табу. Разорвать цепи запретов захочется в субботу. Но помните — в спиртовом племени погибнут ваши творческая энергия и многогранность.

ТЕЛЕЦ Маршировать в авангарде предстоит в начале недели. К среде вы незаметно проберетесь в обоз и найдете успокоение в тиши и неге. В четверг наступит благоприятное время для всяческих приобретений. Пятница вооружит живой струей в стоячие воды рутины. Отбивайте дробь каблукми и пляшите круче балета «Тодес». Легкое облачко грусти прикоснется к вашему челу в субботу, но бурное воскресенье развеет печаль и принесет отдохновение всей семье.

БЛИЗНЕЦЫ Пристальное внимание к человеческой личности, особенно противоположного пола, охватит вас с понедельника. Следствием этого будет некоторая нервозность в отношениях с шефом. «Половина» тоже рискует попасть под артобстрел. К среде буря уляжется и вы будете способны на самозабвенную любовь. Пятницу проведите тихо и мирно, штормая носки или вытирая пыль, а в выходные под пару стопок и жареную курочку спойте несколько задумчивых песен.

РАК Таинственные инфернальные силы пригвоздят вас к подушке в понедельник, но звезды-батмены освободят и отправят на рабочее место. Смириться ко вторнику. Некоторое охлаждение в отношениях с «половиной» грозит растаять на ледниковый период со среды по четверг. Согревайте любимую (-ого) своим теплом и телом, без остановки читая стихи. Тогда к выходным весенние ручейки из растаявшего льда зажурчат в квартире, принеся облегчение всем ее обитателям.

ЛЕВ Понедельник удивит вас своей соразмерностью и упорядоченностью. Зато вторник захлестнет волной событий, диапазон которых будет весьма широк — от светлых слез до мрачного хохота. В четверг посетите родителей или порадуйте своим появлением тещу (свекровь). Пятница — День вашей независимости. Займитесь личной жизнью, но в пределах разумного. В воскресенье потянет на подвиги и приключения. Упритесь и не поддавайтесь.

ДЕВА Звезды жонглируют неожиданностями в начале недели. И уже во вторник возникнет желание выйти из себя. Стихийный протест обречен на провал. С осторожностью отпускайте шутки в среду. Активное отношение к жизни не должно угаснуть в четверг. В преддверии выходных наполните вечер пятницы веселой суетокой. В выходные выходите в свет блеснуть природными умом и грацией. Если они отсутствуют, то замените их блеск мерцанием бриллиантов.

ВЕСЫ Ночное присутствие полтергейста обнаружится утром в понедельник. Губная помада на щеке (махорка в сумочке) вряд ли убедит «половину» в действиях потусторонних сил. Весь вторник заваливайте ее газетными вырезками с фотографиями барабашек. Среда ничем, увы, не поможет, но и не помешает. В пятницу вспомните, что человек — покоритель природы. Покоряйте без насилия и мусора, оставив о своем воскресном присутствии только смутные догадки.

СКОРПИОН В понедельник проблемы воспитания детей и перевоспитания «половины» увлекут вас всецело. Действуйте с тактом, без хирургического вмешательства. Среда — хороший день для похода в парикмахерскую, салон красоты или массажный кабинет. Четверг вы должны встретить поскрипывающей кожей, ясными глазами и роскошной прической. В выходные умерьте свой боевой пыл и предоставьте близким возможность немного отдохнуть.

СТРЕЛЕЦ В понедельник вы будете востребованы как никогда. Во вторник мир в семье создаст надежный заслон внешним раздражителям. «Половина» всю неделю будет придерживаться «теории бесконфликтности», то и дело выкидывая белый флаг и сдаваясь без боя. В четверг привяжется хандра, которая будет одолевать до самого вечера, испытывая на прочность нервы домашних. В выходные хандра позорно ретируется в самом начале семейного торжества.

КОЗЕРОГ В понедельник жажда новых свершений будет мучительной, требуя утоления. Займитесь легкой или махром. В среду все восхитится вашей беспримерной работоспособностью. Чтобы не спровоцировать переход восхождения в неприязнь, затушите пыл. В пятницу велика будет тяга к добру и справедливости. Готовность помочь ближнему распространится и на выходные. Что может быть прекраснее вынесенного вовремя мусорного ведра или выведенной вовремя на прогулку собаки.

ВОДОЛЕЙ Понедельник поставит перед вами вопрос: а нужна ли человеку работа? Зависть к господам без определенного места жительства и рабочего места заполнит вас до краев. К среде сила привычки возьмет верх. Четверг подарит несколько неожиданностей, которые лучше всего пройдут, если в вашем правом ботинке притаится скрепка, способная навеки соединить любые отношения. На выходные оторвитесь от родной стаи и улетите в свободную прерию.

РЫБЫ В понедельник мир окрасится в семь цветов радуги. Коллеги порадуят изящными хитросплетениями в среду, шеф шокирует интеллектуальным выплеском в четверг. Сражайтесь с собственным аппетитом в пятницу, усмиряя его рисовой ерундой. Суббота добавит в дом друзей с детьми, друзей детей и собак друзей детей. В воскресенье укрепляйте фамильную крепость, промойте бойницы и запаситесь провизией на случай повторной атаки гостей.

1000000000

4

603747 000010